

ЛЕНИНГРАДПОЛИТПРОСВЕТ

ХРЕСТОМАТИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

ЧАСТЬ II

РЕВОЛЮЦИЯ НА ЗАПАДЕ

3-ье ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД

1924

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛЕНИНГРАДПОЛИТПРОСВЕТ

ХРЕСТОМАТИЯ

по истории
классовой
борьбы

состав. Вал. Фейдер

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

Революция на Западе

III-е ИЗДАНИЕ

Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета рекомендовано как пособие для совпартишкол, рабфаков, школ взрослых и т. д.

Издательство „ПРИБОЙ“ Ленинград.

1924

«Призрак ходит по Европе, призрак коммунизма».

К. Маркс.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель II части Хрестоматии по истории классовой борьбы дать материал, освещающий революционную борьбу на Западе. Материал подобран так, чтобы была возможность вскрыть закономерность в историческом процессе и сделать соответствующие сравнения с современностью.

Развитие капитализма и, как следствие его,—борьба буржуазии за власть. Богатейший материал для этого дает великая французская революция.

Учащиеся, на основании соответствующего материала, самостоятельно разрешают следующие вопросы: предпосылки революции, роль массы, борьба классов и роль партий в ней, различные этапы в развитии французской революции, причины реакции.

Дальнейшее развитие капитализма, выдвигая новую революционную силу,—пролетариат, отбрасывает буржуазию в лагерь контр-революции. Освещению этого вопроса посвящены главы II—VIII Хрестоматии. Здесь,—на основе самостоятельной обработки материала, учащиеся могут сделать выводы о тактике революционной борьбы рабочего класса, учесть его ошибки и т. д. Период этот завершается государственным переворотом Наполеона III. Документы,—как, например, воззвание к гражданам и солдатам, дают возможность вскрыть внутреннюю подоплеку этого переворота и провести аналогию, как с переворотом Наполеона I, так и с современными попытками бонапартизма. Таким образом, на основе изучения конкретного материала, учащемуся становится ясным, при каких условиях возможен контр-революционный переворот.

Следующие главы посвящаются уже выкристаллизовавшейся классовой борьбе пролетариата, созданию классовой пролетарской организации и первой попытке пролетариата захватить власть в свои руки—Парижская Коммуна. Материалы дают здесь возможность произвести анализ для вскрытия движущей силы в этих событиях и установления определенных выводов.

Революционная борьба на Западе доводится до наших дней. Предлагаемый к разбору материал, кроме вскрытия закономерности исторического процесса, дает возможность установить общность его с историческим процессом в России. Например, бакунизм на Западе и влияние

Бакунина в России,—контр-революционность буржуазии на Западе и у нас.¹⁾ Период мирной борьбы пролетариата на Западе и в России,— правда, протекающий у нас быстрее, чем у соседей,—но также соответствующий определенной стадии хозяйственного развития страны и рабочего движения (9 января 1905 г.). Корни соглашательства, начиная с Луи Блана на Западе и соглашательство у нас. Бонапартизм на Западе и у нас.

Примеров этих вполне достаточно для того, чтобы учащийся, сам обобщая их, натолкнулся на закономерность и не схематично, а по-марксистски сделал вывод, что в основе хода истории и революционной борьбы лежит развитие производительных сил и что одинаковое состояние последних обуславливает одинаковые последствия. Умело разобранный материал послужит канвой для изучения исторического материализма.

Ядвига Нетунская.

Петроград.
Июль, 1923 г.

¹⁾ См. Хрестоматию по истории классовой борьбы. Ч. III-я. Революция в России.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Великая французская революция (1789—1799).

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ.

Люсьен Гальяр—Дельфине (1775).

Как только горы остались за мной, я увидел впереди целые области, как будто только что покинутые воинственными грабителями. Пустоши, луга, поля, пересекаемые грязными дорогами. На расстоянии многих миль—ни одного человека! Лишь изредка показывалось кое-где живое существо, с прядями волос, падающими на закоружлое от грязи лицо, испуганно смотрящее на меня своими покрасневшими глазами.

Перед наступлением ночи я постучался в двери одной закоптелой хижины, в округе Норуа. С воем, напоминавшим мне вой волков в Вогезах, какое-то существо бросилось мне навстречу.

— У меня нет ничего, ничего!—кричала оно.—Даже замок от дверей уже взят сборщиком податей!

При лунном свете я мог рассмотреть, кто был передо мной. Это могла быть только колдунья! Космы грязных белых волос торчали на ее желтом черепе. Кости обнаженной верхней части ее туловища были обтянуты коричневой кожей, груди висели, как пустые мешки, на обвислом животе. Я перекрестился. Тут я услышал какой-то плач в темноте хижины. Предположив преступление, я бросился за ведьмой внутрь хижины. Она что-то подняла с голого пола хижины, какой-то узел лохмотьев, как мне показалось. Она качала этот узел на своих костлявых руках, прижимала к своей иссохшей груди и слезы потоками лились на него. Я увидел маленькое личико старческого вида, величиной не больше моего кулака, которое выглядывало из лохмотьев. Она прижимала его к себе и целовала...

Тогда я понял, что это была женщина!..

И вот, постепенно, путешествуя дальше, я перестал ужасаться. Везде я видел одно и то же. Дома без окон и полов и в них ничего, кроме грязной соломы. Мебель во время последней зимы была сожжена в камине, так же как и последние плодовые деревья перед домом. Все же

остальное имущество было сожрано сборщиками податей и землевладельцами. Виноделы в Лаферте вынуждены были выпустить вино в реку, потому что им нечем было заплатить за него налог.

Когда я достиг Шатильона на Сене, навстречу мне стали попадаться целые толпы крестьян, бросивших свои поля и отправлявшихся на чужбину. Одни из них вторгались в город, где каждый дом напоминал развалины, и вымаливали работу у швейцарского суконного торговца, недавно приехавшего, чтобы завербовать за дешевую плату женщин для своих ткацких станков. Его восхваляли, точно самого бога за это. Тут были люди, которые точно скот питались травой, за неимением ничего другого, и то, что они получили теперь—кусок хлеба, казалось им настоящим спасением. За это они готовы были день и ночь корпеть над станком.

Я приближался к Парижу с пустыми карманами. Перед лицом всех этих бедствий, каждое су жгло мне руки, пока я не отдавал его. Я проходил мимо роскошных замков и великолепных цветущих садов. И хотя я чувствовал уже спазмы голода, но скорее готов был бросить горящий факел в эту роскошь, чем протянуть руку и просить милостыни!..

Граф Гюи Шеврез—Дельфинс.

Версаль, 22 ноября 1787 г.

... В сопровождении лишь нескольких самых верных своих приближенных, королева шла по пустынным садам Трианона, на которые осень уже наложила свою печать...

— Я хочу хоть один раз доставить себе радостный день,—сказала королева с грустной улыбкой и взяла полный кошелек, чтобы раздать деньги обитателям маленьких домиков, которым она покровительствовала.

Когда мы приблизились, нам навстречу вышли лакеи, посланные вперед, чтобы оповестить о визите королевы. Они имели смущенный вид. „Люди на работе“,—сказали они. Королева прикусила нижнюю губу. „Мы подождем“,—ответила она и села на каменную скамью. Люди выглядывали в маленькие окошечки то там, то сям, и тотчас же исчезали. Наконец, показалась веселая толпа ребятишек, бежавших с дуга нам навстречу. Королева позвала их, взяла самого маленького на колени, поцеловала его и каждому сунула в руку золотую монету. Родители же украдкой смотрели на это из-за изгороди.

— Еще год назад они все лежали передо мной во прахе!—горько проговорила королева.

Мы, молча, пошли назад. Только она шла перед нами, гордо подняв голову, с высокомерно презрительной улыбкой на устах.

Вслед за тем мы все обратили внимание на перемену настроения не только у нее, но и у короля...

— Новаторы хотят перестроить Францию по английскому образцу,—сказал он недавно с горечью, а затем, во время последнего официального приема в Версале, громко заявил: „Идея создать постоянные генеральные штаты носит характер, подрывающий монархию. Если она осуществится.

то между королем и народом останется только одна промежуточная сила—армия“.—Все были удивлены, так как король впервые напомнил о силе.

Несколько дней тому назад происходило парламентское заседание в присутствии короля, и на этом заседании еще ярче выразилась перемена его настроения.

Хранитель печати, надутый и красный, как индейский петух, держал во имя короля речь—грозную филиппику и после каждой фразы останавливался, чтобы наблюдать за ее действием.

— Только король один имеет верховную власть в государстве... (Несколько советников заметножимают плечами). Сам господь бог даровал ему эту власть и он ответственен только перед богом!.. (На всех лицах появляется насмешливая улыбка). Законодательная власть находится только в руках короля... (Громкое „ого!“ раздается в зале).

Затем прочитывается эдикт о займе—дело идет о кругленькой сумме в 400 миллионов—и плюсы красноречия открываются.

Каких только водопадов не увидели мы! В особенности выдавался один господин, Дюваль Д'Эпремениль. Он развернул весь катехизис энциклопедистов: „Права человека“, „Суверенитет народа“, „Общее благо“, „Общая воля“... Даже во сне все это продолжало звучать в моих ушах. О займе никто и слышать не хотел, напоминая отчасти дрессированную собаченку, у которой слюнки текут при виде жирного кусочка, но которая, косясь на него, все же отворачивает голову, когда ей говорят: „Пфуй,—это от короля!“

Однако, несмотря на все возражения, велено зарегистрировать эдикт. Ропот неудовольствия поднялся в зале. Этим моментом воспользовался герцог Шартрский,—мне неприятно давать ему титул его славного, покойного отца, герцога Орлеанского,—и об'явил, что поведение короля незаконно!

— Это законно, потому что я этого хочу! — прозвучал громко и ясно голос короля в зале. И двор удалился вместе с его свитой.

Сегодня уже изгнанный герцог превратился в мученика народной свободы! Я знаю достаточное количество членов третьего сословия, которые проливают о нем горькие слезы. Это — малютки из опереточных зал и жрицы Венеры из Пале-Рояля!

Такого рода фарсы напоминают мне „буку“, которым нас пугали в детстве. Если „великая революция“, которой стараются напугать взрослых, ничего другого не умеет делать, как только грозить розгой, да забрасывать гнилыми яблоками и пестрыми пряниками, то!.. ¹⁾

Люсьен Гальяр—Дельфин.

Париж, 11 мая 1788 г.

Начиная с 4 мая, когда король лишил власти парламент, волнение возрастает. Парламентские советники, аристократы и священники бранятся на улицах с лавочниками, рабочими и журналистами. А осле-

¹⁾ Письмо графа Гюи Шеврез отражает отношение аристократии и придворных кругов к абсолютизму в предреволюционные годы.

пленному народу они внезапно представляются, как настоящие герои свободы!

Бурный поток из Парижа разливается по провинции и точно состязается с непогодой, которую посылают нам небеса. Присяжные стражи престола, священники и дворяне, поднимают против него оружие, предназначенное для его защиты, и тем разрушают в народе последние остатки детских грез о неприкосновенной святости королей.

А король старается укрепиться в обветшавшей крепости абсолютизма, не замечая, что она уже превратилась в развалину...

Люсьен Гальяр—Дельфине.

Париж, 8 октября 1788 г.

Повидимому, сама судьба теперь против правительства. Чтобы оно ни делало, чтобы укрепить свое положение, все это ведет к его ослаблению.

Король разрешил созыв генеральных штатов. Это могло бы либо всех примирить с ним, либо, по крайней мере, объединить все три сословия в мирной работе. Но он хочет сделать еще больше, хочет заставить позабыть о своем диктаторском выступлении 8-го мая и поэтому спрашивает своих добрых граждан их мнение о числе депутатов от каждого сословия. Этим актом он бросил яблоко раздора в их среду. Привилегированные, которые только что были передовыми борцами за свободу, являются противниками социального равенства. Третье сословие видит перед собой своих врагов.

Я ждал этого момента многие годы, маркиза. Но никогда я не думал, что это произойдет по инициативе короля.

Теперь наступает расплата! Теперь мы развертываем счет столетия! Дефицит государства—ничто перед этим счетом!

Рабство, барщина, плети, голод, кровь мужчин, честь дочерей народа,—все это стоит в этом счете и требует уплаты!

В обществе знатных людей, как мне рассказывали, один господин, по имени Казотт, имел видение: он увидел их головы под мечом палача. Они смеялись над сумасшедшим ясновидцем и затем, в своих клубах, с циничными шутками бросали кости, делая ставкой свои собственные головы. Безумцы, они не хотят знать, что кости уже брошены!..

Люсьен Гальяр—Дельфине.

Париж, 12 июля 1789 г.

Уважаемая маркиза! Необычайная быстрота, с которой совершаются события, заставила меня замолчать, но не могла заставить меня забыть свой обет. Вы знаете из газет, что произошло: поражение короля, удивительное возвышение третьего сословия, начало национального собрания. У его дверей ждет народ, готовый к битве и к тому, чтобы, если понадобится, превратить свои слова в действия!

16 июля.

Чрезвычайное свершилось. Известие об отставке Неккера и созыве враждебного народу министерства прервало мое начатое письмо. Я бросился в Пале-Националь.

— Они обсуждают в Версале Варфоломеевскую ночь патриотов—кричали мне встречные.

Дрожащим от гнева голосом Демулен призывал граждан к оружию. Точно подгоняемые какою-то посторонней силой тысячи людей шли сомкнутыми рядами в том же направлении. Из всех боковых улиц человеческие массы вливались в наш движущийся поток. Весь Париж был охвачен одним только чувством!..

Испуганный неисчислимыми толпами народа, который стекался к площади Людовика XV, где стояли войска, маршал Безанваль отдал приказ к отступлению. Ужасный план властителя рушился.

На следующее утро Париж напоминал военный лагерь, и 14-го июля, утром, как только рассвело, всюду раздавались громкие крики: „К Бастилии!“ Каждый из нас знал, как будто сама судьба диктовала нам постуки, куда мы должны идти... Укрепленный замок пал. Это первый из огромного числа тех замков, которые кругом в стране грозно направляют на нас свои пушки, скрывая в своих погребах сокровища, накопленные их владельцами, веками грабившими нас и удерживавшими в заточении в своих темницах несчастных людей, которых нужда делала ворами и убийцами и передовыми борцами за свободу...

(Л. Браун.—«Письма Маркизы»).

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ.

(14 июля, 1789 г.).

Кто выдавал оружие, откуда оно бралось, с чего все началось, какими способами появлялось оно в воздухе, описывая кривые линии и молнией проносясь над головами толпы,—никто из присутствовавших не знал и не спрашивал; знали только, что раздают мушкеты что раздают патроны, порох, пули, железные полосы, деревянные дубины, ножи, топоры, пики, словом—все виды оружия, какие могло придумать отчаянное воображение. Кому совсем ничего не досталось, тот, обдирая себе руки до крови, старался выломать хоть камень или кирпич из стены, только чтобы не остаться с пустыми руками. Шибко бился пульс Сент-Антуанского предместья, и все было как в горячечном бреду. Никто не ставил свою жизнь ни в грош. Каждый был охвачен сумасшедшим желанием,—поскорее пожертвовать ею.

Как в кипящей воде бывает центральная точка кипения, так и здесь все яростное движение сосредоточивалось вокруг винной лавки Дефаржа; и каждая человеческая капля в этом кипящем котле стремилась к тому пункту, где сам Дефарж—весь в поту и почерневший от пороха, раздавал приказания, выдавал оружие, того оттесняя назад, другого про-

таскивая вперед, у одного отнимал оружие, чтобы наделить им другого— работая в самой гуще разбушевавшейся толпы.

— Держись ближе ко мне, Жак Третий!—кричал Дефарж.—А вы, Жак Первый и Второй, ступайте в разные стороны и соберите побольше патронов... Где моя жена?

— Здесь я, возле тебя!—сказала мадам Дефарж, с обычным своим спокойствием, но на этот раз без вязальных спиц. Ее твердая правая рука, вместо спиц, вооружена была топором, а за поясом были у нее пистолет и острый нож.

— Ты куда пойдешь, жена?

— Теперь, пока, пойду за тобой,—ответила она,—а потом ты меня увидишь во главе женщин.

— Идем!—крикнул Дефарж зычным голосом.—Патриоты и друзья, мы готовы! На Бастилию!

Раздался дружный гонль, как будто голоса всей Франции соединились для произнесения этого ненавистного имени; человеческое море поднялось и непрерывными волнами покатилося по городу к одному пункту. Колокола зазвонили в набат, барабаны забили тревогу, волны с ревом набегали на берег,—атака началась.

Глубокие рвы, двойные под'емные мосты, толстые каменные стены, восемь мощных башен, пушечная пальба, ружейный огонь, дым и пламя. Сквозь дым и пламя, в центре дыма и пламени,—потому что морские волны выбросили его на пушку, и он в ту же минуту стал канониром,—виноторговец Дефарж работал, как храбрый солдат, в течение двух яростных часов...

— Работайте, товарищи, работайте дружно! Трудись, Жак Первый, Жак Второй, Жак Тысячный, Жак Двухтысячный, Жак Двадцатипяти-тысячный! Во имя всех ангелов, или всех чертей, работайте!

Так говорил виноторговец Дефарж, не отходя от пушки, которая давно уже стала горячеей.

— Ко мне, женщины!—кричала жена.—Как, разве мы не можем наравне с мужчинами убивать, когда берут крепость?

И женщины стекались к ней, также разнообразно вооруженные чем попало, но все голодные и жаждавшие мести...

Оружие сверкает, факелы пылают, возы влажной соломы дымятся; во всех направлениях кругом воздвигают баррикады; крики, пальба, проклятия, безумная храбрость, треск разрушения и яростный рев бушующего моря, но вот еще глубокий ров, еще под'емный мост и толстые каменные стены, и восемь мощных башен, а виноторговец Дефарж все не отходит от пушки, и она стала еще вдвое горячее, потому что он палит из нее уже четыре яростных часа.

Но вот над крепостью взвился белый флаг и произошли переговоры; все это смутно виднелось в дыму и пламени, а не слышно было ровно ничего. Как вдруг море поднялось, раскинулось еще выше и шире, увлекая виноторговца Дефаржа через спущенный под'емный мост, мимо толстых каменных стен, в недра восьми мощных башен, которые сдвинулись.

Сила океана, увлекшего за собою Дефаржа, была так неодолима, что он не мог ни остановиться вздохнуть, ни даже повернуть головы, и его несло бурными волнами все вперед, пока он не очутился на внешнем дворе Бастилии. Тут он прислонился к стене и попытался отгнуться вокруг. Жак Третий был почти рядом с ним; мадам Дефарж, во главе нескольких женщин, виднелась невдалеке, с ножом в руках. Повсюду была странная возня, восторженные крики, оглушительный шум, безумная ярость и мельканье дикой, необузданной пантомимы.

— Выдавайте пленников!

— Списки, списки!

— Потаенные камеры!

— Орудия пытки!

— Заключенные! Где заключенные?..

(Ч. Диккенс.—«Повесть о двух городах»).

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.

(26 августа, 1789 г.).

1. Все люди рождаются и остаются свободными и равноправными; различия в общественном положении могут обуславливаться исключительно интересами всего общества.

2. Цель всякого политического союза—сохранение естественных и неотъемлемых прав человека; такими правами являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

3. Принцип всякой верховной власти исходит исключительно от нации; никакая коллегия и никакое лицо не могут отправлять власти, которая бы явно не исходила от нации.

4. Свобода заключается в праве делать все, что не вредит другим; таким образом, каждый человек может пользоваться естественными правами своими в тех пределах, в которых обеспечено за другими членами общества пользование теми же правами; пределы эти могут быть определяемы только законом.

5. Закон имеет право воспрепятствовать лишь такие действия, которые вредны обществу. Все, что не воспрещено законом, считается дозволенным, и никто не может быть принуждаем делать то, что не предписывает закон.

6. Закон есть выражение общей воли; все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в составлении законов; закон должен быть равным для всех, какой бы характер он ни носил: охраняющий или наказующий. Так как все граждане равны перед законом, то все они могут одинаково достигнуть всех званий, мест и общественных должностей, сообразно своим способностям и без всяких других различий, кроме тех, которые обуславливаются добродетелями и талантами граждан.

7. Обвинение, арест и задержание в тюрьме возможны только в случаях, определяемых законом, в условиях, предписываемых им. Все те, которые добиваются, отдают и исполняют или заставляют исполнять произвольные распоряжения, должны быть наказуемы; но всякий гражданин, привлеченный к суду или задержанный в силу закона, должен немедленно повиноваться; он становится виновным, если сопротивляется.

8. Закон должен устанавливать лишь строго и очевидно необходимые наказания. Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и обнародованного до совершения преступления и применяемого установленным порядком.

9. Так как всякое лицо предполагается свободным, пока недоказана его виновность, то, в случае необходимости арестовать его, всякая строгость, которая не вызывается необходимостью обеспечить властям его личность, должна быть решительно преследуема законом.

10. Никто не должен быть преследуем за свои мнения, даже религиозные, лишь бы выражение их не нарушало общественного порядка, установленного законом.

11. Свободный обмен мыслями и мнениями есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин может, следовательно, говорить свободно, писать, печатать, будучи лишь ответственным за злоупотребления этой свободой в предписанных законом случаях.

12. В интересах обеспечения прав человека и гражданина необходимо существование общественной власти; последняя, следовательно, существует для блага всех, а не в пользу тех, которым она вручена.

13. Расходы на содержание общественной власти и администрацию требуют всеобщего обложения; налоги должны быть равномерно распределены между всеми гражданами, сообразно их средствам.

14. Все граждане имеют право констатировать лично или через своих представителей необходимость общественного обложения, приходить к соглашению относительно размеров его, следить за расходом денег, определять способ раскладки, средства взимания и срок действия податей.

15. Общество имеет право требовать от каждого должностного лица на службе у общества отчета в его деятельности.

16. Общество, в котором права не обеспечены и разделение власти не определено, не имеет конституции.

17. Так как собственность является ненарушимым и священным правом, то никто не может быть лишен его разве лишь в тех случаях, когда этого явно требует констатированная законным порядком общественная необходимость и лишь при условии справедливого и предварительного вознаграждения.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ТЕХ, КТО НИЧЕГО НЕ ИМЕЕТ, К ТЕМ, КТО ИМЕЕТ ВСЕ.

Отцы сенаторы! ¹⁾

Нация состоит из 25 миллионов человек, мы одни составляем больше двух третей этого числа, а нас в государстве не ставят ни во что, или, если в высоких ваших декретах идет речь о нас, то лишь для того, чтобы принижать, мучить и утеснять нас.

При старом порядке подобное небрежение, подобное обращение с вашей стороны не показалось бы нам слишком странным; мы жили под господами, для которых нация вся целиком заключалась в их сердце, в их глазах мы были ничто, и они удостаивали вспомнить нас только для того, чтобы вырвать у нас плоды наших трудов или впрячь нас в свою колесницу.

Времена эти миновали; но что же мы выиграли от этого? В первые дни революции, которая так вскружила всем головы, которая вызвала такие клики радости, которая заставляла служить столько молебнов,—этой революции, которую столько перьев превозносило до небес, которую столько раз праздновали и на которую столько дураков по сию пору дивятся, в первые ее дни сердца наши на мгновение открылись для радости; мы убаюкивали себя надеждой, что наши бедствия закончились, что наша судьба переменилась.

Как бы ни были удачны перемены, происшедшие в государстве, все они только для богатых; к бедняку небеса всегда были и всегда останутся скудными.

Отцы-сенаторы! Вы зоветесь народными депутатами, вы уверяете, что радели об его интересах, обеспечивали его права. Ну, а что же вы сделали для нас? Трудились над освобождением нации, — конечно, скажете вы. Хорошо! Но какое же значение имеет политическая свобода для нас, которые никогда ее не знали и никогда не будут знать? Она имеет ценность лишь в глазах мыслителя, который хочет наставить людей, публициста, который хочет составить себе имя и граждан, которые не хотят над собой никакого господина; а у нас, бедных обездоленных, совершенно нет времени на размышление ²⁾; мы редко вмешиваемся в государственные дела, а когда это с нами случается, наше участие может быть лишь таким, как участие зрителей в театральной пьесе или лицедеев в опере.

Что касается гражданской свободы, то мы никогда как следует ею не наслаждались и никогда полнее не будем наслаждаться. К чему обма-

¹⁾ Так называет Марат депутатов Национального (Учредительного) Собрания.

²⁾ Что стало бы с нациями, если бы бедняки прониклись своими правами, как иные философы, и если бы размышление распяло в них сознание ужасного своего положения (Прим. Марата).

нывать себя? При теперешнем якобы господстве свободы нам живется еще гораздо хуже, чем при господстве рабства. Мы во сто раз больше терпим обид от гнусных сообщников мелких наших тиранов, чем терпели от посягательства приспешников деспота,—и мы не знаем, кому жаловаться? У кого просить защиты? Комиссары наших округов, наши мировые судьи, наши муниципальные чиновники переменили только имя: это те же прежние квартальные комиссары, прежние приказные, прежние королевские чиновники... Да и то сказать. Прежде у нас было пятьсот тысяч мелких тиранов, теперь миллион угнетателей. Отцы-сенаторы, вы отдаете нас, беззащитных, целиком в их руки и по тому, как мало заботились вы о нашей безопасности, о нашем спокойствии, мы сквозь все ваши лживые положения о свободе, сквозь все великие слова о равенстве чинов и состояний, отлично видим, что в ваших глазах мы как были, так и остались сволочью...

Вы уделили много внимания собственности, поставленной вами под защиту законов; но как мало значат все эти установления для человека, которому не приходится вести дел, не приходится защищать интересов! Да и какое значение может иметь для неимущего сама собственность?

Вы разрушили наследственные привилегии, вы внесли больше равенства в гражданское состояние первых разрядов граждан, больше соразмерности в распределении налогов. Все эти формы, выгодные для вас, столь же чуждыми являются для нас. Лучше распределив налоги на состояния, вы сохранили всю тяжесть их для бедняка; хлеб, который он ест, вино, которое он пьет, ткань, в которую он одевается, обложены тяжелыми налогами. Как же вы не почувствовали, что справедливость требовала из'ять от обложения тех, у кого ничего нет? Как же вы не почувствовали, что, вместо взимания налога, надо, наоборот, отпускать средства тому, кого нужда поставила ниже уровня физических потребностей.

До сих пор новый порядок вещей целиком идет на пользу богатей и интриганов; но это лишь одна часть их преимуществ. Отцы-сенаторы, вы, якобы радели с особой заботой о равноправии всех граждан в пользовании общественными благами; при занятии должностей, мест и званий вы определили считаться лишь со способностями и нравственными качествами лиц. Это могло бы показаться великолепным, если бы вы не поторопились разрушить собственное ваше дело. Приемами фокусников у вас очень скоро сумели одну за другой выманить все эти уступки. Только что успели вы признать, что все люди, равные по своей природе, должны без всякого различия призываться на должности, которые они способны достойно отправлять, как вы уже прибавили: однако, без уплаты прямого налога, размером в марку серебра, они не могут быть представителями нации; без уплаты прямого налога в десять ливров они не могут стать избирателями; без уплаты прямого налога в три ливра, они не могут быть активными гражданами. Так, путем этих мелких оговорок, вы нашли искусный способ закрыть перед нами двери законодательного собрания, судов, директорий, муниципалитетов. Во имя закона вы об'являете нас

неспособными отправлять какую бы то ни было из должностей, на которые вы призывали нас во имя естественных прав; и в довершение несправедливости вы доходите до того, что об'являете нас неспособными назначать тех, кто должен отправлять эти должности, наконец, просто лишаете нас самого звания граждан. Знаменитая ваша декларация прав была, следовательно, лишь пустой приманкой на потеху дуракам, пока вы боялись их раздражения, ибо, в конечном итоге, она сводится к передаче в руки богатых всех преимуществ, всех почестей нового порядка; значит, славная революция произошла на пользу только одним счастливым.

Если бы этот знаменитый декрет, который для занятия должностей не требует иного ценза, кроме способностей и нравственных качеств, не успел превратиться в шутку, он все же не имел бы никакого применения к нам. Влача нищенское существование, мы можем служить отечеству только руками, как мы служили ему всегда. Таким образом, в то время как вы одни будете наслаждаться счастьем повелевать другими, мы всегда будем призваны только повиноваться, отдавать государству свои труды, страдания и муки. Для нас преимущества конституции сводятся к оставлению нас в нужде и грязи.

Марат.

24 июня, 1790.

(Марат. Письма 1776—1793).

НИЗШИЕ И ВЫСШИЕ КЛАССЫ В РЕВОЛЮЦИИ.

Революция обернулась против народа и превратилась в величайшее несчастье для него. С самого начала она послужила только вечным поводом для подкупов и заговоров... Уже вскоре после своего начала она сделалась для общественных чиновников постоянным средством для придиорок и угнетения. Даже законодателям (депутатам) она открыла возможность дельческих операций, обманов и мошенничеств. А теперь она должна послужить богатым и спекулянтам для того, чтобы добиться неограниченных барышей и монополий, чтобы до крайности взвинтить ростовщические проценты и цены на средства существования, чтобы разорять народ системой бесстыдного грабежа и эксплуатации и, постоянно угрожая низшему классу нищетой, заставить его продавать себя...

Изменились на государственной сцене только декорации. Актеры, гримы, интриги, разделение ведомств остались те же самые. Не изменилось ничего в ходе политического механизма. И так будет до тех пор, пока у народа не наступит прозрение, пока он не положит конец игре тех обманщиков, которые проводят его; пока он не найдет в себе достаточной решительности, чтобы наказать тех негодяев, которые одурачивают его...

Первая и самая главная причина бессилия наших стараний достигнуть свободы лежит в существе самой свободы.

Плебс, то-есть низшие классы нации, которым в борьбе против высших классов приходится рассчитывать только на самих себя, в момент восстания, благодаря своей массе; все опрокидывает, но опрокидывает только затем, чтобы в конце-концов оказаться побежденным; ведь у этих классов нет дальновидности, искусства, богатства, вооружения, вождей, нет плана действий. Так было и во французской революции. Не верно, будто вся Нация восстала против тиранов: опорой и защитой деспотизма остались дворянство, духовенство, сословие юристов, финансы, капитал, ученые и литераторы. И если некоторые образованные, состоятельные, но и пронырливые люди из высших классов сначала выступили против тиранов, то это длилось недолго; они тотчас же обратились против народа, едва лишь овладели его доверием и использовали его силу для того, чтобы самим стать на месте тех привилегированных сословий, которые были свергнуты ими.

Революцию совершили только низшие классы общества: рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, словом, низший слой; та беднота, которую богатые называют канальями и которую римское бесстыдство некогда называло пролетариатом. Но, как бы там ни было, одно верно: эта масса совершила революцию на пользу только мелким землевладельцам, крючкотворам и адвокатским шайкам ¹⁾.

(Из статьи Марата в № 667—«Друга Народа»).

¹⁾ Статья написана Маратом в июне 1792 г.

МАРСЕЛЬЕЗА ¹⁾

Сыны отчизны! Смело в сечь!
 Настал свободы час,—
 Грозит тиранов злобных меч,
 Они идут на нас!
 Вот слышны крики их солдат
 Среди родных полей,
 Они придут и умертвят
 И женщин и детей!
 К оружию, граждане, на бой,
 Составьте храбрый строй!
 Вперед, вперед,
 Пусть кровь врагов течет рекой!

Зачем идет толпа рабов,
 Изменников орда!?!
 Зловещий, грозный звон оков
 Доносится сюда!
 Готовы цепи те давно
 Для Франции сынов,—
 В враждебном стане решено
 Нас обратить в рабов!

О трепещи, дрожи злодей,—
 Позор для всех племен,—
 Он за вражду к стране родной
 Да будет поражен!
 Мы все пойдем охотно в бой,
 Чтоб поразить врагов,—
 За павшим строем новый строй
 Идти на бой готов!

К оружию, граждане, на бой,
 Составьте храбрый строй!
 Вперед, вперед,
 Пусть кровь врагов течет рекой!

К оружию, граждане, на бой,
 Составьте храбрый строй!
 Вперед, вперед,
 Пусть кровь врагов течет рекой!

Придет враждебный нам народ,
 Предпишет нам закон.
 Толпа наемников пойдет
 На храбрый легион!
 Уже-ль под тяжестью оков
 Склонится наш народ,
 Толпа тиранов и рабов
 Невинных угнетет!

Француз, размерь свой каждый шаг,
 Удар обдумай свой,
 Шади ты тех, которых враг
 Ведет насильно в бой!
 Себе пощады не проси,—
 Тиранов—не шади,—
 И месть нещадную носи
 В измученной груди!

К оружию, граждане, на бой,
 Составьте храбрый строй!
 Вперед, вперед,
 Пусть кровь врагов течет рекой!

К оружию, граждане, на бой,
 Составьте храбрый строй!
 Вперед, вперед,
 Пусть кровь врагов течет рекой!

¹⁾ «Марсельеза» написана артиллерийским офицером королевской армии Руже-де-Лиль в апреле мес. 1792 г.,—по поводу вторжения австрийцев во Францию. Мотивы ее создания были исключительно патристического характера. Руже-де-Лиль был ярым роялистом. Когда в армии был получен декрет о низложении короля, он отказался признать его. После казни Людовика XVI—он был заключен в тюрьму, где и пробыл более года; начавшаяся, с падением Робеспьера, реакция освободила его.—«Марсельеза», вопреки намерениям ее автора,—превратилась на долгие годы в революционный гимн.

Любовь к отчизне дорогой!
 Ты храбрых вдохнови!
 Свободы сын несется в бой,
 Его—благослови!
 Благослови наш смелый шаг,
 Врагу внушая страх,—
 И пусть навек смирится враг,
 Поверженный во прах!..
 К оружию, граждане, на бой,
 Составьте храбрый строй!
 Вперед, вперед,
 Пусть кровь врагов течет рекой!

(Перевод Л. И. Уманец).

ВЗЯТИЕ ТЮЛЬЕРИ.

(10 августа 1792 г.).

Несколько времени всадник стоял неподвижно, его конь нетерпеливо рыл землю копытами. Наконец, он махнул рукой и все затихло.

— Храбрые марсельцы,—произнес он громким, ясным голосом,—я прискакал к вам из Парижа, и вот что там делается: контр-революционеры, аристократы и придворные клеветы рассказывают, что ваш батальон состоит из тулонских каторжников, марсельских бродяг и корсиканских разбойников... Еще многое другое говорят враги революции. Король Капет и его правительство, вступившее в союз с чужестранцами для завоевания Франции, хотят помешать вам вступить в Париж, чтобы легче открыть парижские ворота немцам и австрийцам. Если бы мы не остановили короля в Варенне¹⁾, то он теперь шел бы на Париж во главе ста тысяч чужестранцев... Вся эта иноземная ватага, под предводительством короля и эмигрантов, должна была восстановить старые порядки. Тогда, прощай свобода! Прощай права человека! Эти же самые антипатриоты хотят теперь не допустить вас до Парижа, но они не знают, что марсельцы не боятся ни железа, ни огня, что вы идете отомстить за прошедшее и обеспечить будущее французского народа. Вперед, марсельцы, вперед, патриоты, вперед за свободу!

С этими словами всадник повернул свою лошадь и крикнул во все горло:

Я поскачу вперед и объявлю людям революции и патриоту Барбару, что Марсельский батальон идет форсированным маршем на Париж. Да здравствует нация!

¹⁾ Людовик XVI-ый бежал из Парижа со всей своей семьей в ночь с 20-го на 21-ое июня 1791 г. Все члены семьи были снабжены подложными паспортами. Король превратился в камердинера русской княгини Корф (в действительности же—гувернантки его детей). Благодаря случайности, он был узан почтмейстером Друэ. Друэ поднял тревогу; в Варенне ударили в набат, собралась национальная гвардия и беглецы были арестованы.

— Да здравствует Ребекки! Да здравствует Барбару! ¹⁾ Да здравствует нация! Долой тиранов!—отвечают ему в один голос марсельцы и толпа.

Но он уже прищипорил коня и исчез во мраке, по парижской дороге.

Тогда снова раздается барабанный бой и командир Муассон, обнажив свою саблю, восклицает:

— Ребята! Марсельский батальон тотчас выступит в путь и не остановится ни на минуту, прежде чем я не выстрою его перед замком короля Капета!

Батальон отвечал ему дружным пением:

„Сыны отчизны! Смело в бой!“

Мы двинулись, одушевленные патриотическим пылом...

Этот форсированный поход продолжался семь дней и семь ночей; у многих ноги были в крови и все шатались от усталости, но никто не хотел выйти из рядов и заглушал свои физические страдания ободряющим пением Марсельезы...

Мы неслись по аристократическому кварталу, как огневой смерч, но по временам над нашими головами открывались окна в домах и раздавались ружейные выстрелы. Это антипатриоты стреляли сверху в нас.

— Это ничего!—кричал во все горло Самат, приподымая над своей головой декларацию прав человека.

— Не надо обращать на них внимания,—прибавлял Морган.—Мы им завтра зададим не такого трезвону.

Но вот справа и слева раздаются пистолетные выстрелы и сыплются на нас камни. Но ничто нас не останавливает; мы ускоряем свой шаг и с большим одушевлением поем:

„К оружию, граждане!..“

Наконец, мы достигаем Карусельской площади. Она занята жандармами, гренадерами и разными другими антипатриотическими солдатами. Наш напор их смущает и они ретируются к самой решетке замка. Еще минута,—и они в беспорядке исчезают за ней.

Таким образом, мы без одного выстрела овладели Карусельской площадью.

Наш батальон становится впереди всех и перед нами виднеется мрачная масса замка, от которого нас отделяют только три двора: справа двор принцев, посредине королевский, а слева швейцарский.

Начинало светать и мы, мало-по-малу, стали различать в каменной массе окна, часть которых была загромождена досками и матрацами для защиты от пуль, а остальные были полуотворены и служили бойницами для стрельбы по осаждающим.

Барабанный бой не прекращался, а все усиливался, и уже били не в два и не в десять барабанов, а в сотни. Батальоны патриотов при-

¹⁾ Ребекки и Барбару—депутаты от г. Марселя в Национальном собрании.

бывали один за другим, и к ним присоединились федералисты Бреста. Все уже не сотней ртов, а тысячами оглашали воздух криками:

— Свобода или смерть!.. Да здравствует нация!..

Муассон, во главе Марсельского батальона, первый вступил на Кобленскую землю, как тогда называли королевский замок. В то же время другие батальоны патриотов овладели дворами принцев и швейцарским.

Хотя король с австриячкой бежали в сад, но на дворцовом под'езде стояли четырнадцать пушек, обращенных дулами на нас, а за ними выстроился сомкнутый ряд жандармов, гренадер и других солдат. Швейцарцы, в красных мундирах, наполняли сени и лестницу, а на балконах и во всех окнах виднелись аристократы с ружьями и пистолетами.

Нам приходилось справиться со всей этой массой людей, которой, быть может, было до десяти тысяч.

Видя наше появление на дворе, некоторые из канониров воскликнули:

— Да здравствует нация!..

А многие швейцарцы стали бросать нам свои патроны в знак того, что они не будут стрелять в народную армию.

Поэтому мы прямо доверчиво двинулись к ним, в полном убеждении, что все обойдется мирно, к торжеству революции. Но такой исход был не с руки аристократам, которые следили из окон и с балконов за тем, что происходило во дворе. В ту минуту, как одни из нас нагибались, чтобы поднять брошенные швейцарцами патроны, а другие протягивали руки к своим недавним врагам, которые теперь оказались патриотами, из окон посыпался дождь пуль на первые ряды нашего батальона. Семь убитых и двадцать раненых лежали через мгновение на земле. У командира Муассона были ранены обе ноги, но, падая, он закричал:

— Да здравствует нация!..

Раздался страшный треск: в нас выстрелили из орудия картечью, и я очутился среди густого облака дыма и груды мертвых или раненых. Федералисты дрогнули и отступили. Мы погибли! Видя, что мы ретируемся, аристократы подняли торжествующий крик!

— Да здравствует король! Да здравствует королева!

Но капитан Гарнье, принявший команду над Марсельским батальоном, не отступает ни на шаг. Он машет саблей и кричит:

— Ко мне, марсельцы! Свобода или смерть!

В то же время слышится голос Пеллу, который до тех пор не мог проникнуть со своими двумя орудиями в королевский двор:

— Дайте дорогу артиллерии! Марсельские патриоты, не бегите от парижских аристократов, а посмотрите, какого я им задам трезвона!

Слова и пример этих двух храбрецов останавливают нас: одни берутся за колеса и втаскивают пушки во двор, а другие отодвигают груды мертвых и раненых; наконец, оба орудия, заряженные картечью, выставляют прямо против парадной двери замка. Гренадеры и швейцарцы продолжают осыпать нас пулями, но Пеллу не обращает ни на что внимания, хладнокровно оканчивает свои приготовления, зажигает фитиль и, прежде чем выстрелить, снимает шляпу перед замком. Выстрел раздается и теперь мы оглашаем воздух криком:

— Да здравствует нация:

Когда рассеялся дым, то я увидел, что дверь разлетелась в щепы, а антипатриоты или покрывают землю своими трупами, или бегут по всем направлениям: кто на лестницу, кто в сад, кто в подвалы.

— Ага! Подействовало,—воскликает Пеллу,—погодите, я вам дам еще лучше. Берегите свои пятки.

Раздается второй выстрел и дождь картечи усеивает лестницу грудами трупов во всевозможных мундирах: белых, красных, синих и зеленых.

Поражение аристократов было полное, и они бросились бежать во все стороны. Наши барабаны снова начинают бить наступление и капитан Гарнье бросается во главе марсельцев на лестницу замка.

— Ну, ребята!—кричит во все горло Морган,—пускайте в ход штыки!

Резня пошла страшная. На каждой ступени стояли швейцарцы и гренадеры с ружьями в руках и стреляли без умолку. Но мы храбро прокладывали себе дорогу, кто штыком, кто саблей, кто рукояткой пистолета...

Пеллу бросил еще две гранаты, и на этот раз аристократы, охранявшие верх лестницы, не выдержали и разбежались во все стороны, как стая крыс. Мы последовали за ними, и в продолжение двух часов длилась эта отчаянная травля в залах, спальнях, чердаках и подвалах замка; мы отыскивали врагов повсюду: под кроватями, в шкафах, в каминах, в сундуках. Впрочем, бедным швейцарцам, несчастным солдатам и сбитым с толку национальным гвардейцам мы даровали жизнь.

— Вы такие же сыны народа, как и мы!—кричали им со всех сторон.—Ступайте по домам, с криком: да здравствует нация! И будьте лучшими патриотами, чем до сих пор.

Но графам, маркизам, мелким дворянам и богатым буржуа не было пощады.

— А! Вы в шелковых чулках и напояженных париках,—воскликали мы.—Вот вам на закуску!

И с ними кончали ударом ружейного приклада или пистолетной пулей...

Теперь, действительно, все было кончено. Часы били полдень; в окнах не осталось ни одного целого стекла, двери были все сняты с петель, мебель переломана, занавесы порваны, повсюду виднелись следы крови и валялись трупы.

Целые сутки мы ничего не ели и не пили, кроме куска хлеба, съеденного ночью, но мы не чувствовали голода, обнимали друг друга и плясали дикую фандолу по вызолоченным апартаментам замка, громко распевая Карманьолу. В таком виде мы проникли в комнаты короля и королевы. В первой мы сорвали портреты со стен и плевали на них, а в последней, блестящей золотом, кружевами и зеркалами, Морган разлегся на роскошную кровать, а мы кругом плясали, опьяненные своим торжеством...

На противоположном берегу, у королевского замка, слышался барабанный бой. Что это? Марсельский батальон уходил из города? Нет... Не пытались-ли антипатриоты восстановить тирана во взятом нами замке?

При мысли об этом я уже не хотел более умирать и пустился бегом к замку. Там моим глазам представилась следующая картина. На деревянной эстраде сидели три патриота: один держал в руках трехцветное знамя, другой—щит с надписью: „Отечество в опасности“, ¹⁾ а третий—книгу, в которую записывались волонтеры в революционную армию.

Целая толпа молодых людей, мальчишек не старше меня и седых стариков подходили к этому алтарю отечества, и, назвав себя по имени, отдавали себя и свою жизнь в жертву родине. Затем, при восторженных криках: „Да здравствует нация“, они подходили к указанному фельдфебелю, который раздавал им ружья и патроны, формировал их в ряды и отправлял прямо за границу, где верные сыны Франции защищали родину от наплыва иностранцев...

(Ф. Гра.—Марсельцы).

ПРОЦЕСС ЛЮДОВИКА XVI. ²⁾

Речь Мориссона.

Граждане, я как и вы, проникаюсь величайшим негодованием, мысленно перебирая все измены и преступления Людовика XVI. Первым моим желанием и, конечно, самым естественным было бы заставить это кровожадное чудовище искупить свои злодеяния в самых жестоких муках—он заслужил их, я знаю. Но на этой трибуне, где я выступаю, как представитель свободного народа, ищущего своего счастья лишь в актах гуманности и правосудия, в актах великодушия и милосердия—ибо вне их нет счастья—на этой трибуне я должен отречься от самого себя, чтобы повиноваться лишь голосу разума, чтобы сообразоваться лишь с духом и постановлениями закона...

Ваш Комитет Законодательства, к которому я имею честь принадлежать, задался целью обсудить следующие вопросы: подлежит ли суду бывший король? Кто должен судить его? Каким образом можно судить его? А я, граждане... предложу с своей стороны другой ряд вопросов, из которых только первый находится в числе вопросов, поставленных вашим комитетом. Подлежит ли суду Людовик XVI?..

Согласно нашим установлениям, для возбуждения процесса против Людовика XVI необходимо существование положительного закона, который мог бы быть к нему применен, но такого закона у нас не имеется.

¹⁾ На Францию надвигались австро-прусские армии, во главе с герцогом Брауншвейгским, для подавления революции и восстановления монархии Людовика XVI. Национальное собрание объявило «Отечество в опасности». Все граждане, способные носить оружие, должны были быть во всякий момент готовы к призыву в армию.

²⁾ 13 ноября 1792 г. в национальном Конвенте начались прения по вопросу о королевской неприкосновенности.

Уголовный кодекс, отменив все предшествовавшие ему уголовные законы, установил смертную казнь для лиц, виновных в государственной измене. Людовик XVI, несомненно, виновен в государственной измене; он не раз явно нарушал присягу; он хотел поработить нас под ярмо деспотизма; он поднял против нас часть Европы; он предал наши крепости и имущество наших братьев; он умертвил наших благородных защитников; он всюду старался посеять анархию и беспорядок; он осыпал французским золотом наших врагов, составивших коалицию и поднявших оружие против нас; он был причиною гибели тысяч граждан, все преступления которых заключалось в любви к отечеству и свободе. Кровь этих несчастных жертв еще дымится вокруг этой ограды; она вопиет о мщении ко всем французам. Но здесь мы благоговейно преклоняемся перед законом. Как бесстрастные судьи, мы хладнокровно ищем ответа в уголовном кодексе. И что же! Этот кодекс не содержит никаких данных, которые можно было бы обратить против Людовика XVI; ибо в эпоху его преступлений существовал положительный закон, представлявший оговорку в его пользу, мы находим этот закон в конституции.

„Особа короля священна и неприкосновенна“. Неприкосновенность, говорят нам, была введена не для блага королей, а в интересах народа. Действительно, мотивом этого института были общенародные интересы; но он оказался выгодным и для королей. Король, говорят нам далее, являлся неприкосновенным только в силу конституции; вместе с конституцией исчезла и его неприкосновенность. Но это ошибка: конституция сохранилась во всем, что не было уничтожено последующими законами или положительными фактами, каковы отмена королевской власти и учреждение республики. Как! скажут мне,—Людовик XVI беспрестанно нарушал конституцию, он всячески старался уничтожить ее, а вместе с ней и свободу и, несмотря на это, вы хотите прикрыть его этой самой конституцией! Да, граждане, я хочу этого... Конституция была законом моей родины и без позволения короля; она была законом потому, что самодержавный народ дал ей свою санкцию и поклялся соблюдать ее до тех пор, пока ему не угодно будет установить другие законы, более соответствующие свободе и равенству...

Людовик XVI едва не раздавил нас под тяжестью своих измен. Свобода, быть может, ускользнула бы из наших рук, если бы трон бывшего короля просуществовал минутой дольше; мы обязаны были спасти ее. Но мы не обладали необходимыми полномочиями... Нам оставалось одно: обратиться к народу и предложить ему созыв Национального Конвента. Это и было сделано. Конституировался Конвент; его задачей было декретировать низложение короля, выработать новую конституцию, установить законы... Справедливо полагая, что свобода и общественное благополучие несовместимы с монархией, он отменил королевскую власть вообще. Это означало и низложение Людовика XVI. С тех пор у нас нет королей. И—я твердо уверен—больше никогда не будут они осквернять почву французской республики.

Но является вопрос: входил ли в задачу Национального Конвента суд над Людовиком XVI? Я утверждаю, что нет, ибо суд в обществен-

ном порядке есть не что иное, как применение известного положительного закона, в данном же случае не существует положительного закона, а, следовательно, и наказания, которое было бы применимо к Людовiku XVI...

Людовик XVI может пасть только под мечом закона; закон безмолвствует—а следовательно, мы не имеем права его судить.

Речь Сен-Жюста.

Я намерен доказать, что король подлежит суду, что мнение Мориссона, который отстаивает неприкосновенность, и мнение Комитета Законодательства, который предлагает судить короля, как гражданина, одинаково неправильны... Короля надо судить, как врага... не столько судить его, сколько поразить его.

Самым гибельным из всех видов медлительности будет тот, который побудил бы нас мешкать с королем. Когда-нибудь люди, столь же далекие от наших предрассудков, как мы от предрассудков вандалов,—изумятся варварству того века, когда суд над тираном был каким-то священнодействием, когда народ прежде чем судить тирана за его преступления, возвел его в сан гражданина. Они изумятся тому, что в XVIII веке проявлялось больше отсталости, чем во времена Цезаря. Тогда тиран был умерщвлен в полном присутствии сената, без всяких других формальностей, кроме 22 ударов кинжала, без всякого другого закона, кроме свободы Рима. А теперь мы почтительно приступаем к процессу убийцы народа, пойманного на месте преступления, с обагрёнными кровью руками. Кто придает особую важность справедливому наказанию короля, тот никогда не будет основателем республики. Утонченность умов и мягкость характеров являются для нас великим препятствием к свободе...

Неприкосновенность Людовика кончается там, где начинаются его преступления и народное восстание. Если бы его считали неприкосновенным и после того, если бы даже это являлось спорным вопросом, то пришлось бы заключить, что он не мог быть низложен и что он вправе угнетать нас за ответственностью всего народа...

Судить короля—как гражданина! Эта мысль изумит бесстрастное потомство. Судить—это значит применять закон. Закон есть юридическое отношение. Какое же юридическое отношение возможно между человечеством и королями? Что общего между Людовиком и французским народом, чтобы падать его после измены? Встанет когда-нибудь сильный духом и скажет, что короля надо судить не за особые проступки по управлению, а за то уже преступление, что он был королем! Ибо ничто в мире не может оправдать этой узурпации. И какими иллюзиями, какими условностями ни окружала бы себя королевская власть, она является вечным преступлением, против которого имеет право восстать и бороться каждый гражданин; она представляет одно из таких посягательств, которые не могут быть оправданы даже ослеплением целого народа... Царствовать

без вины нельзя; безумие такого захвата власти слишком очевидно. Всякий король—мятежник и узурпатор.

Нам говорят, что король подлежит суду трибунала, как и всякий гражданин, но трибуналы введены только для членов гражданского общества... Людовик чужой среди нас; он не был гражданином до своих преступлений, он не пользовался избирательным правом, не отбывал воинскую повинность; тем менее его можно назвать гражданином после всех его преступлений. Какое вопиющее нарушение правосудия—возвести короля в звание гражданина только для того, чтобы судить его. Обыкновенно человек, совершив преступление, выходит из гражданского общества, а Людовик войдет в него именно благодаря своим преступлениям.

В нас стараются возбудить сострадание. Скоро здесь будут покупать слезы, как на погребальных шествиях в Риме. Будет сделано все, чтобы повлиять на нас, вплоть до подкупа. Народ! Если король будет оправдан, помни, что мы недостойны более твоего доверия, ты можешь обвинять нас тогда в измене!

(К. Беркова—„Процесс Людовика XVI“).

ЖИРОНДИСТЫ.

„Парижане, познайте своих истинных друзей!... Постоянные смуты только изгоняют из ваших стен приезжих и капиталистов, а за ними, в непродолжительном времени, последуют торговцы, фабриканты и художники. Далекие от того, чтобы завидовать вам из-за таких покупателей, мы, с своей стороны, готовы были бы поспособствовать вам, чтобы у вас остался источник богатства. Но подумайте, только порядок способен удерживать их и побудить к возвращению тех, которые, может быть, уже разошлись из Парижа по разным местам.

Для нашего и вашего счастья, для республики и человечества необходимо, чтобы вы увидели в нас своих братьев, своих друзей. Изгоните из вашей среды чудовищ, которые бесчестят вас, проповедуя вам свои преступные воззрения и свои каннибальские вожделения...

Смерть тиранам, смерть разбойникам разных видов, ненависть к анархистам, подчинение законам, уважение к властям, неразрывное единство, поддержка всех братьев—таковы наши клятвы!

Законодатели, в чем причина наших несчастий? Причина? Надо открыто сказать, что причина находится в вашей среде... В качестве единственных виновников всех злополучий и анархии мы перед всем миром называем Робеспьеров, Маратов, Дантонов, всех этих кровавых людей, людей 2 сентября, которые ничего не дают для питания нации, кроме трупов...

Как! Вы были достаточно неустрашимы для того, чтобы ниспровергнуть трон,—и вы теперь будто-бы настолько трусливы, что не дерзаете уничтожить эту сволочь, которую породил бунт и которая в один день будет задушена?.. Как! Вы боролись против пушек Тюльери и вас может утратить вой этих преступных трибун!...

Мы не желаем ничего иного, кроме конституции, способной дать то уважение к собственности и личности, которое является основой всякого правительства". ¹⁾

(Из адресов протеста, присланных департаментами в Национальн. Конвент в январе 1793 г. См. Г. Кунов—Борьба классов и партий в великой французской революции).

КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI.

(21 января, 1793 г.).

Теперь уже совсем рассвело. В небе тянулись гряды розовых облаков, за крышами дворца тирана зажглись первые лучи восходящего солнца... Все крыши были усеяны людьми так же густо, как и улицы, площади и площадки, мосты, окна и балконы.

Вдруг толпа, словно подхваченная вихрем, устремилась по направлению к улице Сен-Гоноре; эскадрон жандармов, верхом, с саблями на-голо, под грохот целой тысячи барабанов, бивших тревогу, подвигался шагом; грозный и мрачный, этот эскадрон жандармов революции конвоировал жалкую, несчастную, узкую подводу, влачимую клячей; возница был в красном колпаке, с трехцветной кокардой. Перед запертой наглухо дверцей ехал верхом, с саблей на-голо, Сантерр, знаменитый главнокомандующий национальной гвардии.

Толпа, теснившаяся на пути, видела через стекло дверцы Луи Капета, бледного, как мел, с глазами, опущенными в молитвенник, бормочущего предсмертные молитвы.

Среди крика, воя, среди поднятых кулаков... пробирался траурный кортеж и с трудом под'ехал к самому подножию эшафота.

И вот с высоты подводы Жана Кариту, Лазули, Аделина и старуха Планшо увидели, как вышел король из жалкой повозки, как он потом взошел по лестнице и стал на помосте. Палач тут же положил свою руку ему на плечо, но Капет сделал шаг вперед. Он' отказался снять с себя свое платье, он не хотел дать связать себе руки. К нему подошел священник с крестом и увещевал его покориться божьей воле. Тогда король отдался на волю палача, который сорвал с него темный кафтан,

¹⁾ Жирондисты всеми средствами пытались затянуть процесс против Людовика XVI, с целью спасти его от казни. «Адреса-протеста» демонстрировались ими на заседаниях Конвента, с тем, чтобы разжечь борьбу партий и вызвать недоверие к вождяммонтаньяров. 17 января был вынесен смертный приговор Людовику. Почти все вожди жирондистов, из страха пред настроением народных масс, вынуждены были голосовать за казнь.

снял галстух, кружевные манжеты и воротник и связал ему ремешком руки за спиной.

Томительное молчание простерлось над толпой, только что проклинавшей тирана. Но вот Капет приблизился к самому краю эшафота, чтобы обратиться к народу. Со всех сторон протянулись к нему снизу угрожающие кулаки, но он не обратил на это внимания и начал так:

„Я умираю невинным“...

Но тут командующий Сантерр взвил свою лошадь на дыбы и поднял ко рту короля саблю, как бы желая ею заткнуть ему горло; оглушительный грохот барабанов покрыл жидкий голос Капета... И тотчас же палач, по знаку делегатов Конвента, схватил короля за плечо, потащил его к плахе, бросил его лицом вниз, к земле, и продвинул голову между двух рук священной гильотины, под нож. Бывший король Франции лежал на плахе. Барабаны примолкли. Все глаза впились в того, чье распростертое тело два человека, присевши на корточки, держали неподвижно на плахе. Молчание... Все затаили дыхание... Что-то блеснуло... Нож, как ястреб, падающий на птицу, опустился молнией, словно судорога пробежала по рукам гильотины... Бледная, с широким красным пятном, голова скатилась в корзину. Из перерезанной шеи, зиявшей черной дырой, била красная кровь по тростнику корзинки, по плахе, по оголенным ногам и рукам палача, который нагнулся, взял за волосы еще живую, моргавшую веками голову и, приподняв ее, показал с эшафота онемевшей толпе на все четыре стороны...

И тогда раздался страшный крик: „Да здравствует народ!“ Загremели барабаны и раз'яренная, безудержная толпа бросилась на эшафот. Мужчины поднимали женщин, дети карабкались на мостки; все устремились к корзине, окровавленной плахе; всем хотелось обагрить свои руки кровью тирана; они омочили ею свои одежды, матери кропили ею лица своих сыновей и дочерей. Толпа как будто опьянела. Песни, танцы, безумный вихрь хороводов кружил вокруг гильотины:

„Давайте танцевать карманьолу“!..

(Ф. Гра.—«Террор»).

КАРМАНЬОЛА.

Пляшите карманьолу под пальбу, под пальбу!

Пляшите карманьолу под пальбу и борьбу!

Чего хотим стране своей?

Чего хотим стране своей?

Хотим свободы всех людей!

Хотим свободы всех людей!

По бомбе всем дворцам!

По пули всем ханжам!

И мир всему народу—под пальбу, под пальбу!

И мир всему народу—под пальбу и борьбу!

Пляшите-ж карманьолу под пальбу, под пальбу.

Пляшите-ж карманьолу под пальбу и борьбу!

Чего хотим стране своей?
 Чего хотим стране своей?
 Хотим мы равенства людей!
 Хотим мы равенства людей!
 В канаву всех попов!
 В конюшню всех богов!
 И к дьяволу монахов под пальбу, под пальбу!
 И к дьяволу монахов под пальбу и борьбу!

Чего хотим стране своей?
 Чего хотим стране своей?
 Хотим мы братства всех людей!
 Хотим мы братства всех людей!
 Довольно нищеты,
 Насилий и вражды!
 Мы зиждем труд всеобщий под пальбу, под пальбу!
 Мы зиждем труд всеобщий под пальбу и борьбу!
 Пляшите-ж карманьолу под пальбу и борьбу!

(Пер. Ник. Морозова).

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ НАСТРОЕНИЯ МАСС.

(1793 г.).

Вдруг слышались барабаны. Что это такое?

— Похоже на барабанный бой, каким сопровождают крестный ход.

— Это уж что-то необычайное,—сказала Лазули, приостановившись, чтобы прислушаться,—а что же ты думаешь? Ты, ей богу, права.

— А меня это весьма удивляет,—добавил Жан Кариту,—когда я проездом в Париж был здесь, вот уж с месяца два тому назад, на моих глазах зоргские жители приготавливались вешать своего попа. И потому едва ли возможно, чтобы сегодня, в последний день карнавала, они устраивали крестный ход.

Но уже подвода въехала в деревню, а барабаны выбивали все тот же марш.

Ну, прямо процессия праздника тела господня, если-б не крики и смех, аплодисменты и свистки, долетавшие до ушей наших друзей! Но еще ничего не было видно.

Вдруг на повороте открылось зрелище с того света.

Это была, действительно, процессия тела господня, но что за процессия, что за маскарад!

Три женщины в красных колпаках открывали шествие барабанным боем. Во главе процессии стояла корова, меж рогами которой красовалась поповская, четырехугольная камилавка, на спине—стихарь, епитрахиль—на хвосте! За ней шли, выровнявшись в процессии, нескончаемыми парами мулы и ослы; одни в белых, другие в черных монашеских

платах, иные в капуцинских одеяниях, другие одетые монахинями, все обвешанные медалями и крестами, к хвосту каждого из них была подцеплена какая-нибудь церковная утварь: то чаша, то кадило и проч... Одни с капюшоном на голове, другие в священнической ермолке, некоторые же—в митре. А на конце, между двумя рядами козлов, одетых певчими хора, под балдахином, который несли четыре замаскированных человека, шел старый, хромо́й осел, с папской тиарой на голове, в первосвященническом облачении, в епитрахили и пышной золотой ризе с потиром на спине. И в довершение,—под стеклянным колпаком, в ореоле славы, где помещаются святые дары, засадили жабу...

(Ф. Гра.—«Террор»).

РЕЧЬ РОБЕСПЬЕРА О СОБСТВЕННОСТИ.

(24 апреля, 1793 г.). ¹⁾

Без сомнения вовсе не нужна была революция для того, чтобы поведать всему миру, что чрезвычайная несоразмерность в распределении богатств является источником многих зол и многих преступлений; но тем не менее, это нисколько не разубеждает нас в том, что равенство имуществ есть только химера. Что касается меня, то я считаю это для счастья отдельного лица еще менее необходимым, чем для общественного благосостояния. Дело идет гораздо больше о том, чтобы сделать бедность уважаемой, чем об уничтожении богатства. Хижина Фабриция ничем не хуже дворца Красса... Установим, однако, по чистой совести, принципы права собственности... Это тем более необходимо, что среди них нет таких, которых бы людские предрассудки и пороки не стремились бы окружить густым туманом. Спросите у торговца человеческим мясом, что такое собственность? Он скажет вам, указывая на этот длинный гроб, который он называет кораблем, куда он натискал и запер людей, кажущихся живыми.—Вот моя собственность: я покупал их по столько-то за голову.

Спросите дворянина, который имеет землю и вассалов и который думает, что вселенная перевернулась с того момента, как он перестал их иметь. Он будет развивать вам о собственности идеи почти аналогичные. Спросите августейших членов Капетинской династии... Они скажут вам, что наиболее священным из всех прав собственности является, без сомнения, право наследования, которым они искони пользовались в свое удовольствие для того, чтобы законно, по праву монарха, притеснять, угнетать и давить 25.000.000 людей, населяющих территорию Франции. В глазах всех этих людей собственность совершенно независима от какого бы то ни было принципа нравственности. Наша декларация прав как будто впадает в ту же ошибку, когда она устанавливает понятие свободы, являющейся первичной собственностью человека, священнейшим

¹⁾ Произнесена Робеспьером в Конвенте во время прений по поводу 2-ой Декларации Прав Человека и Гражданина (см. стр. 31).

из получаемых им от природы прав. Мы определили совершенно справедливо, что она имеет своим пределом права других. Почему же вы не приложили этот принцип к понятиям собственности, являющейся общественным установлением, как будто бы людские отношения более неприкосновенны, чем вечные законы природы? Вы умножили число статей, обеспечивающих широкую свободу в пользовании собственностью, но вы не сказали ни одного слова для установления самой ее природы и законности, таким образом ваша декларация кажется созданной не для всех людей, а только для богатых барышников, спекулянтов и тиранов. Я предлагаю вам исправить эти недостатки, устанавливая следующие положения:

1) Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать, по своему усмотрению, той частью имущества, которая ему гарантируется законом.

2) Право собственности ограничивается, как и все другие права, обязанностью уважать права других.

3) Оно не должно угрожать безопасности, свободе, существованию собственности нам подобных.

4) Всякое владение, всякая торговля, нарушающие этот принцип не позволительны и безнравственны.

Кроме того, Комиссия забыла определить обязанности братства, объединяющие всех людей, всех наций и их право на взаимопомощь. Она как будто игнорирует те основы, на которых строятся вечные союзы народов против тиранов. Про вашу декларацию можно подумать, что она создана для людского стада, загнанного в один угол земного шара, но не для великой семьи народов, которым природа дала землю для жизни и господства над нею.

Я предлагаю заполнить этот огромный пробел следующими пунктами: они принесут вам только уважение со стороны народов. Правда, они могут иметь то неудобство, что безвозвратно поспорят нас с королями. Признаюсь, меня это неудобство не пугает. Оно не устрасит тех, кто не собирается восстанавливать добрые отношения с ними. Вот мои четыре пункта:

1) Все люди—братья, и разные народы должны помогать друг другу по мере своих сил, как граждане одного и того же государства.

2) Тот, кто угнетает какую-нибудь нацию, тем самым делается врагом всех остальных.

3) Те, которые поднимают войну против народа—для того, чтобы остановить развитие свободы и уничтожить права человека, должны быть преследуемы всеми, не как обыкновенные преступники, но как убийцы и взбунтовавшиеся разбойники.

4) Короли, аристократы, тираны, каковы бы они ни были, являются рабами, возмущившимися против суверена земли—человеческого рода и против законодателя вселенной—природы.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.

(29 мая, 1793 года).

Французский народ, убежденный в том, что единственными причинами страданий человечества являются забвение и презрение естественных прав человека, решил изложить в торжественной декларации эти священные и неотчуждаемые права, дабы все граждане, имея возможность беспрестанно сопоставлять действия правительства с целью всякого социального установления, не дозволяли тирании притеснять себя, дабы перед глазами народа постоянно находились основы его свободы и счастья, перед глазами правительства,—правила для исполнения его обязанностей, перед глазами же законодателя объект его деятельности.

Вследствие чего французский народ объявляет в присутствии Верховного существа нижеследующую декларацию прав человека и гражданина:

1. Цель всякого общества — общее счастье. Правительство существует для того, чтобы гарантировать человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами.

2. Эти права суть:—равенство, свобода, безопасность и собственность.

3. Все люди равны от природы и перед лицом закона.

4. Закон,—это торжественное и свободное выражение общей воли. Он одинаков для всех, ограждает ли он или карает; он может предписывать лишь то, что справедливо и что полезно для общества; он может воспрещать лишь то, что вредит ему.

5. Все граждане одинаково допустимы к государственным должностям. Народы, живущие в свободе, при выборах отдают предпочтение лишь добродетели и талантам.

6. Свобода,—это принадлежащая всем и каждому человеку возможность делать все, что не нарушает прав другого; основной ее принцип—природа, ее основное правило—справедливость, ее защитник—закон, ее моральная граница определена правилом: не делай другому того, чего бы ты не желал, чтобы сделали тебе.

7. Никому не может быть воспрещено распространение его идей и мнений, печатным или каким-либо иным путем, не может быть ограничено право мирных собраний, право свободного исповедания религии. Необходимость пояснять эти права свидетельствует о наличии деспотизма или яркого воспоминания о нем.

8. Безопасность обуславливается покровительством, которое общество оказывает каждому своему члену, охраняя неприкосновенность его личности, прав и имущества.

9. Закон должен защищать общественную и личную свободу от притеснений правительства.

10. Никто не может быть обвинен, арестован или задержан в тех случаях, которые не определены, и в такой форме, которая не предписана законом. Каждый гражданин, призванный или задержанный в силу закона, должен немедленно повиноваться: оказывая сопротивление, он становится виновным.

11. Всякое действие, направленное против человека по такому поводу или в такой форме, которые не предписаны законом, считается действием произвольным и тираническим; тот, к кому насильно применяют подобные действия, вправе сопротивляться, не останавливаясь перед насилием.

12. Те, кто домогаются, отдают, подписывают, выполняют или заставляют исполнять действия, основанные на произволе, — виновны и подлежат наказанию.

13. Так как каждый человек предполагается невиновным до того момента, как суд объявит его виновным, то в случае признания необходимости его ареста, закон должен позаботиться о полном устранении всяких строгостей, не нужных для обеспечения суду личности арестованного.

14. Никто не может быть осужден и наказан, не будучи заслушан и законным порядком вызван к суду и не иначе, как в силу закона, обнародованного до совершения преступления. Закон, карающий преступления, совершенные до установления самого закона, был бы законом тираническим. Обратное действие закона было бы преступлением.

15. Закон может налагать наказания, лишь строго и очевидно необходимые. Размер наказания должен находиться в соответствии с важностью проступка, наказания должны быть полезны для общества.

16. Право собственности принадлежит всякому гражданину и заключается в возможности пользоваться и располагать своим имуществом, доходами, плодами своего промысла и работы по своему желанию.

17. Ни один род труда, деятельности или торговли не может быть исключен из занятий граждан.

18. Каждый человек может отдавать в наем свои услуги, свое время. Но он не может ни продать себя, ни быть проданным. Личность человека это — неотчуждаемая собственность. Закон не признает услужения, существует лишь обязательство относительно обмена услуг и благодарности между тем, кто трудится и тем, кто дает работу.

19. Никого нельзя лишить малейшей частицы его собственности, без его согласия, за исключением тех случаев, когда этого требует общественная надобность, констатированная законным порядком и то лишь при условии предварительного и справедливого возмещения.

20. Обложение может вводиться лишь в видах общей выгоды. Все граждане вправе участвовать в деле введения обложений, следить за их расходованием и требовать в этом отчета.

21. Дело общественного призрения — есть священный долг общества. Общество обязано поддерживать бедняков, подыскивая безработным подходящие занятия и обеспечивая средства к существованию неспособных к труду.

22. Потребность к образованию свойственна всем. Общество должно направить все силы на усиление общественного разума и сделать образование доступным всем гражданам.

23. Совместная деятельность всех, направленная к обеспечению каждому возможности пользоваться его правами и ненарушимости этих

прав—создает общественную гарантию. Основанием этой гарантии служит верховная власть народа.

24. Общественная гарантия не может иметь места, если законом не обеспечены ясно границы государственных функций и если не обеспечена ответственность всех должностных лиц.

25. Верховная власть принадлежит народу; она едина, нераздельна, неотчуждаема и не отчуждаема.

26. Ни одна часть народа не может обладать властью целого народа, но каждая часть самодержавного народа должна пользоваться правом выражать вполне свободно свою волю.

27. Да будет каждое лицо, дерзнувшее узурпировать верховную власть, немедленно казнено свободными людьми.

28. Народ всегда вправе пересматривать, преобразовывать и изменять свою конституцию. Одно поколение не может заставить последующие подчиниться его законам.

29. Каждый гражданин вправе участвовать в составлении законов, избрании своих представителей и должностных лиц.

30. Государственные должности могут быть лишь временными. Их нельзя считать ни отличиями, ни наградами, а лишь обязанностями.

31. Преступления представителей народа и должностных лиц ни в коем случае не должны оставаться безнаказанными. Никто не вправе считать свою личность более неприкосновенной, чем личности других граждан.

32. Право подавать петиции представителям государственной власти ни в коем случае не может быть уничтожено, временно изъято или ограничено.

33. Сопротивление гнету естественно вытекает из других прав человека.

34. Когда угнетен лишь один член общественного тела, тем самым угнетается и все общественное тело. Когда угнетается все общественное тело, тем самым угнетается и каждый член его.

35. Когда правительство нарушает права народа, восстание составляет для народа и для каждой его части самое священное из прав и самую насущную обязанность. ¹⁾

ВОССТАНИЕ ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ (2 ИЮНЯ, 1793 г.).

2 июня весь Париж поднялся, чтобы покончить на этот раз ²⁾. Более ста тысяч вооруженных человек собрались вокруг здания Конвента. Они привезли с собою 163 орудия и требовали, или чтобы жирондистские вожди подали в отставку, или же, чтобы двадцать два из них были исключены Конвентом из своей среды.

Ужасные известия, полученные в этот день из Лиона, придали восстанию новую силу. Оказалось, что 29 мая полуголодный народ Лиона

¹⁾ Декларация прав, принятая Конвентом 29 мая и конституционный акт, принятый 24 июня, — провозглашенные 10 августа 1793 г., не были, однако, проведены в жизнь.

²⁾ Восстание секций началось 31 мая.

восстал, но контр-революционеры, т. е. роялисты, при поддержке жирондистов взяли верх и „восстановили порядок“,—истребив для этого 800 патриотов.

Участие, принятое жирондистами в Лионской контр-революции, было вполне установлено. Тогда парижский народ озлобился и лионские события погубили Жиронду. Народ, осаждавший Конвент, об‘явил, что никого не выпустит, пока так или иначе не состоится исключение главных жирондистов.

Конвент со своей стороны,—т. е. жирондистская правая, Равнина и даже часть Горы,—об‘явивши, что их прения не могут считаться свободными, так как Конвент окружен народом, попыталась выйти, в надежде, что народ расступится перед своими представителями. На это Анрио, вынув саблю, отдал свое знаменитое приказание: „Канониры, к орудиям!“ — Члены Конвента, вышедшие на площадь, должны были вернуться...

Конвенту осталось только покориться и он постановил, наконец, исключение тридцати одного из своих членов жирондистов...

Марат произнес 3 июня в клубе якобинцев речь, в которой он излагал смысл совершившегося движения... „Мы дали большой толчок,—говорил он,—Конвенту предстоит теперь упрочить основы общественного благосостояния. Ничего нет легче: нужно только открыто высказать свое исповедание. Мы хотим, чтобы граждане, которых зовут санкюлотами, пользовались счастьем и благосостоянием. Мы хотим, чтобы этому полезному классу помогли богатые, по мере своих достатков. Мы не хотим нарушать права собственности. Но какое право собственности священнее всех других? — Право на существование! Мы хотим, чтобы это право собственности было охраняемо“...

В эти дни Париж вовсе не желал казни арестованных жирондистских депутатов... Арестованных депутатов не послали в тюрьму,—им разрешили, напротив, оставаться под домашним арестом... Если бы эти депутаты... удалились теперь в частную жизнь их, наверно, оставили бы в покое. Но вместо того, они немедленно отправились в провинции, чтобы там поднять восстание против Парижа и Конвента. И когда они увидели на местах, что им приходится идти против самой революции, рука об руку с духовенством и роялистами,—они предпочли соединиться с роялистами скорее, чем отказаться от своих планов.

Тогда,—но только тогда, т. е. в июле 1793 года, Конвент об‘явил их вне закона.

(П. Крапоткин.—«Великая Французская Революция»).

В А Н Д Е Я.

Сержант опять начал допрос...

— Кто были твои родители по своему положению? Чем они занимались? Или чем занимаются теперь? Чем промышляли твои Флешары?

— Они были крестьяне. Отец был больной. Он не мог работать после того, как его наказали палками по приказу барина, его барина, нашего барина. И это было еще милостью, потому что мой отец словил

кролика, а за это положена смертная казнь, но барин помиловал и сказал: „дайте ему только сто палок“,—и отец мой стал калекой.

— Дальше.

— Мой дед был гугенот. Господин священник устроил так, что его сослали на галеры. Я тогда была еще совсем маленькая.

— Дальше.

— Отец моего мужа занимался продажей корчемной соли. Король велел его повесить.

— А муж твой? Что он делает?

— Все эти дни он сражался.

— За кого?

— За короля.

— И еще за кого?

— Ну, конечно, за своего барина.

— А еще?

— Ну, за господина священника.

— Чтобы чорт побрал всех этих животных! — воскликнул один гренадер.

Женщина вздрогнула от ужаса.

— Как видите, сударыня, мы парижане,—ласково пояснила маркитантка.

Женщина всплеснула руками и вскричала:

— О, господи Иисусе Христе!

— Без суеверий!—сказал сержант...

— Молчал бы! Ты испугал ее. Не следует ругаться перед дамами.

— Ну, ей богу, это совершенно непонятно для честного человека,—возразил гренадер,—видеть, как у этих китайских прокезов тесть был изувечен барином, дед сослан на галеры священником и отец повешен королем, а они еще сражаются, черт их побери! И возмущаются и дают себя на растерзание в защиту своего барина, священника и короля!..

— Генерал, жду приказаний.

— Прежде всего местом сбора назначается лес Фужер. Пускай идут туда врассыпную.

— Приказ дан.

— Вы мне, кажется, говорили, что обитатели Эрб-ан-Пайль радушно приняли синих? ¹⁾

— Да, генерал.

— Вы сожгли ферму?

— Да.

— А поселок?

— Нет.

— Сожгите его.

— Синие пробовали защищаться, но их было сто пятьдесят, а нас было семь тысяч.

¹⁾ «Синими» называли республиканцев.

- Кто эти синие?
 - Это синие Сантерра.
 - Который приказал бить в барабан, когда королю рубили голову.
- Значит, это парижский батальон.
- Полубатальон.
 - Как он называется?
 - Генерал, на знамени надпись: „Батальон Красного Колпака“.
 - Дикие звери!
 - Что делать с ранеными?
 - Прикончить.
 - Что делать с пленниками?
 - Расстрелять.
 - Их около восьмидесяти.
 - Всех расстрелять.
 - Между ними две женщины.
 - Расстрелять и женщин.
 - И трое детей.
 - Уведите их. А там посмотрим, что с ними делать.
- И маркиз припворил лошадь.

Декрет о наборе трехсот тысяч человек заставил ударить в набат в шестистах деревнях. Пожар вспыхнул сразу на всех пунктах...

Роялисты заставляли под страхом смерти братья за оружие всех здоровых людей. Они забрали реквизиционным порядком упряжь, повозки, сестные припасы...

Для того, чтобы заставить подняться весь этот народ, понадобилось немного. В дарохранительницу связанного клятвою священника, „священника поклявшегося“, как они называли таких священников, клали большого черного кота, который выскакивал оттуда внезапно во время мессы.—Это чорт!—кричали крестьяне, и во всем округе вспыхивал мятеж. Пламенное дуновение исходило из исповедален. Чтобы напасть на синих и перескакивать через рвы, они носили длинную палку в пятнадцать футов длины, стяг, оружие, служившее им для битвы и для бегства. В самый разгар схватки, нападая на республиканские каре, все крестьяне падали на колени и произносили молитвы под картечью, если встречали на поле битвы крест или часовню; по окончании молитвы, оставшиеся в живых подымались и набрасывались на неприятеля... Они заряжали свои ружья на бегу, проявляя в этом особенное искусство. Их можно было заставить верить чему угодно; священники показывали им других священников, с красной полосой на шее от туго стянутой бечевки, и говорили: „Это воскресшие гильотинированные“...

Они называли „якобинскою“ сволочью тех из деревенских обывателей, которые стали на сторону синих и истребляли их усерднее, чем других. Они любили резню, как солдаты, а бойню, как разбойники...

Они нападали с громким гиканьем, появлялись внезапно отовсюду—из лесов, холмов, ущелий,—убивали, истребляли, громили все и рассеивались. Проходя через республиканское селение, они прежде всего рубили Дерево Свободы, зажигали его и танцевали вокруг огня. Все их

передвижения совершались ночью. Правило вандейца было действовать всегда неожиданно. Они делали молча пятнадцать лье, не оставляя после себя следа в траве. Вечером, назначив, по решению вождей и военного совета, где на другой день утром будет произведено нападение врасплох на республиканские посты, они заряжали свои ружья, бормотали свои молитвы, снимали свои деревянные башмаки и длинными отрядами двигались вперед через лес, ступая босыми ногами по вереску и мху, без шума, без слова, не дыша. Движение кошек во мраке...

Восставшая Вандея насчитывала не менее пятисот тысяч человек, мужчин, женщин и детей. Полмиллиона сражающихся...

(В. Гюго.—«Девяносто третий год»).

ДАНТОН, МАРАТ И РОБЕСПЬЕР.

28 июня 1793 г. три человека сидели вокруг стола. Их стулья не соприкасались: каждый занимал одну из сторон стола; четвертая оставалась пустою. Было около восьми часов вечера; на улице было еще светло, но в задней комнате царила темнота и лампа, привешенная к потолку—роскошь для того времени—освещала стол.

Первый из этих трех людей был бледный молодой человек, серьезный, с тонкими губами и холодным взглядом. Одна его щека постоянно нервно подергивалась. что мешало ему улыбаться. Он был напудрен, в перчатках, старательно вычищен, застегнут на все пуговицы; на его светло-голубом фраке не было ни складки. На нем были короткие штаны из нанки, белые чулки, высокий галстук, плюеное жабо, башмаки с серебряными пряжками. Остальные двое были—один почти гигант, другой—карлик. Великан, небрежно одетый в широкий фрак из ярко-красного сукна, с голою шеей, в развязанном галстуке, падавшем ниже жабо, в растегнутом жилете с оторванными пуговицами, носил сапоги с отворотами; волосы его были вз'ершены, хотя заметны были на них следы более тщательной прически; жесткие, они походили скорее на гриву, чем на парик. Лицо его было изрыто оспою; между бровями виднелась морщина гнева, у углов рта—складка доброты; губы были толстые, зубы большие, кулак, как у носильщика, глаза блестящие. Карлик представлял из себя желтого человечка, который, сидя, казался уродливо сложенным; голова у него была откинута назад, глаза налиты кровью, лицо покрыто синеватыми пятнами; жирные и прямые волосы были повязаны платком, лоб отсутствовал, рот был громаден. Он носил длинные панталоны, туфли, жилет старый, повидимому, из белого атласа, а поверх жилета широкую куртку, в складках которой резкая и прямая линия изобличала присутствие кинжала.

Первый из этих людей назывался Робеспьером, второй—Дантоном, третий Маратом.

Они были одни в этой зале. Перед Дантоном стоял стакан и бутылка вина, покрытая пылью... Перед Маратом—чашка кофе, перед Робеспьером лежали бумаги...

Совещание длилось уже долго. Предметом его были бумаги, разложенные на столе и прочитанные вслух Робеспьером. Голоса начали возвышаться...

Дантон встал. Он с силою отодвинул свой стул.

— Послушайте! — вскричал он. — Есть одно только неотложное дело—республика в опасности. Я преследую только одну цель—освобождение Франции от неприятеля. Для достижения этой цели все средства хороши. Все! Все! Все!.. Когда все опасности угрожают мне, я прибегаю ко всем средствам, и когда я всего боюсь, я рискую всем. Моя мысль превращается в лвицу. Никаких полумер. Никакой щепетильности в революции! Немезида не зевает. Будем страшны и полезны. Разве слон смотрит, куда он ставит свою стопу? Раздавим неприятеля!

Робеспьер ответил кротко:

— С удовольствием! И прибавил:

— Вопрос лишь в том, где находится неприятель?

— Он вне Франции, и я его прогнал!—сказал Дантон.

— Он внутри Франции, и я слежу за ним,—сказал Робеспьер.

— И я его еще раз прогоню!—продолжал Дантон.

— Нельзя прогнать внутреннего врага.

— А что с ним делать?

— Истребить.

— Согласен!—сказал, в свою очередь, Дантон.

И он продолжал.

— Говорю вам, что он вне Франции, Робеспьер.

— Дантон, а я говорю вам, что он внутри.

— Робеспьер, он на границе.

— Дантон, он в Вандее.

— Успокойтесь,—сказал третий голос,—он везде и вы погибли.

Это заговорил Марат.

Робеспьер посмотрел на Марата и возразил спокойно:

— Довольно общих мест! Я хочу точных определений. Вот факты.

— Педант!—проворчал Марат.

Робеспьер положил руку на разложенные перед ними бумаги и продолжал:

— Дантон, послушайте, внешняя война пустяки, главное—война гражданская. Внешняя война—это царапина на локте; гражданская война—это язва, раз'едающая печень. Из всего, что я прочел, можно сделать следующий вывод: Вандея, доселе раздробленная между несколькими вождями, теперь концентрируется... Когда крестьянское восстание охватит всю местность, англичане немедленно высадятся... Через две недели образуется разбойничья армия в триста тысяч человек и вся Бретань перейдет в руки короля Франции.

— Вы хотите сказать — в руки английского короля, — сказал Дантон.

— Нет, в руки короля французского.

И Робеспьер прибавил:

— Французский король хуже. Достаточно двух недель, чтобы прогнать чужеземца, и требуется восемнадцать столетий, чтобы избавиться от монархии...

Дантон поднял голову и опустил свои два толстые, судорожно сжатые кулака на карту, как на наковальню...

— Хорошо, нечего сказать!—вскричал он.—Видеть катастрофу на западе, когда она грозит с востока! Робеспьер, я согласен с вами, что Англия выступает на океане; но Испания выступает на Пиринеях, но Италия выступает на Альпах, но Германия выступает на Рейне. А в глубине стоит настороже великий русский медведь. Робеспьер, опасности сомкнулись в круг и мы находимся в центре его. Вне Франции—коалиция, внутри ее—измена...

— Опасность не в Лондоне, как думает Робеспьер, не в Берлине, как думает Дантон,—она в Париже. Она заключается в отсутствии единства, в праве каждого тянуть в свою сторону, начиная с вас двух,—она—в разброде умов, она—в анархии воле...

— Анархия!—прервал Дантон.—Кто же создает ее, если не вы? Марат не остановился.

— Робеспьер, Дантон, опасность заключается в этой массе кафэ, в этой массе игорных домов, в этой массе клубов; опасность—это клуб Черных, клуб Федералистов, клуб Дам, клуб Беспристрастных, клуб Шерстяных колпаков, основанный газетчиком Приюдомом, и так далее,—не считая вашего клуба Якобинцев, Робеспьер, и вашего клуба Кордильеров, Дантон. Опасность заключается в голоде, который заставил носильщика Блена повесить на фонаре думы булочника Франсуа Дени с рынка Палю, и в правосудии, которое повесило носильщика Блена за то, что он повесил булочника Дени. Опасность заключается в ассигнациях, которые обесцениваются. На улице Тампль у кого-то выпала стофранковая ассигнация, и один прохожий, какой-то простолюдин, сказал: „не стоит ее поднимать“. Ажиотеры и скупщики хлеба—вот где опасность...

А-а! Вы не обращаете внимания на Париж. А-а! Вы ищете опасность где-то далеко, когда она близко. К чему служит вам ваша полиция, Робеспьер?.. Ну, так знайте следующее: опасность над вашими головами, опасность под вашими ногами! Повсюду заговоры, заговоры, заговоры! Прохожие на улицах читают друг другу газеты и делают друг другу знаки; шесть тысяч человек, не имеющих удостоверений гражданства, вернувшихся эмигрантов, щеголей, франтов, скрываются в погребах и на чердаках, и в деревянных галлерейх Палэ-Рояля; у булочных стоят хвосты народа; добрые женщины, стоя на пороге своих дверей, складывают руки и говорят: „Когда же наступит спокойствие?“ Напрасно запираетесь вы в зале Исполнительного Совета, чтобы быть в кругу своих. Знают все, что вы говорите... Да, опасность повсюду, и в особенности в центре. В Париже бывшие дворяне вступают в заговоры, патриоты ходят босиком; аристократы, арестованные девятого марта, уже выпущены на свободу; выездные лошади, которых следовало впрячь в наши пушки на границе, забрызгивают нас грязью на улицах; хлеб.

весом в четыре фунта, стоит три франка двенадцать су, в театрах ставят омерзительные пьесы, а Робеспьер отдаст приказ гильотинировать Дантона... ¹⁾

(В. Гюго. «Девяносто третий год»).

М А Р А Т.

Под усиливавшийся шум он ускорил шаги, вышел на улицу Оноре и нашел ее переполненной толпою мужчин и женщин, кричавших: „Да здравствует республика! Да здравствует свобода!“ Стены, окружавшие сады, окна, балконы, крыши, были полны зрителей, махавших шляпами и носовыми платками. Предшествуемый сапером, который расчищал дорогу, окруженный офицерами городской стражи, национальными гвардейцами, артиллеристами, жандармами, гусарами, медленно плыл над головами граждан человек с желтым цветом лица; его лоб был окружен венком из дубовых листьев, его тело было обложено в старую, просторную хламиду зеленого цвета, с горностаевым воротником. Женщины бросали ему цветы. Он осматривался кругом пронизательным взглядом своих желтых глаз, как бы желая найти среди этой восторженной толпы врагов народа и наказать изменников. Идя навстречу ему с обнаженной головой, Гамелен присоединил свой голос к сотне тысяч голосов и кричал:

— Да здравствует Марат!

Триумфатор, как судьба, вошел в зал Конвента. Пока толпа медленно расходилась, Гамелен, сидя на тумбе, как бы удерживал рукою биение сердца. То, что он сейчас видел, наполняло его душу возвышенным волнением и пламенным энтузиазмом.

Он любил и почитал Марата, который всегда радушно принимал его в бедном, открытом для всех доме и горячо беседовал об общем благе, расспрашивал его иногда о намерениях врагов отечества и, больной воспалением вен, мучимый язвами, отдавал остаток сил служению республике. Гамелен восхищался тем, что враги справедливости, готовя Марату гибель, приготовили ему, в сущности, триумф; он благословлял революционный трибунал ²⁾, оправдавший Друга народа и вернувший Конвенту самого ревностного и самого чистого из его законодателей. Его глазам рисовалась эта голова, сжигаемая лихорадкой, обвитая гражданским венком, это лицо с отпечатком благородной гордости и безжалостной любви, изъеденное, обезображенное, могущественное; этот искривленный рот, который, казалось, говорил с высоты своей живой победной колесницы своим гражданам: „Будьте, по моему примеру, патриотами до самой смерти!“...

¹⁾ Дантон был казнен 5-го апреля 1794 г., по настоянию Робеспьера, видевшего в нем, как в противнике террора, — слишком умеренного вождя революции. Опасаясь его влияния на массы, он подготовил против него ряд обвинений в «безнравственности» и «подкупности». В своей речи в Конвенте, возражая против защиты Дантона его другом Лежандром, — Робеспьер воскликнул: «Мы не хотим идолов!» — Вместе с Дантоном были казнены и его ближайшие приверженцы, в том числе Камилл Демулен.

²⁾ Марат был предан суду Революционного Трибунала 24 апр. 1793 г. по проискам жирондистов, видевших в нем своего главного врага, — но был оправдан.

... Оторопевшая толпа хранила молчание, прерываемое время от времени жалобами и гневными возгласами. Многие направлялись быстрым шагом в улицу Тионвиль, бывшую улицу Дофина. Гамелен пробрался в одну из этих групп и узнал, что сейчас зарезали Марата.

Мало-по-малу новость подтвердилась и определилась: он был убит в ванне женщиной ¹⁾, нарочно приехавшей из Канна для совершения преступления.

Некоторые говорили, что она бежала, но большинство утверждало, что она арестована...

Они знали, откуда нанесен удар, кто направил руку этой женщины. Они жаловались:

„Марат был убит преступными руками, которые желают и нас уничтожить. Его смерть есть сигнал к тому, чтобы вырезать всех патриотов“.

Различно передавали подробности этой трагической смерти и последние слова жертвы; расспрашивали об убийце, о которой было известно только то, что это—молодая женщина, посланная изменниками-федералистами. Оскалив зубы, судорожно вытянув пальцы, гражданки обрекали убийцу на казнь; находя гильотину слишком мягким наказанием, требовали для этого чудовища бича, колесования, четвертования и придумывали новые пытки...

Гамелен оцепенел от горя. Скучные слезы сохли на его горячих щеках. К сыновнему горю примешивалась озабоченность патриота и любовь к народу, раздиравшие его.

— „После Лепеллетье, после Бурдона—Марат! Я знаю участь патриотов: их избивают на Марсовом поле, в Нанси, в Париже,—они все погибнут...“

И сколько еще опасностей, сколько преступных происков, сколько измен, которые могла бы разведать и раскрыть только мудрость и бдительность Марата!“...

А вокруг него с каждой минутой усиливались мрачные вопли:

— Марат погиб! Аристократы убили его!..

(Ан. Франс. «Боги жаждут»).

ПАДЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА.

(27—28 июля 1794 г.).

Ты спишь, Робеспьер! Часы уходят, драгоценное время бежит...

Наконец, восьмого термидора в Конвенте Неподкупный встает и говорит: Солнце 31-го мая ²⁾, взойдешь ли ты еще раз? Гамелен ждет, надеется. Итак, Робеспьер, наконец, прогонит со скамей, которые они

¹⁾ Марат был убит сторонницей жирондистов Шарлоттой Корде, 13 июля 1793 г.

²⁾ 31 мая 1793 г.—восстание секций Парижа, направленное против жирондистов.

бесчестят, этих законодателей, более виновных, чем федералисты, более опасных, чем Дантон. Нет, пора еще не пришла! „Я не могу решиться,—сказал он,—вполне разорвать завесу, окутывающую эту глубокую тайну беззакония“. И сверкнувшая молния, не поразив никого из заговорщиков, напугала их всех. Насчитывали шестьдесят человек, которые в течение двух недель не решались спать в своих постелях. Марат называл изменников по именам, указывал на них пальцем. Неподкупный колеблется, и с этого момента он сам—обвиняемый...

В вечер того же дня у якобинцев можно было задохнуться от тесноты в зале, в кулуарах, во дворе.

Все были налицо—шумящие друзья и немые враги. Робеспьер прочел им свою речь, выслушанную в Конвенте при ужасном молчании: якобинцы же покрыли ее бурными рукоплесканиями.

— Это—мое завещание,—сказал он,—вы увидите, как спокойно я выпью свой стакан яда.

— Я выпью его вместе с тобою,—сказал Давид.

— Все, все выпьем!—закричали якобинцы и разошлись, не приняв никакого решения.

В то время, как готовилась смерть Справедливого, Эварист спал сном учеников Христа в Масличном саду. На следующий день он отправился в Трибунал, где заседали две секции.

Секция, к которой он принадлежал, судила двадцать одного участника заговора Лазаря. А в это время стала известна новость: „Конвент, после шестичасового заседания, постановил привлечь к суду Максимилиана Робеспьера, Кутона, Сен-Жюста, также Огюста Робеспьера и Леба, пожелавших разделить участь обвиняемых. Все пять обвиняемых взяты под стражу“.

Распространялось известие, что председатель секции, заседавшей в соседней зале, гражданин Дюма, был арестован на своем председательском месте, но что заседание продолжается. Слышно было, как трубили сбор и били в набат.

Эварист получил приказ Коммуны: отправиться в ратушу и там заседать в главном совете. Под звон колоколов и бой барабана передал он свой вердикт через товарищей, а сам побежал домой обнять мать и надеть шарф. Площадь Тионвиль была пуста. Секция не решалась высказаться ни за, ни против Конвента. Члены ее жаллись у стен, прятались по аллеям, уходили к себе домой. На зов набата и сбора отвечал шум опускавшихся ставень и запираемых замков...

Приближаясь к ратуше, Гамелен услышал подымавшийся к мрачному небу шум великих дней. На Гревской площади слышался стук оружия, пестрели шарфы, сверкали мундиры, батареями стояли пушки Анрио. Гамелен поднялся по почетной лестнице и, взойдя в зал совета, расписался на листе. Генеральный совет Коммуны, в лице 191 присутствующих членов своих, единогласно высказался за обвиняемых.

Мэр приказал принести таблицу „Прав человека“ и прочел статью, гласившую: „Когда правительство нарушает народные права, возмущение является священнейшим и неизбежнейшим долгом народа! И главное должностное лицо Парижа об’явило, что Коммуна противопоставляет

государственному перевороту, совершенному Конвентом народное восстание.

Члены генерального совета клянутся умереть на своем посту. Отправляют двух муниципальных офицеров на Гревскую площадь с тем, чтобы они обратились к народу с воззванием о присоединении к магистрату для спасения отечества и свободы...

Получаются хорошие известия. Тюрьмы, в которых были заключены обвиняемые, раскрывают двери и выпускают свою добычу. Огюст Робеспьер, освобожденный из крепости, первым явился в ратушу, и его приветствовали радостными возгласами. В восемь часов стало известно, что Максимилиан, после долгого сопротивления, тоже направляется в Коммуну. Его ждут; сейчас он явится; вот он явился! Грозное приветствие потрясает своды старого муниципального дворца. Он входит. Двадцать рук подхватывают и несут его. Этот маленький, худой, чистенький человек, в голубом кафтане и желтых панталонах—это он!

Он садится, он говорит.

Как только он прибыл, совет приказал иллюминировать фасад дома Коммуны: в нем пребывает республика. Он говорит, говорит изящно своим высоким голосом. Он говорит изысканно и много. Те, кто там находятся, кто рискует жизнью из-за его головы, с ужасом замечают, что он оратор, человек комитетов и трибуны, не способный на быстрые решения, на революционный шаг.

Его увлекают в зал совещания. Теперь они все в сборе, эти великие пленники: Леба, Сен-Жюст, Кутон. Робеспьер говорит. Половина первого ночи: он еще говорит. Между тем Гамелен в зале совета стоит, прижавшись лбом к стеклу, и тревожно вглядывается в тьму ночи. Он видит, как чадят лампы; пушки Анрио составлены в батареи перед ратушей. На совершенно черной площади движется смутно виднеющаяся, беспокойная толпа. В половине первого появляются на углу улицы Ванны факелы, окружающие делегата Конвента, на котором одеты знаки его достоинства; он разворачивает бумагу и при красном свете факелов читает вслух декрет Конвента, в котором вне закона объявляются члены возмущившейся Коммуны, помогающие ей члены Генерального совета и граждане, которые откликнутся на призыв Коммуны.

Вне закона! Смерть без суда! При одной этой мысли бледнеют даже самые решительные люди. Гамелен чувствует, как леденеет у него лоб. Он видит, как толпа быстро очищает Гревскую площадь.

И когда он поворачивает голову, глаза его видят, что зал, в котором члены совета только что задыхались, почти пуст.

Но они напрасно бежали: они расписались.

Два часа ночи. Неподкупный спорит в соседнем зале с Коммуной и с обвиняемыми народными представителями.

Гамелен безнадежно устремляет взор на черную площадь. При свете фонарей он видит, что деревянные подпорки на кровле у бакалейщика с треском стучатся друг о друга, как кегли, фонари раскачиваются и мерцают. Поднялся сильный ветер. Минуту спустя разражается ливень с бурей; площадь окончательно пустеет; тех, кого не разогнал страшный декрет, рассеяло несколько капель дождя. Пушки Анрио покинуты. И

когда при свете молнии выясняется, что войска Конвента движутся и по улице Антуана, и по набережной, под'езды дома Коммуны окончательно пустеют.

Наконец, Максимилиан решил обратиться к секции Пик с призывом по поводу декрета Конвента.

Генеральный Совет приказал принести сабли, пистолеты, пики... Но шум оружия, шагов и разбитых стекол наполнил весь дом. Как лавина проходят через зал совещаний войска Конвента и устремляются в зал совета. Раздается выстрел: Гамелен видит, как падает Робеспьер с разбитой челюстью. Гамелен выхватывает нож в шесть су, которым резал хлеб для нищей... Он раскрывает его и хочет вонзить себе в сердце. Лезвие натывается на ребро, гнется и Гамелен ранит себе два пальца. Он падает окровавленный. Он недвижим, но страдает от жестокого холода и в сутолоке ужасной борьбы, попираемый ногами, узнает безошибочно голос драгуна Анри, который выкрикивает:

— Тирана больше нет! Его приверженцы разбиты. Революция возобновит свой величественный и страшный путь...

В Конвент отправилась делегация Революционного Трибунала, составленная из публичного обвинителя и двух судей для принесения поздравления по случаю ареста заговорщиков. Собрание постановило, что эшафот будет воздвигнут на площади Революции. Они хотели, чтобы люди богатые, изящные, а также красивые женщины могли с удобствами видеть казнь Робеспьера, долженствовавшую совершиться в тот же день... Триумвиров и их главных сообщников повели на казнь среди криков ярости и радости, среди проклятий, смеха и танцев...

Гамелену пришлось сделать усилие, чтобы взойти на тележку: он потерял много крови и жестоко страдал от раны. Кучер принялся стегать свою кляченку и шествие медленно тронулось в путь, сопровождаемое свистками.

Женщины, узнавшие Гамелена, кричали ему:

— Иди, иди, кровопийца! Убийца за восемнадцать франков в день... Он теперь уже не смеется! Посмотрите, как бледен этот трус!

Это были те же женщины, которые недавно ругали заговорщиков и аристократов, отчаянных и терпеливых, которых Гамелен и его товарищи посылали на гильотину.

Тележка повернула на набережную... Она направлялась на площадь Революции к эшафоту Робеспьера. Лошадь хромала; кучер поминутно стегал ее кнутом по ушам. Веселая, оживленная толпа зрителей задерживала движение эскорта. Публика приветствовала жандармов, сдерживавших лошадей. На углу улицы Оноре оскорбления удвоились. Там высыпали к окнам с салфетками в руках молодые люди, обедавшие в залах модных ресторанов, и кричали:

— Людоеды! Кровопийцы!...

(Ан. Франс. «Боги жаждут»).

РЕАКЦИЯ.

(20 мая, 1795 г.).

Сила была в руках реакции; на юге начинался белый террор; одни мятежники пока стесняли изменников; но они решили отделаться и от них. 12-го жерминаля III-го года республики парижские газеты принесли известие, что голодный народ кинулся на Тюльери, наводнил залу Конвента и требовал хлеба, но был вытеснен оттуда общими усилиями соседних термидорских секций. Выходило, что народ дрался против буржуазии.

С той же почтой пришло известие, что Конвент, воспользовавшись этим случаем, сослал без суда в Кайену Коло д'Эрбуа, Билле Варенна и Баррера... Словом, новая партия повторяла старый, давно избитый план: собиралась продавать отечество, чтобы получить места, доходы, пенсии и привилегии!

Меня потянуло снова взяться за оружие и идти громить изменников. И многие наверно разделяли мой пыл.. Только выйти из этого ничего не могло: вожжаков не было; они поснимали друг другу головы на гильотине. Какое несчастье!

Вот когда патриоты поняли, куда мы шли. Что до меня—я был готов, кажется, кровь свою отдать, чтобы воскресить теперь Робеспьера и Сен-Жюста, которых так ненавидел...

Через несколько дней эти термидорцы, жирондисты и роялисты отправили на гильотину грозного Фулье-Тенвиля, бывшего публичного обвинителя, и с ним пятнадцать судей революционного трибунала. И за телегой Фулье-Тенвиля бежали шпионы и с насмешкой кричали ему:

— У тебя нет голоса!

А он отвечал:—А у тебя, безмозглый народ, нет хлеба!

И он был прав; реакционеры ничего не позволили ввозить в Париж; население получало по два унца хлеба в день на брата! А между тем у нас успели уже снять озимое; и крестьяне продали запасы хлеба и сена, так как и с яровыми можно было жать урожая; голода больше не было. Но ведь роялистам, чтоб раздавить патриотов, необходимо было вызвать восстание; они чувствовали, что у них есть теперь поддержка, и хотели стать прежними господами: для этого надо было поморить голодом несчастное население.

И громадное восстание 20-го мая 1795 года, 1-го прериаля III-го года,—не заставило себя долго ждать; это был бунт голодных: женщины, дети и несколько батальонов Сент-Антуанского предместья кинулись в залу Конвента с криками:

— Хлеба!.. и конституции 1793 года!..

Бунт 1-го прериаля длился трое суток. Конвент вотировал по желанию народа, овладевшего залом собрания, много декретов, но на другой же день все эти декреты сжег. Вожжаков у народа не было и он не знал что ему делать со своей победой... Уже на второй день двадцать тысяч человек из термидоровских и роялистических кварталов, с под-

креплением в шесть тысяч драгун, отбросили народ обратно в те жалкие кварталы, откуда его заставил выйти голод, и тот самый народ, который на границе не задумываясь положил столько тысяч своих, тут струсил и отступил; в Париже у него не хватило смелости принять сражение и он признал себя побежденным...

Это восстание было последним большим восстанием... Все члены бывших Комитетов Общественного Спасения и Общественной Безопасности... двадцать один человек из числа народных представителей и десять тысяч известных патриотов были арестованы и кто изгнан, а кто гильотинирован в течение той же недели...

(Эркман-Шатриан.—«История одного крестьянина»).

„МАНИФЕСТ РАВНЫХ“.

Фактическое равенство является конечной целью социального строительства (Кондорсе. «Историческая картина успехов человеческого духа»).

Французский народ!

„В течение пятнадцати столетий ты жил в рабстве и, следовательно, был несчастен. И вот уже шесть лет, как ты едва переводишь дух в ожидании независимости, счастья и равенства“.

„Равенство—первое требование природы, первая потребность человека и основное звено всякого законного товарищества. Французский народ! Тебе повезло не больше, чем другим народам, прозябающим на этом злосчастном земном шаре. Всегда и везде бедный человеческий род, отданный во власть более или менее ловких людоедов, служил игрушкой всяческому честолюбию, пищей всяческой тирании... С незапамятных времен нам лицемерно твердят: „Люди равны“, и с незапамятных времен над человеческим родом нагло тяготеет самое унижающее и самое чудовищное неравенство... На деле равенство было ни чем иным, как красивой и бесплодной юридической фикцией. А теперь, когда мы его требуем более решительно, нам отвечают: „Замолчите, несчастные“? Фактическое равенство—только химера; довольствуйтесь условным равенством: мы все равны перед законом. Чернь, чего тебе еще?—Чего нам еще? Законодатели, правители, богачи, собственники, теперь послушайте вы, в свою очередь“.

„Мы все равны, не так ли? Этот принцип остается неоспоримым, потому что, если не быть безумцем, то нельзя серьезно утверждать, что на дворе ночь, когда стоит день“.

„Так вот! Отныне мы намерены жить и умирать равными, какими мы родились; мы желаем или действительного равенства или смерти; вот чего нам надо. И мы добьемся его, этого действительного равенства, какой бы то ни было ценой. Горе тем, кто заградит нам путь

к нему. Горе тому, кто станет противиться желанию, провозглашенному таким образом!“

„Французская революция—только предтеча другой более великой и более величественной революции, которая будет уже последней“.

„Народ раздавил объединившихся против него королей и священников; то же будет и новым тиранам и новым политическим лицемерам, усевшимся на месте старых. Чего еще надо вам, кроме юридического равенства?“

„Нам нужно это равенство, не только записанное в декларации прав человека и гражданина; мы хотим, чтобы оно было среди нас, под кровлей наших жилищ“.

„Для него мы согласны на все. Мы готовы снести все до основания, лишь бы оно осталось у нас. Если надо, пусть погибнут все искусства, лишь бы у нас осталось действительное равенство!“

„Законодатели и правители, так же бездарные, как и бессовестные, и богатые и бессердечные собственники, напрасно пытаетесь вы парализовать наше священное начинание, говоря: „они просто снова выдвигают этот аграрный закон, который уже не раз требовался и до них“...“

„Аграрный закон или земельный передел был мимолетным желанием некоторых беспринципных солдат, некоторых народностей, побуждаемых скорее инстинктом, чем разумом. Мы стремимся к более высокой и более справедливой цели, а именно, к коллективной собственности. Долой частную собственность на землю, земля—ничья“.

„Мы требуем и желаем общего пользования земными плодами: эти плоды принадлежат всем“.

„Заявляем! Мы не можем дольше терпеть, чтобы подавляющее большинство людей трудилось в поте лица своего, ради выгод и удовольствия незначительного меньшинства“.

„Достаточно долго и даже слишком долго, меньше чем миллион людей распоряжается тем, что принадлежит больше, чем двадцати миллионам им подобных, им равных“.

„Пусть, наконец, прекратится это безобразие, в существование которого наши внуки не захотят верить. Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на богатых и бедных, на знатных и простых, на господ и слуг, на правящих и управляемых“.

„Пусть не будет иного различия между людьми, как только возраст и пол. Так как у всех людей одинаковые потребности и одинаковые способности, пусть же воспитание и пропитание будут у них тоже одинаковыми. Они довольствуются одним солнцем и одним воздухом на всех: почему же каждый из них не мог бы удовлетвориться одинаковым количеством пищи одного и того же качества?“

„Но враги самого естественного порядка вещей, какой только можно представить себе, уже ораторствуют против нас“.

„Разрушители и бунтовщики, говорят они нам, вы желаете только убийства и грабежа“.

Французский народ!

Организуемое нами священное дело имеет только одну цель—положить предел гражданской смуте и нищете народа.

Пора перейти к решительным мерам.

Зло достигло слюеа апогея; оно распространилось по лицу всей земли. Хаос, под именем политики, царит на ней слишком много веков. Пусть же все придет в порядок и норму. Пусть по зову равенства организуются все элементы, стремящиеся к справедливости и счастью. Настал момент основать Республику равных, эту великую обитель, открытую для всех людей. Наступили дни всеобщего обновления. Стоящие семьи, идите за общий стол, накрытый природою для всех ее детей...

Французский народ!

По какому же признаку должен ты отныне узнавать превосходство какой-либо конституции? Только та конституция, которая всецело основана на фактическом равенстве, может подойти к тебе и удовлетворить все твои пожелания.

Аристократические хартии 1791-го и 1795-го годов только прочнее заклепывали твои цепи, вместо того, чтобы их разбивать.

Конституция 1793-го года была значительным шагом вперед к действительному равенству; никогда еще человечество не подходило к нему так близко; но и эта конституция не достигала еще конечной цели и не давала того всеобщего счастья, великий принцип которого она торжественно узаконивала.

Французский народ!

Открой глаза и сердце на полноту блаженства; признай и провозгласи вместе с нами „Республику Равных“. ¹⁾

(См. Ф. Буонарроти. «Гражд Бабеф и Заговор равных»).

СОДЕРЖАНИЕ ДОКТРИНЫ БАБЕФА.

1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

2. Цель общества—защищать это равенство, подвергающееся в естественном состоянии нападению сильных и злых, а также при всеобщем содействии увеличивать общее благосостояние.

¹⁾ «Тайная Директория Общественного Спасения» была организована Графком Бабефом в марте 1796 г. Ее целью было подготовить восстание, связав предварительно воедино все революционные элементы Парижа. В число членов «Тайной Директории» входили: Бабеф, Дартэ, Буонарроти, Марешаль, Лепеллетье и др. За несколько дней до назначенного дня восстания организация была арестована, — ее предал один из членов «Директории» Жорж Гризель. — «Манифест равных», написанный Марешалем, не был опубликован, т. к. не все члены «Директории» были согласны с ним, в том числе и сам Бабеф. Вместо манифеста «Директория» напечатала и распространила прокламацию под заглавием: «Содержание доктрины Бабефа, осужденного Исполнительной Директорией за проповедь правды».

3. Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться. Никто не может уклониться от труда, не совершая тем самым преступления.

4. Труд и потребление должны быть общими для всех.

5. Угнетение имеет место когда один надрывается над работой и во всем нуждается, в то время как другой, ничего не делая, утопает в роскоши.

6. Никто не может присвоить земельную или промышленную собственность исключительно себе, не совершая тем самым преступления.

7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

8. Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу немущих, являются врагами народа.

9. Никто не имеет права, путем накопления всех материальных средств, лишать других просвещения, необходимого для их счастья; образование должно быть общим.

10. Цель революции—уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье.

11. Революция еще не кончена, так как богачи захватывают все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедняки трудятся, как настоящие рабы, изнывают в нищете и не имеют в государстве никакого значения.

12. Конституция 1793-го года является для французов истинным законом, потому что народ торжественно утвердил ее; потому что Конвент не имел права изменять ее; потому что, чтобы добиться этого, он велел расстреливать народ, требовавший ее применения; потому что он изгнал и убил депутатов, которые, защищая ее, исполняли свой долг; потому что террор против народа и влияние эмигрантов руководили составлением и мнимым утверждением конституции 1795-го года, не имевшей даже четверти избирательных голосов, полученных конституцией 1793-го года; потому что конституция 1793-го года санкционировала неотъемлемое право каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, иметь право собраний, требовать того, что он считает полезным, и не умирать с голода; эти права открыто и всецело нарушены контр-революционным актом 1795-го года.

13. Конституция 1793-го года обязует каждого гражданина восстановить и защищать волю и счастье народа.

14. Все власти, установленные мнимой конституцией 1795-го года, незаконны и контр-революционны.

15. Поднявшие руку на конституцию 1793-го года виновны в оскорблении народного суверенитета.

СУД НАД БАБЕФОМ.

„Ночь с 6-го на 7-е прериаля, 25-го мая 1797-го года, положила конец той судебной драме, которая продолжалась около ста дней. Было четыре с половиной часа утра. Обвиняемые, более молчаливые и более угрюмые, чем обыкновенно, были введены с обычными предосторожностями. Верховный суд присяжных, с печальной торжественностью, вышел из залы совета, где он провел на обсуждении девятнадцать часов. Судьи заняли свои места; зал наполнился. Тогда наступил момент мрачной и безмолвной тишины, в течение которой можно было различить шум летящего насекомого. Несколько детей, несколько женщин, одежда и волосы которых были в беспорядке,—среди них и жена Буонарроти, столпились у решетки, крепко сжимая ее руками, но без крика, без жалоб, без вздоха, почти без движения. Когда председатель встал, чтобы отчетливо, но взволнованно прочесть приговор, можно было принять его за единственное живое существо в этом помещении. Этот приговор известен: большинство получало свободу, Буонарроти, Жермен и несколько других, память которых не сохранится в истории, были приговорены к ссылке, Бабеф и Дартэ—к смерти“.

„Когда эта часть приговора была произнесена, на местах, занимаемых подсудимыми, поднялось глухое волнение. Там, на средней скамейке, сидел Реаль, он находился выше сидевшего немного влево от него Дартэ и ниже Бабефа, бывшего, наоборот, правее. Дартэ упал назад, опустив голову на колени своего защитника, который старался его поддержать, в то время как Бабеф, в свою очередь, упал к нему на плечо. Это двойное падение нельзя было приписать искугу. Лившаяся кровь об'ясняла, в чем дело; в то же время по ступенькам покатались два шила, тоже покрытые кровью. Шило Бабефа было сделано из железной спиральной проволоки, какая по мере стгорания свечи в подсвечнике служит для ее поднятия. Ему удалось заострить эту пружину на помосте своей камеры. Обоих умирающих унесли. Их несчастная судьба не хотела, чтобы они умерли от своих ран; они не совсем изопли кровью от того железа, которым они себя поразили; ее осталось достаточно для гильотины, куда их вечером отнесли“.

(Шарль Нодье. «Воспоминания о революции». См. Буонарроти—«Гр. Бабеф и заговор равных»).

18 БРЮМЕРА НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.

Газеты и маленькие уличные листки делали свое дело; всюду читали: „Генерал Бонапарт прибыл 17 числа в Фрежюс. Он был встречен несметной толпой, кричавшей: „Да здравствует республика!“ Он оставил египетскую армию в самом удовлетворительном положении“.

„Невозможно передать радость, охватившую всех вчера на спектакле, когда была получена эта весть. Крики: „Да здравствует республика! Да здравствует Бонапарт!“ и шумные, продолжительные аплодисменты, раздавались со всех сторон; все были точно опьянены восторгом. Победа,

вечно следующая по пятам за Бонапартом, на этот раз опередила его". Победа, следующая всюду за Бонапартом, повторяем мы, на этот раз его опередила, и он явился нанести последние удары умирающей коалиции".

На другой день мы опять читали:

"Бонапарт отправился вчера в половине второго в Исполнительную Директорию. Двор и залы были переполнены народом, торопившимся взглянуть на человека, о смерти которого еще год тому назад мир был оповещен пушечным выстрелом с Лондонской башни. Он пожал руку многим солдатам, сделавшим с ним итальянскую кампанию. Он был в сюртуке, без всяких отличий. На шелковом шнуре висел палаш. Теперь он носит короткие волосы. Климат, в котором он прожил более года, придал его лицу, обыкновенно бледному, больше выразительности и красок. Выйдя из Директории, он отправился посетить некоторых министров, между прочим, министра юстиции".

Потом шло:

"Люсьен Бонапарт ¹⁾ избран президентом Совета Пятисот"...

Еще дальше:

"Генерал Бонапарт обедал третьего дня у Гойэ, президента Директории. Заметили, что он больше спрашивал, чем сам говорил".

И так далее, все в том же роде с 22 вандемьера до 18-го брюмера... Все газеты были сверху до низу наполнены описаниями побед при Шебрейссе, Пирамидах, Седимане, Фивах, Бейруте, Мон-Фаворе, подробностями экспедиции в Сирию, последнего сражения под Абукиром, прокламациями Бонапарта, члена национального Института, главнокомандующего и проч. и проч.

Подумаешь, много все это нам пользы принесло.

Но об уничтожении нашего флота, об ужасном разграблении Яффы, об избиении пленных и жителей этого несчастного города, об изнурении нашей армии, о чуме, свирепствовавшей среди нее, об опасностях, грозивших ей с моря и из пустыни, обо всем этом ни слова.

Итак, энтузиазм народа все возрастал, да возрастал, а ровно через месяц по возвращении Бонапарта в "Монитере" появилось следующее сообщение:

"Главнокомандующий Бонапарт гражданам, составляющим местную парижскую гвардию.

"18-го брюмера VIII года ²⁾ единой и нераздельной республики.

"Граждане!

"Совет Старейшин, хранитель народной мудрости, только что издал нижеследующий декрет, основанный на статьях 102 и 103 конституционного акта:

"Ст. 1-ая. Законодательный корпус переносится в Сен-Клу; оба Совета будут заседать в двух флигелях дворца.

"Ст. 2-ая. Они отправятся туда завтра, 19-го брюмера, в полдень. Всякое продолжение служебных обязанностей и прений в другом месте и ранее этого срока воспрещается.

¹⁾ Брат Наполеона Бонапарта.

²⁾ 18 брюмера VIII г.—9 ноября 1799 г.

„Ст. 3-я. Выполнение указанного декрета возложено на генерала Бонапарта. Он примет все необходимые меры для безопасности народного представительства. Генерал, командующий 17-м военным округом (тогда им был Лефевр), стража законодательного корпуса, местная национальная гвардия, линейные войска, находящиеся в настоящее время в парижской общине, в конституционном округе и на всем протяжении 17-го военного округа, немедленно подчиняются генералу Бонапарту, как своему начальнику и обязаны признать его, как такового. Все граждане при первом его требовании обязаны оказать ему вооруженную помощь.

„Ст. 4-ая. Бонапарт призывает в Совет для получения законным порядком настоящего декрета и для принесения присяги (в чем?). О мерах он условится с комиссиями инспекторов от обоих Советов.

„Ст. 5-ая. Затем настоящий декрет будет передан через особого посланного Совету Пятисот и Исполнительной Директории, а также будет напечатан, расклеен, обнародован и разослан во все общины республики со специальными нарочными“.

Дальше продолжал сам Бонапарт:

„Совет Старейшин поручил мне принять меры для безопасности национального представительства. Временное перенесение его необходимо. Законодательному корпусу тоже предстоит спасти национальное представительство от неминуемой опасности, к которой привела нас полная дезорганизация и упадок всех частей администрации. Ему необходимо при этих чрезвычайных обстоятельствах единодушие и доверие патриотов. Сплотитесь вокруг него,—это единственное средство упрочить республику на основах гражданской свободы, внутреннего благосостояния, победы и мира.

„Да здравствует республика!

Бонапарт“.

С подлинным верно:

Александр Бертье“.

Затем следовала прокламация Бонапарта к солдатам.

„Солдаты!

„Чрезвычайный декрет Совета Старейшин опирается на статьи 102 и 103 конституционного акта. Он вручает мне начальство над городом и над армией.

„Я принял это начальство, чтобы помочь Совету в предпринимаемых им мерах, которые все направлены к народному благу“.

„Республика плохо управляется вот уже два года. Вы надеялись, что мое возвращение положит конец многим бедствиям; вы отпраздновали его с единодушием, налагающим на меня обязанности, которые я и постараюсь исполнить. Вы тоже исполните ваши и поможете вашему генералу с той энергией, твердостью и доверием, которые я в вас всегда встречал. Свобода, победа и мир снова поставят республику на место, некогда занимаемое ею в Европе, и потерянное теперь только благодаря бездействию или измене.

„Да здравствует республика!

Бонапарт“.

Вы себе представить не можете, как были все изумлены, читая эти прокламации. У нас все было спокойно, республика только что одержала две большие победы при Цюрихе и Кастрикуме, в Голландии; враги наши были разбиты и вдруг, ни с того, ни с сего, Бонапарт заявляет, что республика потеряла свое прежнее место в Европе, и что он взялся возратить ей весь ее прежний блеск и величие. Это звучало так фальшиво, что даже самые ограниченные люди поняли, что во всем этом кроется ложь. А перенесение обоих Советов в деревню Сен-Клу, ставившее эти Советы прямо во власть солдат, так как защитить их там было некому, совершенно явно говорило об измене...

На другой день к нам в лавку буквально ломились за газетами; в несколько минут они все были расхвачаны. Наша семья и человек десять, двенадцать друзей уселись тоже в библиотеке и читали о знаменитом заседании Пятисот 19 брюмера в оранжерее Сен-Клу, под председательством Люсьена Бонапарта. Читал я:

„Заседание открылось в половине второго, в оранжерее Сен-Клу, в левом флигеле дворца, чтением протокола предыдущего заседания“.

„Годен. Граждане, декретом Совета Старейшин заседания Законодательного корпуса перенесены в эту общину“.

„Эта чрезвычайная мера была, очевидно, вызвана грозившими опасностями. В самом деле, заявлено, что сильные политические партии опутали нас целой сетью заговоров, что у них необходимо отнять всякую надежду опрокинуть республику и что надо вернуть Франции мир и т. д.“.

„Годен еще продолжает на эту тему и заканчивает просьбой назначить комиссию, которая исследовала бы, в каком положении республика, и указала бы меры, которые необходимо принять при данных обстоятельствах. Его прерывают:..

„Дельбрель Конституцию! Или смерть!.. Штыки нас не испугают; мы здесь свободны.“

„Несколько голосов. Не надо диктатуры!.. Долой диктаторов!“

„Крики: Да здравствует конституция!“

„Дельбрель. Я требую, чтоб возобновили присягу конституции.“

„Снова поднимаются крики. Толпа членов бросается к бюро. Опять раздается: „Долой диктаторов“.“

„Президент Люсьен Бонапарт. Мне слишком дорого достоинство Совета, чтоб я мог дольше терпеть дерзкие угрозы части ораторов. Я призываю их к порядку.“

„Гранмезон. Представители! Франция, конечно, не без удивления посмотрит на то, что народное представительство и Совет Пятисот, повинаясь конституционному декрету Совета Старейшин, переехали в это новое помещение, не зная, в чем состоит та опасность,—разумеется, неизбежная,—которая им угрожает. Говорят, что нужно назначить комиссию для изыскания мер, которые необходимо принять, чтобы знать, где и что надо делать. Я думаю, что раньше надо бы созвать такую комиссию, которая разведала бы, что было сделано?“

„Он заканчивает, возвысив голос:

„Французская кровь десять лет уж льется за свободу, и я требую, чтобы мы дали клятву противиться восстановлению какой бы то ни было тирании.

„Множество голосов. Согласны! Согласны! Да здравствует республика! Да здравствует конституция!

„Клятва дается...

„Вигонне. Но эта клятва останется призрачной клятвой, если мы не отправим в Совет Старейшин посла с просьбой об'яснить нам мотивы сегодняшнего экстренного созыва, собравшего нас здесь“.

Заседание продолжается среди страшного волнения; в Директорию отправляется посол, затем приходит письмо Барраса, который оставляет место директора. Этот презренный человек пишет:

„Граждане представители:

„Занявшись общественными делами только по своей страсти к свободе, я согласился принять и эту первую должность в государстве только ради того, чтобы поддерживать эту свободу в минуты опасности“ и т. д.

„Слава, окружающая возвращение знаменитого полководца, которому я имел счастье открыть путь к этой славе, очевидные знаки доверия, оказываемые ему Законодательным корпусом, и декрет народного представительства, убедили меня, что отныне я лишний, на какой бы пост ни призывало меня общественное благо; и без меня, опасности, угрожавшие свободе, устранены и интересы армии гарантированы“...

В тот самый момент, когда Гранмезон начал говорить, что ему отставка Барраса кажется что-то подозрительной, что она могла быть вынужденной, в зале вдруг произошло сильное движение, и взоры всех обратились к главной двери, в которую входил генерал Бонапарт, в сопровождении четырех гренадеров от народного представительства и, несколько поодаль, офицеров генерального штаба, серьезных, внимательных. Все собрание разом встало со своих мест, пылая негодованием на этого солдата, осмелившегося нарушить святыню народного собрания, и крикнуло:

„Это что значит?.. Это что значит?.. Сабли здесь?.. Солдаты?..

Многие из членов бросились к Бонапарту со своих мест, схватили его за шиворот и толкали вон. Другие, вскочив на скамьи, кричали:

„Вне закона его!.. Вне закона!..

„Этот грозный крик, заставивший дрогнуть Робеспьера, заставил побледнеть и этого человека...

„Поднимается шум, крики ярости и негодования. По лестницам, ведущим в залу, раздаются мерные шаги солдат. Зрители бросаются к окнам. Народные представители все на ногах и кричат: „Да здравствует республика!..“ В храм законов врываются гренадеры с ружьями наперевес. Впереди генерал Леклерк.

„Генерал Леклерк, возвысив голос:

„Граждане представители! Больше мы не можем отвечать за безопасность Совета. Я предлагаю вам удалиться“.

„Опять начинаются крики: „Да здравствует республика!“ Офицер гренадеров Законодательного Корпуса вскакивает на председательское бюро:

„Граждане,—воскликает он,—уходите, генерал уже отдал приказание“.

„Продолжается самый невозможный шум. Представители остаются на местах. Офицер кричит: „Гренадеры, вперед“!.. Барабан бьет наступление. Гренадеры выстраиваются среди залы. Генерал Леклерк отдает приказание очистить залу; приказание выполняется под гром барабанов, заглушающих крики негодования и протесты депутатов“...

В то время, как члены Совета Пятисот, выгнанные из залы, спешили в Париж поднять, если еще не поздно, народ на ноги, двадцать пять или двадцать шесть оставшихся изменников вошли с наступлением ночи в зал, под предводительством Люсьена Бонапарта, соучастника другого Бонапарта, и издали знаменитый декрет, которым Директория упразднялась, шестьдесят один член Совета Пятисот исключался из числа членов этого Совета, исполнительная власть вручалась Спэсу, Рожеру Дюко и Бонапарту—„генералу“, при чем все трое получали название „Консулов“, заседания Законодательного Корпуса откладывались на три месяца и назначались две законодательные комиссии из двадцати пяти членов каждая, на которые возлагались верховный полицейский надзор и пересмотр конституции.

Совет Старейшин, который оставался в прежнем же составе, разумеется, все это принял. Народ не двинулся, потому что ему не было никакого интереса охранять конституцию 1793 года, и вся нация на шестнадцать лет попала в руки тирана...

(Эркман-Шатриан. «История одного крестьянина»).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Революционная Франция 30-х гг.

ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830 г.

Утром 25 июля в „Монитер“ появились знаменитые ордонансы ¹⁾ Карла X-го. Бланки ²⁾ тотчас же пошел в редакцию „Глоб“, где были уже в сборе все редакторы. Весь дом был в тревоге и волнении. Бланки читает ордонансы, угадывает развязку событий и говорит: „На этой же неделе все будет кончено ружейными выстрелами“... На другой день в редакции происходит новое собрание... Бланки приглашает товарищей образовать революционный комитет, но они предпочитают ждать событий и расстаются с опасным помощником: „Оружие решит дело“,—говорит он, уходя—„что касается меня, я беру ружье и надеваю трехцветную кокарду“.—„Милостивый государь!—кричит вдогонку ему Кузен,—у Франции белое знамя!“ Но Бланки уже далеко, он бежит на Гревскую площадь, видит трехцветное знамя на Соборе Богоматери и исчезает в облаках ружейного дыма и сумятицы трех дней, получивших наименование „трех славных дней“...

В саду Пале-Рояля 27 июля все нарасхват читают газеты; молодые люди вскакивают на скамейки с юношеской уверенностью, что им придется повторить историю Камилла Демулена, но является вооруженная сила и разгоняет собрание... Происходит безрассудная перестрелка; вслед за ней в госпитали Шарите приносят трупы. При виде трупов скрытое недовольство толпы переходит в ярость, в желание мести... Вечером приходят гвардейские полки из Курвуа, Рюэля и Версаля; на площади Каррусель появляется артиллерия. Вызывающий образ действий прави-

¹⁾ Одним ордонансом короля распускалась палата, другим—уничтожалась свобода печати, третьим—изменялся избирательный закон.

²⁾ Луи-Огюст Бланки (1805—1881), сын члена Конвента, социалист, участник и организатор ряда тайных обществ и попыток к восстанию (1834 и 1839 гг.). Считая, что: «Социалистический строй фатально родится из всеобщего обучения и только из него»,—он видел до тех пор единственный выход в диктатуре сознательного меньшинства нации; путь к этой диктатуре—в организации заговора и восстании.—Преследуемый правительством на протяжении всей своей жизни, он, в общей сложности, провел в тюрьмах—30 лет.

тельства раздражает толпу. Прохожие нападают на патрули, врываются в оружейные лавки, берут ружья и порох и, чтобы воспрепятствовать движению кавалерии, загораживают улицы бревнами и веревками. Кроме того, толпа разбивает три тысячи уличных фонарей. Тем не менее, Париж ложится спать и спит.

28-го он подымается чуть свет и, едва открывши глаза, кричит: „Да здравствует хартия! Долой ордоанасы!“ Он не знает еще, что даст ему революция, но идет совершать ее. Сначала уберут Карла X, а затем решат, что делать дальше...

29-го июля во всем Париже в руках королевской власти остаются только роскошные декорации ее векового могущества: солдаты Карла X удерживают еще за собой Лувр, Тюльери и Пале-Рояль. Командующий войсками об'являет прекращение военных действий, но это об'явление происходит без всякой торжественности, почти при закрытых дверях. Ему приходится раздавать через офицеров рукописные извещения о том, что он складывает оружие, первым рядам инсургентов, окруживших плотным кольцом утомленные полки...

В заключение, министров Карла X отвозят в Венсенскую тюрьму... Революционная армия завлечена в Рамбулье, в погоню за вчерашним королем, пока в Париже фабрикуется завтрашний король, король-гражданин, Луи-Филипп, который займет трон Карла X и, в конце концов, по Сене медленно плывет, нагруженный трупами, баркас... Над погребальным баркасом тихо развевается черное знамя...

Вечером в последний день революции, в салоне г-жи Монгольфье собралось несколько человек. Разговор не вязался; они подолгу молчали, подходили к окнам, прислушивались к уличному шуму. Вдруг на лестнице послышались шаги, и в комнату вошел инсургент Бланки, после последнего выстрела, решившего победу. Рот и руки у него были совершенно черные от порохового дыма... Он останавливается на пороге и роняет ружье. Приклад тяжело ударяется о паркет, а ствол и шомпол издают звенящий звук и как-бы поют. И эти звуки и жест гармонизируют с первыми ироническими словами, раздавшимися в комнате: „Погибшие романтики!“ восклицает Бланки и в его возгласе выливается вся его политическая ненависть...

...Но вот наступает следующий день после революции. Вчерашние борцы, засыпавшие возбужденными только что пережитым боем и грезившие всю ночь геройскими схватками, просыпаются на утро оцепеневшими от изумления, пронесшимися как вихрь, событиями... Восторженные мечтатели, бегавшие накануне по улицам и оглашавшие воздух криками надежды и торжества, ошеломлены победой, утомлены движением. Их мысль не работает от физической усталости и нравственного переутомления... Энергия уходит на размышления, воля бездействует, актеры превращаются в зрителей. Они убеждены, что пьеса разыграна ими до конца, между тем как в действительности они участвовали только в ее прологе. На смену им явится другая труппа, стоявшая в стороне во время боя, которую поощряет упадок энергии у борцов. Новые пришельцы принимаются водворять барядок, ставят почти все на прежние места, изменив лишь прежние этикетки. Революцию ликвидируют люди осторож-

ные, тонкие, догадливые и боязливые, судебные пристава, нотариусы, адвокаты, вообще люди деловые. Они обладают врожденной способностью к управлению, они знают наилучшие системы государственного устройства и все действующие силы; им известны осмотрительные ходы и полезные компромиссы и, самое главное, они никогда не забывают, что следует воздерживаться от всяких изменений в обычном ходе вещей и судьбе человечества... После того, как кончается ружейная пальба и троны оказываются опрокинутыми, они, а никто иной, успокаивают общество своими воззваниями и декретами, которые охотно прочитываются вчерашними борцами, превратившимися в уличных фланеров...

(Г. Жоффруа—«Бланки»).

30 ИЮЛЯ 1830 г. ПАРИЖ.

. Ты полагал
Народ унизить под ярмом,
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей,—
Провозгласил он твой конец.
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой.
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой,—
И звук один наполнил слух,
И брызнула в Париже кровь.
О, чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан?..

(М. Ю. Лермонтов).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВСПЫШКА В ПАРИЖЕ В 1832 г.

У предместья св. Антония были еще и другие причины волноваться: на нем отражались коммерческие кризисы, банкротства, забастовки, безработица...

Весною 1832 г., хотя холера уже три месяца как леденила взволнованные умы и набросила на них какое-то мрачное успокоение, Париж давно был готов ко взрыву. Как мы говорили, большой город похож на пушку; когда она заряжена, достаточно одной искры, чтобы раздался выстрел. В июне 1832 г. искрой оказалась смерть генерала Ламарка ¹⁾...

Смерть его, которую и ранее предвидели, внушала опасения и народу, который видел в ней утрату, и правительству, видевшему в ней удобный случай для манифестаций...

Итак, 5 июня, в день, когда—то светило солнце, то шел дождь, похоронная процессия генерала Ламарка проследовала по Парижу с официальной воинской пышностью, усиленной принятыми предосторожностями. Два батальона с барабанами, обтянутыми крепом, с обращенными дулом книзу ружьями, десять тысяч национальных гвардейцев.

¹⁾ Генерал Ламарк—член палаты, стоявший в оппозиции правительству.

с саблями на боку, артиллерийские батареи национальной гвардии конвоировали гроб...

Около Бастилии длинные вереницы опасных любопытных, шедших из Сент-Антуанского предместья, присоединились к процессии, и грозное волнение начало овладевать толпою.

Колесница миновала Бастилию, проследовала вдоль канала, переправляясь через маленький мост и достигла Эспланады Аустерлицкого моста. Там она остановилась. Вокруг колесницы народ расступился. Громадная толпа стихла. Лафайет ¹⁾ начал речь: он прощался с Ламарком. Вдруг появился человек верхом на коне, весь в черном и с красным знаменем в руках, другие говорят, с пикой, увенчанной красным колпаком. Лафайет отвернулся. Это красное знамя подняло бурю и исчезло в ней. От бульвара Бурдон до Аустерлицкого моста крик, похожий на ропот морской волны, потряс толпу:—Ламарка в Пантеон!..

Между тем на левом берегу Сены муниципальная кавалерия тронулась с места и загородила мост. Драгуны двигались шагом, молча, с пистолетами в кобурах, с саблями в ножнах, с выражением мрачного ожидания на лицах.

В один миг драгуны и толпа сошлись...

Буря разразилась; полетели камни, началась перестрелка, множество народа сбегало вниз с берега и перебравшись через рукав Сены; колья вырываются из земли, стреляют из пистолетов, начинают воздвигать баррикаду, молодые люди, отесненные назад, бегом переходят Аустерлицкий мост вместе с похоронными дрогами и атакуют национальную гвардию; появляются карабинеры, драгуны пускают в ход сабли, толпа разбегается во все стороны, воинственный клич поднимается на четырех концах Парижа; кричат: к оружию! Бегут, толкаются, кто спасается бегством, кто дерется. Гнев раздувает мятеж, как ветер раздувает огонь.

Четверти часа не прошло, как почти одновременно в двадцати различных пунктах Парижа бушевала толпа.

Итак, устройство баррикад было закончено, ружья заряжены, часовые расставлены. В уединении страшных улиц, где больше никто не проходил, окруженные немими и как бы мертвыми домами, среди темноты и безмолвия, мятежники, вооруженные, решительные, спокойные, стали выжидать. Они не разговаривали; они прислушивались, стараясь уловить даже самые глухие и отдаленные звуки.

Вдруг среди этого зловещего спокойствия послышался свежий, молодой, веселый голос, доносившийся, как казалось, с улицы Сен-Дени и отчетливо певший на старинный народный мотив стихи, которые оканчивались криком, похожим на пение петуха:

¹⁾ Генерал Лафайет в 1776—84 г.г. сражался за свободу американских колоний во главе отряда французских добровольцев. В 1789 г. был членом Генеральных штатов; с 1789 по 1791 г.г. — начальником национальной гвардии. В июльские дни 1830 г., взяв на себя командование национальной гвардией — способствовал Луи-Филиппу занять «освободившийся» престол.

Мой нос облит слезами,
О, милый друг Бюжо ¹⁾,
Пошли своих жандармов,
Я им скажу словцо.

Вот синие шинели,
Султаны в киверах,
Сам пригород явился,
Кукареку!

— Это Гаврош,—сказал Анжольра.

— Он подает нам сигнал,—заметил Комбефер.

Поспешные шаги нарушили тишину пустынной улицы; существо, ловчее клоуна, вскарабкалось по omnibusу, и внутрь баррикады соскочил Гаврош; он еле переводил дух и говорил:

— Мое оружие! Они идут.

Электрическая дрожь пробежала по всей баррикаде, слышно было, как руки искали ружей.

— Хочешь мой карабин?—спросил Анжольра у мальчика.

— Я хочу большое ружье,—ответил Гаврош и взял ружье Жавера.

Все заняли свои боевые места...

Прошло несколько секунд, затем отчетливо послышался размеренный, тяжелый шум многочисленных шагов. Этот шум, вначале слабый, постепенно все усиливался с спокойной и грозной непрерывностью. Только это и было слышно. Он подходил все ближе и ближе и, наконец, остановился. Казалось, что на конце улицы слышится дыхание множества людей; однако, никого не было видно. Только в недрах этого густого мрака сверкало множество металлических нитей, тонких как иглы и почти не-приметных. Это были штыки и дула ружей, слабо освещенные отдаленным отблеском факела.

Наступила полная тишина, как будто обе стороны чего-то ждали. Вдруг из недр этого мрака послышался голос, казавшийся еще более зловещим, так как никого не было видно.

— Кто идет?

Одновременно с этим окриком послышался стук опускаемых ружей.

Анжольра ответил звучным и надменным голосом.

— Французская революция.

— Пли!—сказал голос.

Сверкнул огонь и на мгновение осветил все дома в улице.

Страшный залп раздался над баррикадой. Красное знамя упало. Залп был так силен и так густ, что древко было им срезано. Пули, отскочившие рикошетом от карнизов домов, проникли в баррикаду и ранили нескольких людей.

— Товарищи,—закричал Курфейрак—побережем порох Подождем отвечать на их выстрелы, пусть они сначала все войдут в улицу.

— А прежде всего,—заметил Анжольра—поднимем знамя.

Он поднял знамя, упавшее как раз к его ногам.

Извне слышен был стук шомполов в ружьях; войско готовилось дать второй залп.

¹⁾ Маркиз Бюжо, бригадный генерал, один из усмирителей восстания.

— Кто здесь смельчак? Кто водрузит снова знамя на баррикаде?

Никто не отвечал. Влезть на баррикаду в тот миг, когда она, без сомнения, служила мишенью для ружей,—значило идти на верную смерть. Сам Анжольра содрогнулся. Он повторил:

— Никто не хочет?

В ту минуту, как Анжольра повторил свой вопрос, старик показался на пороге кабачка.

При его появлении вся баррикада заволновалась. Послышались крики:

— Это член Конвента! Это представитель народа!..

Он вырвал знамя из рук Анжольра, который стоял пораженный; с трясущейся головой, но твердыми шагами направился этот восьмидесятилетний старец к баррикаде и стал медленно подниматься по лестнице, сложенной из булыжника. По мере того, как старик подымался по ступеням, его белые волосы, старческое лицо, большой, лысый и покрытый морщинами лоб, впалые глаза, удивленный и раскрытый рот, его старческая рука, державшая красное знамя,—все это выступало из мрака и явственно обозначалось при кровавом свете факела. Казалось, что изпод земли выросло приведение 1793 года, со знаменем террора в руке.

Когда он поднялся на последнюю ступень, когда это дрожащее и страшное видение встало во весь рост на кучке обломков, имея перед собою тысячу невидимых ружей и, не дрогнув, глянуло в лицо смерти, точно оно было сильнее ее,—вся баррикада получила во мраке сверхъестественный и величественный облик. Воцарилось безмолвие...

Среди этого безмолвия старик махнул красным знаменем и закричал:

— Да здравствует революция! Да здравствует республика! Братство, равенство и смерть!..

Тот же звучный голос, который прокричал:—кто идет, закричал:

— Уйдите прочь!

Старик бледный, растерянный, с безумными глазами, поднял знамя над головой и повторил:

— Да здравствует республика!

— Пли!—сказал голос.

— Второй залп, точно стреляли картечью, разразился над баррикадой.

Старик опустился на колени, затем поднялся, выпустил из рук знамя и упал навзничь на мостовую, как пласт, с руками, сложенными крестом...

Анжольра нагнулся, поднял старика и с грустью поцеловал его в лоб; затем он развел ему руки и, обращаясь с трупом с такой нежной осторожностью, точно боялся причинить ему боль, снял с него окровавленный сюртук и показал всем со словами:

— Вот теперь наше знамя!

(В. Гюго.—«Отверженные»).

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ (1832 г.).

Париж, 7-го июня.

Вчера, когда я пришел на биржу, чтобы опустить в почтовый ящик мое письмо, там под колоннами, перед широкой биржевой лестницей, стояла вся толпа спекулянтов. Так как, только что перед тем, пришло известие, что поражение „патриотов“ достоверно, то на всех лицах плавало выражение сладчайшего довольства: можно было бы сказать, что вся биржа улыбалась. Под гром пушек фонды поднялись на десять су. Стреляли еще до пяти часов; в шесть часов вся попытка революции была уже подавлена. Таким образом газеты могли уже сегодня сообщить о ней столько назидательного, сколько считали нужным... Я только что вернулся с места вчерашней битвы, где убедился, как трудно было бы узнать всю истину. Дело в том, что это место—одна из самых больших и многолюднейших улиц Парижа, улица Сен-Мартен... На обоих концах улицы я слышал, что число бывших в ней патриотов, или, как их называют сегодня, „мятежников“, простиралось от пятисот до тысячи человек, по мере приближения к середине улицы, это число в показаниях все уменьшалось и, наконец, сократилось до пятидесяти.

Число линейных войск определить легче; вчера в Париже стояло под ружьем сорок тысяч. Если прибавить сюда по крайней мере двадцать тысяч национальной гвардии, то выходит, что вышеупомянутая горсть дралась против шестидесяти тысяч человек...

Национальная гвардия очень радуется своей победе. Вчера вечером опьяненные этой победой, они чуть-было не всадили и мне в тело самой нездоровой пули. Они геройски стреляли во всякого, кто только подходил слишком близко к их посту... Сегодня всюду опять пестрое движение и можно подумать, что ничего не произошло. Даже на улице Сен-Мартен все магазины открыты. Огромная толпа людей сует теперь из любопытства по этой улице. Пушечный гром разбил почти всюду в ней окна и везде виднеются свежие следы пуль...

Последствия этой неудавшейся революции можно заранее предвидеть. Более тысячи человек арестовано... Либеральные газеты запрещаются. Лавочничество ликует, эгоизм процветает и многие лучшие люди должны надеть траур. Теория устрашения потребует еще больше жертв...

Париж, 8 июня.

... На всех улицах штыки и бодрые лица военных. То, что Париж был об'явлен в осадном положении, я счел сначала за холостой выстрел. Говорили, что это об'явление будет сейчас же отменено. Но, когда я увидел вчера после обеда, что по улице Ришелье везут все больше и больше пушек, то понял, что поражением республиканцев хотят воспользоваться, чтобы расправиться с другими противниками правительства... Теперь эксплуатируют ошеломление своей победой национальной гвардии, которая принимала участие в насильственных мерах против республиканцев и которой Людовик Филипп опять по-товарищески жмет руку...

Да. Я слышал, как кричали: „Да здравствует король!“, когда он проезжал верхом по бульварам; но я видел также высокую фигуру, которая недалеко от предместья Монмартра смело выступила ему навстречу с криком: „Долой Людовика Филиппа!“ Несколько всадников из королевской свиты сейчас же соскочили с лошадей, схватили этого протестанта и потащили его за собой...

(Г. Гейне.—«Французские дела»).

ОБЩЕСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.

(Введение к статуту Общества.)

... При своем возникновении и, следовательно, задолго до образования настоящего Центрального Комитета, Общество прав человека и гражданина приняло, как выражение своих доктрин, декларацию прав, представленную Национальному Конвенту представителем народа Максимилианом Робеспьером.

Комитет присоединяется к этому принятию и прилагает эту декларацию прав к настоящему изложению, замечая, однако, что не считает этот документ вполне совершенным, по крайней мере, относительно редакции некоторых пунктов, будучи уверен, что известность людей, какова бы она ни была, не должна иметь никакого влияния на наши суждения, и что мы должны высказывать согласие с одними лишь принципами...

Каждый человек имеет право на сохранение своей жизни. Общество обязано об этом заботиться. Оно может облагать податями для общественных расходов лишь тех, кто имеет больше, чем необходимо; оно признает как собственность лишь ту долю имуществ, которую закон считает достаточным обеспечить за каждым, и необходимым пределом которой является безопасность, свобода и существование прочих граждан.

Первоначальный принцип предшествующих положений состоит в том, что владение естественными факторами, поддающимися разделению, таковы: почва и подпочва и орошающие ее воды, а также и владение всеми накопленными богатствами, есть лишь общественная уступка, которую закон может беспрепятственно изменять для наибольшей пользы всех.

Поддерживать противоположный принцип, считать, что право собственности предшествует закону, что последний бессилен по отношению к нему, одним словом, что это право, занимая место среди естественных прав, так же ненаруσιμο, как и они, — это значит не только поддерживать нелепость, но еще извращать все исторические и общественные факты.

Как! Чтобы нация, сложившаяся в политический союз, дошла в своем безумии, в своей глупости, в своем самозабвении до признания за незначительным меньшинством исключительного пользования орудиями труда!

Как! Чтобы она примирилась с тем, чтобы лишь с капризного дозволения владельцев можно было занимать землю, заранее присвоенную этим

меньшинством! Чтобы она своею силой оказала поддержку законам о давности, вымышленным и продиктованным этой горстью привилегированных! Останавливаться дольше на опровержении этой нелепой гипотезы—значило бы, поистине, надругаться над общественным здравым смыслом.

Если право собственности на естественные факторы и на произведенные предметы не предшествовало установлению общества, то оно вытекает лишь из самого общества, т. е. из закона; и это, действительно, признают и применяют ежедневно самые фанатичные защитники права собственности. Ибо их своды законов переполнены правилами относительно средств приобретения и владения; и изменения, происходящие в их законах относительно права наследников, достаточно свидетельствуют о признаваемой ими за собой свободе изменять право собственности.

Если собственность есть и может быть лишь уступкой закона, то скажем же, вместе с автором декларации прав, что то, что установил один закон, может уничтожить другой. А какую силу приобретет этот принцип, раз люди поймут, кем составлялись до сегодняшнего дня законы, как приобреталась собственность, какими нечистыми путями распределяются богатства!

Резюмируя вкратце, Центральный Комитет от имени Общества объявляет, что в своих трудах он ставит себе целью три последовательных и различных предмета.

1. Доказать, на свой страх и риск и под охраной общественной совести, что право образовывать ассоциации и заниматься политическими интересами не может быть больше оспариваемо у французских граждан.

2. Добиться всеми справедливыми и нравственными путями возвращения народу распоряжения своею самодержавной властью с тем, чтобы установить учреждения, основанные на справедливости и равенстве.

3. Указать на те учреждения, которые кажутся Комитету наиболее годными для обеспечения счастья народа, и вызвать, как относительно этих учреждений, так и относительно доктрин, из которых они вытекают, обсуждение, свободное от всякой ненужной пощады, оказываемой заблуждению и предрассудкам.

Общество призывает к содействию своему делу все существующие ассоциации, а также и всех граждан, которые считают, что все люди должны исполнять свой долг, и что разум нам дан для того, чтобы распознавать его и применять на деле; тех, которые чистосердечно и искренно ищут правды, справедливости и нравственности; тех, которые, заботясь о своем собственном счастье, понимают, что оно ни для кого не может существовать в таком общественном строе, где возмутительное неравенство условий потоками разливает пороки, порожденные праздным избытком, нищетой, унижением и чрезмерностью труда.

Общество рассчитывает преимущественно на тех из наших братьев, которые, будучи лишены всех политических прав, едва покровительствуемые гражданскими законами, созданными богатыми для богатых же, изнемогают под бременем труда и общественных тягостей, и на которых сама природа налагает обязанность вновь овладеть, хотя бы в пользу своих

детей, своими правами и своим достоинством людей и граждан. Этому-то бесчисленному классу и посвятило себя раньше всего Общество. Оно почти все вербовалось в среде этих классов. Наши ряды для них открыты, пусть же они войдут толпами, и уже одно их присутствие будет самым верным залогом наших побед. ¹⁾

За комитет председатель Г. Кавеньяк.

Секретарь Беррис-Фонтэнь.

(1833 г.).

(«Французские памфлетисты XIX века»).

Б Л А Н К И З М.

(Восстание в Париже в 1839 г.).

... Перемены, совершавшиеся в природе, с переходом от зимы к весне и от лета к осени, совпадали с медленной работой Бланки по организации Общества времен года, долженствовавшего заменить собою Общество Семей. Фазы, отмеченные в календаре, и перемены в природе служат рамкой для новой революционной организации. Группы заговорщиков делятся на Недели и Месяцы. Три Месяца образуют Время года и получают распоряжения от вождя, который называется Весною. В Месяце четыре Недели, ими управляет Июль. Каждая Неделя состоит из шести членов, под руководством Воскресенья. Во главе Месяцев и Недель стояли четыре вождя, по числу времен года, но высшее руководство оставалось таким-же таинственным, как у карбонариев ²⁾. Представление новичков и их посвящение в члены общества обставлялось такой-же торжественностью, как в масонских ложах. Это был сокровеннейший заговор, тайная вербовка мятежной армии. Многие из тех, кто отправлялся ежедневно на свои обычные занятия и фланировал в праздничные дни по улицам, были вместе с тем вооруженными солдатами этой армии, готовой каждую минуту вступить в бой.

Ожидаемый сигнал к восстанию подаст своевременно Бланки, посланный из Парижа и живущий скромно в Жанси, в обществе жены и сына...

¹⁾ После июльской революции 1830 г., в Париже одно за другим начали возникать тайные общества. Первым по времени в эти годы было «Общество Друзей Народа», его вскоре сменило «Общество прав человека и гражданина»; как в том, так и в другом руководителем являлся Годефруа Кавеньяк.

В 1834 г., после попытки восстания в Париже и Лионе, жестоко подавленной правительством Луи-Филиппа, большинство членов «Общества прав человека» было арестовано. Вместо него начало функционировать «Общество семей», вождями которого были Бланки и Барбес. В 1839 г. Бланки организовал на место распавшегося «Общества Семей» — «Общество Времен Года». В идейном отношении все эти перечисленные общества в общем были аналогичны.

²⁾ Карбонарии, — тайное политическое общество, — организовалось в Италии в начале XIX в. и существовало до 30-х гг. Члены его являлись организаторами или участниками революционных восстаний и политических убийств той эпохи. В 20-х гг. «венты» (ложы) карбонариев появились и во Франции.

По возвращении из Жанси, в начале 1839 года, Бланки застал кадры революционной армии совершенно готовыми к бою. Порох закупали небольшими партиями, чтобы не возбуждать подозрений полиции, патроны заготавливали собственными усилиями. Не доставало, правда, оружия, но его решено было взять в день битвы в оружейных лавках. Восстание было назначено на воскресенье, 12-го мая. Бланки думал, что в праздничный день легче напасть на префектуру... Около тысячи человек, на которых он рассчитывал, чтобы начать дело, должны были собраться между улицами Сен-Дени и Сен-Мартен, в задних помещениях винных лавок и по квартирам рабочих, по близости к оружейному магазину Лепаж, в улице Бурж-Л'Аббэ.

Сам Бланки появился около полудня в кафе, на углу улиц Мандар и Моноргейль и объяснил в коротких словах собравшимся членам организации цель восстания. Он разделил это первое войско на несколько отрядов, назначил второе свидание в кафе улицы Бурж-Л'Аббэ, пошел осмотреть местность у префектуры, возвратился и привязал красное знамя к дулу своего пистолета. Все вышли и направились по соседним улицам с криками: „К оружию! К оружию!“ Толпа ворвалась в магазин Лепаж, выломав предварительно двери. Бланки и Барбес начали раздавать ружья, стоя в окнах нижнего этажа, в то время как другие вскрывали ящики с патронами... Три небольших отряда двинулись, наконец, в путь под предводительством Бланки, Мартэна, Бернара и Барбеса, с пением республиканских песен. Революционная армия появилась внезапно в центре Парижа, около трех часов пополудни, под яркими лучами весеннего солнца, среди веселой, праздничной толпы. Вокруг нее немедленно все смолкло и образовалась пустота. Колонна Барбеса остановилась перед гауптвахтой здания суда. Раздался первый выстрел, как всегда, совершенно неожиданно и неизвестно откуда. Когда начальник караула и глава инсургентов подошли близко друг к другу, началась общая перестрелка... Все смешалось в одну движущуюся массу, раздался крик и стоны, падали раненые и убитые солдаты, и инсургенты. Последние берут пост и продолжают свой путь... Три отряда образуют одну колонну и наступают на плохо охраняемую ратушу. Они берут ее или думают взять, то побеждают, то терпят поражение, то занимают здание, то выходят из него, то действуют решительно, то колеблются. Вокруг них раздается оглушительный треск барабанов, со всех сторон беспрерывно подходят войска.

Да и что же делать в ратуше после того, как составлены декреты, подписаны воззвания, выпущены прокламации, которых никто не хочет читать? Бланки назначен главнокомандующим; Барбес, Бернар, Киньо, Мейллар, Неттро—командующими дивизий республиканской армии. Но что же дальше? Несмотря на свое увлечение, инсургенты замечают, что население не примыкает к ним, что их окружает враждебность и индифферентизм, что им нечего, собственно, больше делать. Когда толпа остается любопытной зрительницей восстания, какое-бы геройское оно ни было, оно сразу замирает, подавляемое дисциплинированными войсками. Одержав кажущуюся победу около ратуши и как-бы захватив власть, вождям приходится думать, чем занять своих солдат, изумленных необы-

чайной тишиной. Они отправляются брать мерии и разоружать полицейские посты... Барбес падает раненый в голову. Его считают убитым. Небольшая кучка не в силах долее держаться и вынуждена отступить с Бланки под градом пуль, до улицы Бурж-Л'Аббэ. Барбеса арестуют при выходе из винной лавки, куда он зашел промыть и перевязать рану. Последняя баррикада в квартале Сен-Мерри взята... Все кончено. Восстание подавлено...

27 июля перед судом палаты пэров, заседавшей в Люксембурге, предстали первые девятнадцать инсургентов. В политическом отношении восстание связали с движением 1834 года, и в социальном—с заговором Бабефа в V году республики...

Бланки отказался от показаний и был приговорен к смертной казни. Однако, гильотина не была пущена в ход. Как Барбесу, так и Бланки заменили, в конце концов, смертную казнь пожизненным заключением. Мартена Бернара постигла та же участь.

(Г. Жеффруа—«Бланки»).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1848 г. и коммунизм.

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Призрак ходит по Европе, призрак коммунизма. Все силы старой Европы об'единились для священной травли этого призрака, папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Где оппозиционная партия, которую ее властвующие противники не прокричали бы, как коммунистическую; где оппозиционная партия, которая бы не бросила клеймящего упрека в коммунизме, как более передовым людям оппозиции, так и своим более реакционным противникам?

Два вывода вытекают из этого факта:

Коммунизм уже признается всеми европейскими силами.

Коммунистам давно пора перед целым светом открыто изложить свой образ мыслей, свои цели, свои стремления и противопоставить сказке о призраке коммунизма манифест самой партии...

I.

Буржуа и пролетарии.

История всего предшествующего общества—история борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой гражданин и подмастерье—словом, угнетатель и угнетаемый—находились друг с другом в постоянном противоречии, и вели непрерывную, то скрытую, то открытую борьбу, которая каждый раз кончалась или революционным переустройством всего общества, или совместною гибелью борющихся классов...

Современное буржуазное общество, вышедшее из гибели общества феодального, не положило конца классовым противоположностям. Оно лишь поставило новые классы, новые условия угнетения, новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что упростила классовые противоположности. Все общество более и более разде-

ляется на два больших, друг-другу противоречащих класса: буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средних веков вышли мещане первых городов; из этого мещанства развились первые элементы буржуазии...

Современная буржуазия является продуктом длинного хода развития, ряда переворотов в способах производства и обращения... Главная основа больших монархий вообще,—она, наконец, со времени создания крупной промышленности и мирового рынка, завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть — не более, как комитет, управляющий общественными делами всего буржуазного класса.

Буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль. Буржуазия там, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные и идиллические отношения. Она безжалостно разорвала пестрые феодальные связи, соединявшие человека с его естественными начальниками, и не оставила между человеком и человеком никакой другой связи, кроме голого интереса, бесчувственной „расплаты на наличные“... Она обратила личное достоинство в меновую ценность и на месте бесчисленных патентованных и благоприобретенных свобод поставила одну бессовестную свободу торговли...

Буржуазия сняла сияние святости со всех деятельностей, которые до тех пор пользовались почетом и на которые взирали с благочестивой боязнью.

Она превратила врача, юриста, священника, поэта, человека науки в своих платных наемных рабочих...

Буржуазия не может существовать без того, чтобы не производить постоянных революций в орудиях производства, следовательно и в производственных отношениях, следовательно и во всех общественных отношениях...

Потребность в постоянно расширяющемся сбыте своих продуктов гоняет буржуазию по всему земному шару. Повсюду должна она втираться, повсюду пристраиваться, повсюду заводить отношения...

В той же мере, в какой развивается буржуазия, т.-е. капитал, в той же мере развивается пролетариат, класс современных рабочих, которые настолько живут, насколько находят работы, и настолько находят работы, насколько их работа увеличивает капитал. Эти рабочие должны продавать себя поштучно, они—товар, как всякий другой предмет торговли, и потому они равномерно подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка...

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием... С развитием промышленности пролетариат не только увеличивается, он сплавливается в большие массы,—сила его растет и он ее более чувствует... Рабочие начинают с того, что устраивают против буржуа стачки, они выступают сообща для отстаивания своей рабочей платы... Местами борьба прорывается мятежами.

Время от времени рабочие побеждают, но не надолго. Результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все более распростра-

няющееся об'единение рабочих... Но всякая классовая борьба — борьба политическая. И об'единение, для которого средневековым гражданам с их проселочными дорогами требовались столетия, осуществляется современными пролетариями с железными дорогами в немногие годы...

Буржуазия находится в постоянной борьбе: сначала с аристократией, потом — с частями самой буржуазии, интересы которой становятся в противоречие с прогрессом промышленности, постоянно с буржуазией всех других стран. Во всей своей борьбе она видит себя вынужденной апеллировать к пролетариату, прибегать к его помощи и, таким образом, втягивает его в политическое движение. Таким образом, она дает пролетариату свои собственные образовательные элементы, — т.-е. оружие против себя самой...

Из всех классов, которые и ныне противостоят буржуазии, только пролетариат — истинно революционный класс. Остальные классы приходят в упадок и гибнут вместе с развитием крупной промышленности; пролетариат же — ее специальный продукт...

Все предыдущие движения были движениями меньшинства или в интересах меньшинства. Пролетарское движение является самостоятельным движением огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат — низший слой современного общества — не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы вся надстройка слоев, образующих официальное общество, не была взорвана на воздух.

Если не по содержанию, то по форме, борьба пролетариата против буржуазии сначала национальна: пролетариат каждой страны, естественно, должен покончить сначала со своей собственной буржуазией...

Прогресс промышленности, безвольным и неспособным к сопротивлению носителем которого является буржуазия, ставит на место изолированности рабочих, вследствие конкуренции, их революционное об'единение при посредстве ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности, из-под ног буржуазии вытягивается та самая основа, на которой она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своего собственного могильщика. Ее падение и победа пролетариата одинаково неизбежны.

II.

Пролетарии и коммунисты.

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не составляют особой партии, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет интересов отдельных от всего пролетариата.

Они не выставляют особых принципов, по которым они желали бы формировать пролетарское движение...

Ближайшая цель коммунистов та же, как и всех остальных пролетарских партий: организация пролетариата в класс, свержение господства буржуазии, завоевание политической власти пролетариатом.

Теоретические положения коммунистов никоим образом не основываются на идеях, на принципах, выдуманных или изобретенных тем или другим мироисправителем, они лишь общие выражения фактических отношений существующей классовой борьбы, исторического движения, происходящего на наших глазах. Устранение имущественных отношений не есть что-нибудь определяющее специально коммунизм.

Все имущественные отношения подвергались исторической смене, постоянному историческому изменению.

Французская революция, например, отменила феодальную собственность в пользу буржуазной.

То, что выделяет коммунизм, это—не устранение собственности вообще, но—устранение буржуазной собственности.

Современная же буржуазная собственность является последним и самым полным выражением производства и присвоения продуктов, которое основывается на классовых противоположностях, на эксплуатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут свести свою теорию к одному выражению: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекают, что мы хотели бы отменить лично приобретенную, лично заработанную собственность, собственность, которая составляет основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности.

Заработанная, приобретенная, заслуженная собственность! Вы говорите о мелко-буржуазной, мелко-крестьянской собственности, предшествовавшей собственности буржуазной? Нам нет надобности уничтожать ее, развитие промышленности уничтожило ее и уничтожает ее ежедневно.

Или вы говорите о современной буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд пролетария создает ему собственность? Ни в коем случае. Этот труд создает капитал, т. е. собственность, которая эксплуатирует наемный труд, которая может увеличиваться только при условии, что она создаст новый наемный труд, чтобы его снова эксплуатировать. Собственность, при ее современной форме, движется в противоположности капитала и наемного труда...

В буржуазном обществе живой труд только средство увеличения накопленного труда. В коммунистическом обществе накопленный труд—только средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Итак, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом—настоящее господствует над прошлым. В буржуазном обществе капитал самостоятелен и безличен.

И уничтожение этого отношения буржуазия называет уничтожением личности и свободы. И она права. Здесь дело идет во всяком случае об уничтожении буржуазной личности, самостоятельности и свободы.

Под свободой внутри нынешних буржуазных производственных отношений понимают свободную торговлю, свободную куплю и продажу...

Вы возмущаетесь, что мы хотим уничтожить частную собственность? Но в вашем современном обществе частная собственность уничтожена

для девяти десятых его членов. Она существует, именно, как раз благодаря тому, что не существует для девяти десятых.

Итак, вы нас упрекаете в том, что мы хотим уничтожить собственность, которая предполагает, как необходимое условие—отсутствие собственности у огромного большинства общества.

Вы упрекаете, одним словом, нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность.

Это мы действительно хотим...

Коммунизм ни у кого не отнимает силы присваивать себе общественные продукты, он отнимает лишь силу поработать себе при посредстве этого присвоения чужой труд...

Все возражения, которые направляются против коммунистического способа присвоения и производства материальных продуктов, распространялись точно также на присвоение и производство духовных продуктов. Как уничтожение классового образования отождествляется с уничтожением образования вообще.

Образование, о потере которого сожалеют, — для огромного большинства—преобразование в машину.

Но не спорьте с нами, измеряя уничтожение буржуазной собственности своими буржуазными представлениями о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи—сами произведение буржуазных производственных и имущественных отношений, как ваше право,—лишь воля вашего класса, возведенная в закон,—воля, содержание которой дано в материальных жизненных условиях вашего класса.

Коммунистов упрекают далее, что они хотели бы уничтожить отечество, национальность.

У рабочих нет отечества. Нельзя у них взять то, чего у них нет...

Национальная обособленность и противоположности народов исчезают все более и более уже с развитием буржуазии, с свободой торговли, с мировым рынком, с однообразием промышленного производства и с соответствующими ему жизненными отношениями. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение... В той же мере, как будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожится и эксплуатация одной нации другой.

С падением противоположностей классов внутри нации падет и враждебное положение наций друг против друга.

Обвинения против коммунизма, поднимаемые вообще с религиозных, философских, идеологических точек зрения, не заслуживают более пространного рассмотрения.

Не требуется большой прозорливости, чтобы понять, что с жизненными отношениями людей, с их общественными связями, с их общественным бытием, изменяются и их представления, взгляды и понятия, одним словом—их сознание.

Что иное доказывает историю идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным. Господствующими идеями известного времени были всегда лишь идеи господствующего класса...

Коммунистическая революция является самым радикальным разрывом с традиционными имущественными отношениями; неудивительно, что

в ходе развития происходит самый радикальный разрыв с традиционными идеями...

Первым шагом в рабочей революции является возвышение пролетариата до господствующего класса—взятие с бою демократии.

Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы мало-по-малу отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного, как господствующий класс, и возможность скорее увеличить массу производительных сил. Это может произойти сначала, конечно, только при посредстве деспотических вторжений в право собственности, в буржуазные производственные отношения...

Политическая власть в собственном значении есть организованная власть одного класса для угнетения другого. Если пролетариат в борьбе с буржуазией неизбежно об'единяется в класс, при посредстве революции становится классом господствующим и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые производственные отношения, то, вместе с этими производственными отношениями, он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще и вместе с тем свое собственное господство, как класса.

Место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями заступает ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех...

Коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение против существующего общественного и политического порядка вещей.

Во всех движениях они выдвигают вперед вопрос о собственности, как основной вопрос движения, все равно принял ли он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду работают над соединением и соглашением демократических партий всех стран.

Коммунисты считают позором утаивать свои взгляды, они заявляют открыто, что их цели могут быть достигнуты лишь насильственным переворотом всего существующего общественного порядка.

Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариям в ней нечего терять, кроме своих цепей. Им предстоит приобрести мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! ¹⁾.

(Из «Манифеста Коммунистической партии». К. Маркса и Ф. Энгельса).

¹⁾ Манифест Коммунистической партии был написан Марксом и Энгельсом в течение декабря—января 1847—48 г.г., по поручению «Союза Коммунистов», международной рабочей организации, в основании которой Маркс и Энгельс принимали деятельное участие. Манифест должен был явиться «подробной теоретической и практической партийной программой». За несколько дней до февральской революции, рукопись Манифеста была отослана в Лондон для напечатания. Опубликование Манифеста совпало с мартовскими днями в Берлине.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Революция во Франции 1848 г.

ПРОГРАММА ЛУИ-БЛАНА.

Все люди—братья. Там, где нет равенства, свобода—ложь.

Общество существует, благодаря неравенству способностей и различию функций; но высшие способности не должны быть связаны с большими правами; они соответствуют большим обязанностям.

В этом состоит принцип равенства: ассоциация—необходимая его форма.

Конечную целью ассоциации является удовлетворение умственных, нравственных и материальных потребностей всех, через приложение и соревнование различных сил и способностей.

Рабочие были рабами, были крепостными, теперь они—наемники; необходимо довести их до положения членов ассоциации.

Этот результат может быть достигнут только действием демократической власти.

Истинно-демократической властью является та, которая имеет своим принципом верховенство народа, своим источником всеобщую подачу голосов и целью—осуществление формулы: Свобода, Равенство и Братство.

Правители в истинной демократии являются только уполномоченными народа: они должны быть ответственны и сменяемы.

Общественные функции не представляют отличий; они не должны составлять привилегии; они являются обязанностями.

Все граждане имеют равное право участвовать в выборе уполномоченных народа и в законодательной работе, но для того, чтобы это равенство права не было призрачным, всякая общественная должность должна быть оплачиваема.

Закон есть воля народа, формулированная его уполномоченными. Все должны повиноваться закону, но все имеют право открыто обсуждать закон, с целью изменить его в том случае, когда он оказывается плохим.

Свобода печати должна быть охраняема и поддерживаема, как гарантия против всевозможных заблуждений большинства и как орудие прогресса человеческого разума.

Образование граждан должно быть общим и бесплатным. Забота об этом лежит на государстве.

Каждый гражданин должен пройти школу солдата. Никто не может слагать с себя, откупаясь деньгами, обязанности содействовать защите своей страны.

Государство должно взять на себя инициативу промышленных реформ, способствующих проведению такой организации труда, которая вывела бы рабочих из положения наемников и привела бы их к положению членов ассоциации.

Кредит частных лиц должен быть заменен государственным кредитом. До освобождения пролетариата, государство должно служить банкиром для бедных.

Рабочий имеет такое же право, как и солдат, на признательность государства. Сильному и здоровому гражданину государство обязано дать работу, старому и слабому—помощь и покровительство.

(Программа газеты «Реформа», составленная Луи-Бланом).

ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ.

(24 февраля, 1848 г.).

В то время, как в Тюльери сменялись ад'ютанты, пока Молэ, занятый составлением нового кабинета, все еще не возвращался, пока Тьер старался составить свой, а король колебался, чтобы, наконец, назначить главнокомандующим Бюжо и затем не дать ему возможности проявить свою власть, восстание, как будто направляясь чьей-то единой рукой, грозно организовалось. Люди, с бешеным красноречием, говорили, перед толпами на углах улиц, другие били в набат в церквях, лили пули, заворачивали патроны; на бульварах выворачивались и опрокидывались деревья, писсуары, скамейки, решотки, газовые фонари—на утро Париж покрылся баррикадами. Впрочем, сопротивление длилось не долго, всюду вмешивалась национальная гвардия, так что к восьми часам народ завладел уже пятью казармами, почти всеми мэриями, самыми надежными стратегическими пунктами. Сама собой, без всякого толчка, монархия дробилась и разлагалась...

При входе на площадь Фредерик принужден был остановиться. Вооруженные группы загрохотали ей. Пехота заняла улицы Сен-Тома и Фроманто. Громадная баррикада перегораживала улицу Валуа. Дым, клубившийся над ее гребнем, рассеялся; видно было, как по ней бегали люди, широко размахивая руками; потом они скрылись, и возобновились ружейные залпы. Охрана отвечала, но там никого не было видно; в дубовых ставнях, закрывавших окна дворца Пале-Рояль, были просверлены бойницы; двухэтажное здание, со своими двумя флигелями, с бассейном

в первом этаже и с маленькой дверцей посредине, уже начало пестреть белыми пятнышками от попадания пуль. Но крыльцо с тремя ступеньками оставалось пустым.

Около Фредерика какой-то человек в фригийском колпаке, с лядуной поверх вязаной фуфайки, препирался с женщиной в пестрой косынке. Она говорила ему:

— Да пойдем же, пойдем.

— Оставь меня в покое,—отвечал муж.—Ты и одна справишься за привратника. Гражданин, ну, скажите, ради бога, разве это справедливо? Я всегда исполнял свой долг—и в 30 году, и в 32, и в 34, и в 39. ¹⁾ Нынче дерутся, нужно драться и мне. Убирайся...

Отряд пехотинцев исчез и муниципальные гвардейцы продолжали одни защищать пост. Волна отчаянных голов хлынула к крыльцу; ее уложили на месте; на сцену ей явились другие; дверь, потрясаемая неистовыми ударами, трещала, но гвардейцы не уступали, тогда притащили коляску, набитую сеном и пылавшую, как гигантский костер. Быстро были принесены вязанки хвороста, соломы, боченок со спиртом. Пламя поднялось вверх по поверхности камней; все здание задымилось, точно вулкан; широкие языки пламени вырывались наверх, сквозь отверстия в балюстраде террасы с пронзительным воем. Первый этаж Пале-Рояля был быстро занят национальными гвардейцами. Стреляли из всех окон, выходивших на площадь, пули свистали, вода, хлынувшая из бассейна, смешивалась с кровью, образовывая лужи; скользили по грязи, спотыкались об одежду, кивера, оружие.

Фредерик пошатнулся,—к нему на плечо упал с хрипом мужчина, которому пуля попала в поясницу. От выстрела, который, быть может, был направлен в него самого, он пришел в ярость и ринулся вперед, но в тот же момент национальный гвардеец остановил его.

— Бесполезно! Король только что бежал. Если не верите, подите и убедитесь сами...

Двери дворца были открыты, прислуга, стоя на пороге, свободно пропускала всех...

(Г. Флобер.—«Воспитание чувства»).

ПРЕДАТЕЛЬСТВО БУРЖУАЗИИ.

Спустив приклады ружей на пол, мы стали терпеливо ждать, что будет. Один из тех, которые последовали за нами из тюльерийского дворца, был без рубашки и в потертой, открытой на груди, блузе. На него-то особенно поглядывал Гарнье-Паже и потом на меня, так как кровь не переставала течь по моему подбородку... Спустя несколько минут, писавший по левую руку сказал ему что-то вполголоса; тогда он поднял руку, а все присутствующие принялись кричать:

— Тише!.. Тише!.. Слушайте!

Говорившие речи сошли вниз,—вся зала смолкла.

¹⁾ В 1834 и 1839 г.г.—попытки восстания в Париже, организованные тайными революционными обществами.

Гарнье-Паже начал читать бумагу, поданную его товарищем. Я помню, что она начиналась словами:

„Король Луи-Филипп отказывается от престола“... Но не успел он кончить этой фразы, как со всех сторон поднялись крики:

— Нет!.. Неправда!.. Он не отказывается!.. Его прогнали!

Гарнье-Паже побледнел еще больше; он делал знаки замолчать, но шум мог уняться не сразу.

Наконец, когда сделалось немного тише, Эммануэль закричал ему прямо в лицо:

— Нам нужны гарантии!

Это сильно его озадачило. Все навестило внимание.

— Какие гарантии?—спросил он.

— Провозгласите республику!—повторил Эммануэль.

— Но какую же республику?—допрашивал Гарнье-Паже:—с избирательной или законодательной властью?..

Я понял, что Гарнье-Паже был довольно тонкий и увертливый человек, знавший, что народ еще не имел времени уяснить себе своих требований. Эммануэль смеялся, но кто-то другой крикнул за него сзади.

— Все равно! Мы подумаем после... Все-таки об'явите республику, остальное не трудно будет устроить!

За ним все подхватили:

— Да... Да... республику!..

Гарнье-Паже притворился, будто слушает весь этот гам, но я видел ясно, что он только обдумывает, как бы выйти из своего затруднительного положения. Наконец, он поднял руку и, когда все смолкли, сказал грустным голосом:

— Господа, вы сами понимаете, что в такой суматохе ровно ничего нельзя сделать. Я приглашу господ секретарей идти со мной в смежную комнату, и, когда наше решение будет окончено, мы возвратимся прочесть его вам.

В то же время, не дожидая ответа, он встал вместе с двумя своими товарищами... Человек без рубашки сказал мне на ухо:

— Он изменяет... Не застрелить ли его?..

— Не нужно, ведь это Гарнье-Паже.

Все заговорили о Гарнье-Паже, который ушел в другую комнату со своими секретарями. Дверь за ними захлопнулась; я думаю, эти господа от души хохотали, что могли сыграть с нами такую штуку, а мы стояли в зале ни дать, ни взять—как стадо баранов... ¹⁾

(Эркман-Шатриан—«Воспоминания пролетария»).

¹⁾ Гарнье-Паже—мэр Парижа, избранный 24-го февраля, на другой день после свержения монархии. Выставляя себя сторонником радикальной партии, он, в действительности, являлся одним из наиболее реакционных политиков 1848 г. В рассказе Эркмана-Шатриана взят момент, когда Гарнье-Паже приехал в Ратушу с намерением провозгласить регентство герцогини Орлеанской, по поручению главы министерства Луи Филиппа—Одилона Барро. Это ему не удалось и он посылает извещение своему патрону: «Известные вам безумцы провозгласили республику. Не позволяйте герцогине Орлеанской показываться перед публикой. Минута не благоприятна для нее».

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

К временному правительству.

С глубокой скорбью прочли сражающиеся республиканцы прокламацию временного правительства, восстанавливающую галльского петуха и трехцветное знамя.

Трехцветное знамя, освященное Людовиком XVI, прославленное первой Республикой и Империей, было обещано Людовиком-Филиппом.

Мы не живем к тому же ни во времена Империи, ни во времена первой Республики.

На баррикадах 1848 года народ водрузил красное знамя.

Пускай не пробуют его бесчестить.

Оно красно от той благородной крови, которая была пролита народом и национальной гвардией.

Оно ярко развевается над Парижем, оно должно быть сохранено.

Победоносный народ не позволит спустить своего флага. ¹⁾

(Прокламация Бланки).

„ПРАВО НА ТРУД“.

Прошло около часа с тех пор, как исчезла толпа с красным знаменем, когда вдруг Гревская площадь, с минуту совершенно опустевшая, снова наполнилась шумом и волнением. Гонимые какой-то новой грозой, новые волны народа наводнили ее со всех сторон, с тревожным рокотом и гулом. Правительство поняло, что ему угрожает новая опасность; но не успело оно сообразить, что бы это такое могло быть, как дверь Совета с шумом распахнулась. Вошел человек с ружьем в руках, с бледным, искаженным лицом, с губами, дрожащими от гнева. Он смело подошел к столу, где происходили прения и, стукнув прикладом по паркету, молча указал на Гревскую площадь. Протяжный крик вырвался в этот момент из толпы и придал угрожающее значение этому молчаливому жесту. Все молчали. Выразительное лицо рабочего, его осанка, высокомерный вызов, выразившийся во всей его фигуре, поразили всех и вызвали невольное уважение даже у тех, которым его появление казалось личным оскорблением. Несколько рабочих, вошедших вслед за ним, молча стали сзади. В этом выжидательном молчании, в этом сдерживаемом волнении было что-то торжественное. Наконец, рабочий прервал молчание. Твердым, почти повелительным голосом он заявил, что пришел от имени

¹⁾ 25 февраля победивший пролетариат требовал признания Красного Знамени—знаменем Французской республики. Но Временное правительство, видевшее в нем знамя социальной революции,—отказалось признать его. Ламартин, известный поэт и член Временного правительства, сумевший приобрести популярность в массах своим ораторским искусством,—одурачил парижских рабочих пышными фразами, он противопоставил: «Красное Знамя, обходящее Марсово поле и влачащееся в народной крови, трехцветному знамени, обходящему весь мир и носящему повсюду имя и славу родины».—При криках: «Да здравствует республика!» было поднято трехцветное знамя и спущено красное.

народа требовать немедленного признания и провозглашения „праза на труд“.

— Граждане,—говорил он,—вот уже 24 часа, как революция кончена, а народ все еще ждет ее результатов. Он посылает меня сказать вам, что не потерпит дальнейших отсрочек. Он требует права на труд сейчас же.

Говоря это, Марш—так звали народного оратора—устремил на Ламартина ¹⁾ свои большие, блестящие отвагой глаза, вероятно, чтобы дать ему понять, что он подозревает его еще более, чем остальных в измене народному делу.

Ламартин это понял. Подойдя к рабочему, он попытался покорить его искусными ораторскими приемами; но едва он начал свою речь, как Марш прервал его:

— Довольно этих фраз,—воскликнул он насмешливо,—довольно поэзии! Народ не хочет их больше. Он господин, и он приказывает вам немедленно провозгласить право на труд.

Тогда Ламартин возразил надменным тоном:

— Пусть мои товарищи сделают все, что они сочтут полезным по данному вопросу; что касается до меня, то я заявляю, что если бы вы поставили меня перед пушками, заряженными картечью, вон там, под нашими окнами, я все же не подписал бы декрета, которого не могу понять.

Потом, понизив голос и слегка смягчая тон, он положил свою руку на плечо рабочего, чтобы лучше овладеть его вниманием. Вполне соглашаясь с ним, что желание народа является законным и должно быть принято в расчет, Ламартин вновь попытался его убедить. Он красноречиво обрисовал ему критическое положение правительства, вынужденного среди тысячи забот сразу удовлетворять всем нуждам; он указал ему на опасность, угрожающую республике, на ее врагов, стоящих у дверей; он настаивал на том, что такая сложная задача, как право на труд, не может быть решена без содействия и обсуждения всех компетентных людей, всех просвещенных республиканцев, которым верит народ. По мере того, как Ламартин, все более и более успокаиваясь, развивал свою мысль, Марш, сбивый с позиции, колеблющийся, невольно растроганный, повернулся посоветоваться с пришедшими вместе с ним делегатами. Эти последние, люди доверчивые и искренние... убеждали друг друга жестами и взглядами не настаивать более. Марш их понял.

— Хорошо!—воскликнул он,—мы подождем. Мы будем верить нашему правительству, раз оно верит нам; народ будет ждать; он отдаст три месяца нищеты на служение республике.

(Давидэль Стерн.—История революции 1849 г. Том I-ый).

¹⁾ Историк революции 1848 г. Ш. Робен так характеризует Ламартина: «он конспирировал со всеми и против всех партий, он появлялся во всех лагерях и не остался нигде, он сражался под всеми знаменами и никогда не имел своего знамени».

Французская Республика.

Париж, 25 февраля, 1848 г.

Правительство Французской республики обязуется гарантировать трудом существование рабочего.

Оно обязуется гарантировать труд всем гражданам.

Оно признает, что рабочие могут создавать между собой союзы для получения законной прибыли от своего труда.

Временное правительство возвращает рабочим, по принадлежности, миллион франков, оставшийся от гражданского листа. ¹⁾

Луи Блан.
Секретарь Временного
Правительства.

Гарнье-Паже.
Мэр Парижа.

ДЕКРЕТ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ.

Февраля, 28.

Французская Республика.

Свобода, равенство и братство.

Рабочие!

Решением от 28 сего февраля 1848 г. министр общественных работ предписал немедленно закончить те общественные работы, которые уже начались.

Со среды, 1 марта, будут организованы в различных местах работы большой важности.

Все рабочие, желающие принять в них участие, должны явиться к одному из мэров Парижа, который примет их заявление и немедленно направит в мастерские.

Рабочие Парижа!

Вы желаете добиться трудом достойного существования. Будьте уверены, что все усилия Временного Правительства направлены на помощь вам в этом направлении.

Республика ждет, Республика имеет право ждать, что патриотизм всех граждан заставит их последовать ее примеру. Таким образом увеличится количество полезного труда.

Итак, пусть работы будут возобновлены повсюду. Рабочие! После победы—труд. Вот еще один прекрасный пример, какой вы можете дать миру, и вы его дадите.

Министр общественных работ Мари.

¹⁾ Декрет был написан Луи Блавом, в присутствии рабочей депутации, при оппозиции всего Врем. правительства.

ИЗНАНКА ДЕКРЕТА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ.

... Г. Мари сказал мне ¹⁾, что окончательной целью правительства было лишь допустить это опыт ²⁾, что сам по себе он будет иметь хороший результат, так как докажет рабочим всю пустоту и вздорность этих неприменимых к жизни теорий и заставит их на себе испытать их разрушительные последствия. Просветившись, таким образом, на будущее время, они перестанут поклоняться г-ну Луи Блану, который потеряет весь свой престиж, всю свою силу и совершенно перестанет быть опасным.

23 марта г. Мари вызвал меня в Отель де Виль. После заседания правительства, я туда отправился и узнал, что открыт кредит в пять миллионов Национальным мастерским, и что впредь финансовые операции будут легче.

Г. Мари отозвал меня в сторону и шопотом спросил, могу ли я положиться на рабочих.

„Да, ответил я, но число их так увеличивается, что очень трудно иметь на них такое прямое влияние, какого бы мне хотелось“.

„Число не важно, сказал министр: если они в ваших руках, то оно не может быть слишком большим, лишь бы вы нашли путь действительно привязать их к себе. Не жалейте денег: если нужно будет, мы предоставим вам даже секретный фонд“.

„Я не думаю, чтоб это понадобилось; в будущем это может быть чревато серьезными осложнениями. Однако, какую цель, кроме общественного спокойствия, преследуют ваши советы?“

„Общественную безопасность. Считаете ли вы себя в состоянии вполне руководить вашими людьми? Возможно, что близок день, когда понадобится вывести их на улицу“.

„Вы будете судить об этом, г. министр“.

Г-н Мари, расставаясь со мною (28 марта), снова настаивал на необходимости иметь рабочих в полном распоряжении в определенный день. Он спросил, вооружены ли они, и сказал мне, что надо об этом позаботиться, и что, если нужно, он доставит мне средства для этого.

(Беседы Э. Тома с Мари. См. «Материалы по истории
рев. движ. на Западе 1848 г.»).

¹⁾ Эмилю Тома,—директору Национальных мастерских.

²⁾ Национальные мастерские.

НАЧАЛО ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ.

По приказу Исполнительной Комиссии, министр общественных работ подписал 21-го июня распоряжение, приглашавшее всех рабочих от 18 до 25 лет немедленно поступать в армию, или же быть готовыми отправиться в департаменты, которые им будут указаны, на землекопные работы, оплачиваемые сдельно.

При чтении распоряжения негодование разразилось в национальных мастерских... В тот же вечер на улице собираются кучки народа.

— Нас хотят послать умирать от лихорадки,—говорят между собой рабочие.— Под предлогом разработки такой земли, которая ничего не может производить, нас хотят обречь на денной заработок в 15 су; нас отправляют в ссылку; правительство решило уморить нас и разорить наши семьи... Мы не уедем...

22-го, в девять часов, от 1.200 до 1.500 рабочих национальных мастерских и корпораций, неся свои знамена, направляются к Пантеону. По дороге они встречают одного из своих лейтенантов, Пюжоля. Он их останавливает и говорит им, что следует идти вовсе не к Пантеону, а к месту нахождения правительства, к Люксембургу... Пюжоль становится во главе колонны и шествие снова движется...

Пюжоля, за которым следовало четыре делегата, выбранных среди рабочих, принял Мари.¹⁾

Пюжоль, введенный к Мари, принимает надменный тон:

— Гражданин,—говорит он,—до Февральской революции...

— Извините,—перебивает его Мари,—но, мне кажется, что вы забираетесь слишком далеко, помните, что мне некогда терять времени.

— Ваше время не принадлежит, гражданин, вам, оно принадлежит народу, которого вы являетесь представителем.

— Гражданин Пюжоль,—сказал с угрожающим жестом Мари,—мы знаем вас давно, мы наблюдаем за вами. Мы встречаемся не в первый раз; вы говорили со мною 15-го мая, после того, как вы, одним из первых, переступили ворота Собрании.

— Хорошо!—говорит Пюжоль,—но знайте, что с того дня, когда я посвятил себя защите свободы народа, я принял перед самим собой обязательство не останавливаться ни пред какой угрозой; поэтому вы угрожаете мне напрасно.

Тогда Мари, обратившись к одному из делегатов, сопровождавших Пюжоля, говорит:

— Я не могу признать представителем народа человека, который участвовал в восстании 15-го мая²⁾; говорите вы, выскажите ваши претензии, я вас слушаю.

— Никто здесь не будет говорить прежде меня,—возразил Пюжоль, вытягивая руку между Мари и делегатами.

¹⁾ Мари—министр общественных работ.

²⁾ 15-го мая парижские рабочие сделали попытку разогнать Национальное Собрание и свергнуть буржуазное Временное Правительство, заменив его социалистическим.—Восстание было подавлено национальной гвардией, во главе которой выступал Ламартин и др. «радикалы».

— Нет, нет!—восклицают они.

— Разве вы рабы этого человека?... спрашивает Мари.

Продолжительный ропот встречает эти слова.

— Вы оскорбляете делегатов народа!—восклицает Пюжоль.

— А знаете ли вы,—говорит, хватая его за руку, Мари,—что вы говорите с членом исполнительной власти.

— Я знаю,—возражает Пюжоль,—но я знаю также и то, что вы обязаны уважать меня; если вы член исполнительной власти, то я делегат народа.

В эту минуту несколько офицеров, бывших в соседней комнате, услышав шум, вошли и молча окружили делегатов.

— Так как вы не хотите выслушать нас,—говорит Пюжоль, обращаясь к Мари, когда они вошли,—мы уходим.

— Раз вы здесь, говорите,—отвечает Мари.

— Гражданин представитель... снова заговорил Пюжоль,—до Февральской революции рабочий народ терпел пагубное влияние капитала. Чтобы избавиться от эксплуатации хозяев, он построил баррикады и не сложил оружия до тех пор, пока не провозгласил демократическую и социальную республику, которая навсегда должна была избавить его от рабства. Теперь рабочие убедились, что они недостойным образом обмануты. Поэтому знайте, что они готовы на все жертвы, готовы отдать свою жизнь за сохранение своих свобод.

— Я вас понимаю,—говорит Мари,—только знайте: если рабочие не хотят уезжать в провинцию, мы принудим их к этому силой... Вы слышали—силой?

— Силой? Да!—Хорошо. Теперь мы знаем то, что хотели знать.

— А что вы хотели знать?

— Что Исполнительная Комиссия никогда искренно не хотела организации труда. Прощайте, гражданин!

При этих словах Пюжоль, а за ним делегаты удаляются...

В пять часов вечера пять или шесть тысяч человек собрались у Пантеона. Является Пюжоль; он взбирается на край решетки и кричит:

— Граждане, верны ли вы святому знамени республики?

— Да!—отвечают как один человек, все пять тысяч пролетариев.

— Итак, слава вам, дети Парижа!.. Соединимся и пусть в ушах ваших преследователей раздастся крик: работы и хлеба! Если они останутся глухи к голосу народа, горе им! Вы обещали республике три месяца нищеты, но вы сумеете отомстить за три месяца обмана. Вперед!.. На обещания вы отвечали доверием,—продолжает Пюжоль,—ошибки вы прощаете, но сегодня нас предают, и предательство должно быть погашено в крови наших врагов—и оно угаснет в ней, клянусь вам!

— Клянемся, отвечает толпа.

— На завтра в шесть часов,—говорит Пюжоль.

Факелы гаснут, все погружается в безмолвие...

В половине одиннадцатого оканчивается первая баррикада на бульваре Бон-Нуэль, другая двадцатью пятью шагами далее, третья

напротив улицы Мазагран. На них водружают трехцветные флаги национальных мастерских, некоторые с надписью: хлеба или смерти!.. Со всех сторон приносят оружие. В то же время, по одновременному таинственному приказу, баррикады возвышаются в предместьях Сен-Мартэн, Тампль, Сент-Антуан, на площади Бастилии и в предместье Пуассоньер. По левому берегу Сены, площадь Пантеона, предместье Сен-Жак и Ситэ заняты рабочими. В одиннадцать часов половина Парижа уже в их руках...

(Даниэль Стерн.—История революции 1848 г. Том II-ой).

В ПАМЯТЬ ИЮНЬСКИХ ДНЕЙ 1848 ГОДА.

Нет работы... Семья голодает...
Двое малюток припали к отцу,
Рвут на нем платье, есть просят, рыдают...
Мать на них молча глядит и страдает...

„Полноте, дети,—отец утешает,—
Наши страдания приходят к концу;
Хлеба нам или свинцу
Завтра республика дать обещает“...

Сдвинуты брови и скрещены руки
На молодецкой широкой груди.
Люди по улицам идут, и звуки
Песни их грозной исполнены муки.

Завтра раздастся здесь гром боевой.
Знайте же, братья: вас ждет впереди
Хлеб на столе или пуля в груди
После борьбы роковой.

Знамя над грудой камней развевается...
Строит народ баррикаду...
Завтра он здесь умирать собирается,
Здесь для свободы алтарь воздвигается.

Здесь новой жизни заря загорается,
Любям грядущим в урок:
Будет героям награда—
Пуля—иль хлеба кусок!..

Тени ночные спустились над зданьями,
Полон решимости мрачный народ:
Завтра он кончит с своими страданиями,
Полный надеждами и ожиданиями.

Жаждою полный борьбы,
 Целую ночь он очей не сомкнет:
 Завтра он хлеб или пулю возьмет
 С бою у грозной судьбы.

(Из сборника «Перед Рассветом», составл. В. М. Бонч-Бруевич—Величкиной).

ПРИЗЫВ К ВОССТАНИЮ. ¹⁾

Именем суверенного народа

Граждане!

На февральских баррикадах люди, которым вы дали титул членов Временного Правительства, обещали нам социальную и демократическую республику; они обещали, а вы, поверив им на слово, оставили наши баррикады. За четыре месяца, что они сделали? Они изменили своему слову и не выполнили своего обещания.

Мы, граждане, охраняющие Мэрию VIII округа требуем:

Социальной и демократической республики; свободной ассоциации труда при содействии государства;

Суда над народными представителями и министрами и немедленного ареста Исполнительной Комиссии;

Мы требуем отвода войск из Парижа.

Граждане! Помните, что вы суверенны; помните наш лозунг: Свобода, Равенство и Братство.

По поручению граждан, охраняющих Мэрию VIII округа

Ж. Ж. Жилле.

(Материалы по истории революцион. движения на Западе, 1848-ой год).

¹⁾ Без даты. Выпущено повстанцами VIII округа. Трем депутатам Учредительного Собрания (Лабари, Дево, Казаля), которые проникли в Сент-Антуанское предместье, было предложено подписать документ следующего содержания: 1) «Национальное Собрание должно быть распущено; 2) армия должна быть отведена на 120 миль от Парижа; 3) все заключенные в Венсене должны быть освобождены (Венсен был тюрьмой для политических заключенных, в которой содержался, между прочим, Барбес), и 4) народ сам себе выработает собственную конституцию»

„НАШИ ПОСЛАЛИ“.

(Эпизод из истории июньских дней 1848 г. в Париже).

Прошли три дня; наступал четвертый (26-е июня). Новости с места сражения доходили до нас довольно быстро, передаваясь от одного лица к другому вдоль тротуаров. Так, например, мы уже знали, что Пантеон взят, что весь левый берег Сены во власти войска, что генерал Бреа расстрелян инсургентами, что архиепископ Аффр на смерть ранен, что держится еще одно предместье Святого Антония.

В том же доме, где я квартировал, и на той же лестнице, жил известный немецкий поэт Гервег¹⁾, с которым я был знаком; я часто заходил к нему, чтобы хотя несколько отвести душу...

Вот, сижу я у него 26-го июня утром, он только что позавтракал. Вдруг входит гарсон с перетревоженным лицом.

— Что такое?

— Вас, мсье Гервег, какая-то блуза спрашивает!

— Блуза? Какая блуза?

— Человек в блузе, работник, старик, спрашивает гражданина Гервега. Прикажете его принять?

Гервег переглянулся со мною. — Примите, — сказал он, наконец.

Гарсон удалился, повторяя, как бы про себя: „человек... в блузе!“... Он ужасался: а давно ли, вскоре после февральских дней, блуза считалась самым модным, приличным и безопасным костюмом? Давно ли я, на одном даровом представлении в театре, предназначенном для народа, видел, своими глазами видел, множество самых изысканных щеголей, так называемого бомонда, облекшихся в белые и синие блузы, из под которых странно выглядывали их накрахмаленные воротнички и жабо? Но другие времена — другие нравы: в эпоху июньской битвы блуза в Париже сделалась знаком отвержения, печатью Каина, вызывала чувство ужаса и злобы.

Гарсон возвратился — и с нескрываемым содроганьем пропустил вперед себя человека, шедшего по его следам, действительно, одетого в блузу, истрепанную, замаранную блузу. Панталоны этого человека, башмаки его были тоже запачканы и в заплатках, шею обвертывала красная тряпка — а голову покрывала шапка... шапка черно-седых спутанных, нависших на самые брови волос. Из-под этой шапки выделялся длинный нос с горбинкой, выглядывали маленькие, старчески-воспаленные и тусклые глаза. Впалые щеки, морщины по всему лицу, глубокие как рубцы, широкий, скривленный рот, небритая борода, красные, грязные руки и та особая сутулина спинного хребта, в которой сказывается гнет продолжительной, сверхсилой работы...

— Кто здесь гражданин Гервег? — спросил он сильным голосом.

— Я Гервег, — отвечал немецкий поэт, не без некоторого смущенья.

— Вы ждете вашего сына вместе с его бонной — из Берлина?

¹⁾ Георг Гервег — популярный немецкий политический лирик, республиканец, участник революции 1848 г. в Германии.

— Да, действительно... Почему вы знаете? Он должен был четверть того дня выехать... но я полагал.

— Ваш мальчик приехал вчера; но так как станция железной дороги в Сен-Дени в руках у наших—(при этом слове гарсон чуть не подпрыгнул от испуга) и сюда его послать было невозможно, то его отвели к одной из наших женщин—вот, тут, на бумажке его адрес написан—а мне наши сказали, чтобы я пришел к вам—дабы вы не беспокоились. И бонна его с ним; помещение хорошее—кормить их будут обоим. И опасности нет. Когда все окончится—вы его возьмите—вот, по этой бумажке. Прощайте, гражданин.

Старик пошел—было к двери...

— Постойте, постойте!—возопил Гервег:—не уходите!

Старик остановился—но не повернулся к нам лицом.

— Неужели же,—продолжал Гервег,—вы только для того сюда пришли, чтобы успокоить меня, незнакомого вам человека, насчет моего сына?

Старик поднял свою понурую голову.— Да. Меня наши послали...

— Только для этого?

— Да.

Гервег всплеснул руками.—Но, помилуйте... я... я, просто, не знаю, что сказать. Я удивляюсь, каким образом вы могли дойти сюда! Вас, наверное, на каждом перекрестке останавливали?

— Да.

— Спрашивали, куда вы идете, зачем?

— Да. Все на руки смотрели, есть ли следы пороха. Попался один офицер... тот грозился расстрелять меня.

Гервег онемел от удивления; гарсон тоже вытаращил глаза.—„Это уж слишком!“ бессознательно шептали его побледневшие губы.

— Прощайте, гражданин,—отчетливо произнес старик, как бы решившись уйти. Гервег бросился и удержал его.

— Постойте... подождите... позвольте поблагодарить вас...

Он начал шарить у себя в карманах.

Старик отклонил его своей широкой, неразгибавшейся рукой.—Не беспокойтесь, гражданин; денег я не возьму.

— Так, по крайней мере, позвольте предложить вам... хоть завтрак... ну, стакан вина... что-нибудь...

— От этого я не откажусь,—промолвил старик, после небольшого молчания.—Я вот, второй день, почитай—что не ел.

Гервег тотчас услал гарсона за завтраком, а пока попросил своего гостя присесть. Тот тяжело опустился на стул, положив обе ладони на колени и потупился..

Гервег принялся его расспрашивать... но старик отвечал неохотно, угрюмым тоном: видно было, что он сильно устал—а впрочем, ни волнения никакого не ощущал, ни страха,—и на все махнул рукой. Да и беседа с „буржуа“ была ему не по вкусу. За завтраком он, однако, несколько оживился. Сперва он ел и пил с жадностью, а потом понемногу стал разговаривать.

— Мы, в феврале,—так рассуждал он,—обещали Временному правительству, что будем ждать три месяца; вот они прошли эти три месяца, а нужда все та же; еще больше. Временное правительство обмануло нас: обещало много—и ничего не сдержало. Ничего не сделало для работников. Деньги мы все свои проели, работы нет никакой, дела стали. Вот тебе и республика! Ну, мы и решились, все равно пропадать!

— Но позвольте,—заметил было Гервег,—какую вы могли ожидать пользу от такого безумного восстания?

— Все равно пропадать,—повторил старик.—Он тщательно утер губы, сложил салфетку, поблагодарил и приподнялся.

— Вы уходите!—воскликнул Гервег.

— Да. Мне надо к нашим. Чего мне здесь оставаться!

— Да ведь вас на возвратном пути наверное задержат и, быть-может, в самом деле расстреляют!

— Быть может. Так что же из этого? Пока жив, надо самому хлеб для семьи доставать, а как его доставать-то?—А коли убьют, сирот наши люди не оставят без призрения. Прощайте, гражданин!

— Скажите мне ваше имя, по крайней мере! Я желаю знать, как зовут того, кто так много для меня сделал!

— Мое имя вам совсем не нужно знать. Правду сказать то, что я сделал, я сделал не для вас, а наши приказали. Прощайте...

Так старик и ушел, сопровождаемый гарсоном.

В тот же день восстание было окончательно подавлено. Как только проезд стал свободен, Гервег по оставленному адресу отыскал женщину, приютившую его сынишку. Ее муж и сын были захвачены в плен; другой сын погиб на баррикаде; племянника расстреляли. Она тоже отказалась от денег; но, указавши на бегавших по комнате двух девочек—дочерей ее убитого сына, промолвила:—если мне, когда-нибудь, придется попросить что-нибудь для этих, так пусть мальчик ваш вспомнит о них.

Участь старика, посетившего Гервега, осталась неизвестной.

(И. С. Тургенев—«Литературные и житейские воспоминания»).

ГЛАВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ И АРМИИ.

„Граждане, солдаты!

Святое дело Республики восторжествовало. Ваше самопожертвование, ваше непоколебимое мужество расстроили преступные замыслы, наказали пагубные заблуждения. Во имя родины, во имя человечества, примите благодарность за ваши усилия и благословение за ваше необходимое торжество.

Сегодня утром еще продолжение борьбы было законно, неизбежно, теперь будьте так же велики в спокойствии, как вы были велики в битве. В Париже я вижу победителей и побежденных; но пусть проклято будет мое имя, если я допущу, чтобы в нем были жертвы.

Правосудие сделает свое дело—это ваше убеждение, а также и мое. Готовый вернуться в ряды простых граждан, я принесу в вашу среду воспоминание глубоко гражданского характера о том, что в момент великих испытаний у свободы было отнято только то, чего требовало само спасение Республики, и завещаю пример всякому, кто, в свою очередь, может быть призван к выполнению столь же великих обязанностей“. ¹⁾

Генерал Э. Кавеньяк.
Париж, 26 июня, 1848 г.

МЕСТЬ БУРЖУАЗИИ.

В продолжение трех дней на баррикадах развевалось красное знамя равенства и черное знамя голода:—настоячивое требование будущего и тневная жалоба настоящего,—развевались вплоть до утра 26 июня, когда была отбита „последняя позиция пролетариата“... и буржуазия могла начать свои оргии мести среди груды расстрелянных трупов, на израненных, изуродованных телах побежденных—побежденных, но все же победивших!..

Огромное число пленных инсургентов было переведено в подземную галлерею, находящуюся под тюльерийской террасой, близ Сены... Часовые запретили им подходить к отдушинам, чего, однако, многим не удавалось избегать, вследствие ужаснейшей давки, и они расстреливались часовыми, как только те замечали их... В тюльерийской подземной галлее находилось около двухсот обезумевших инсургентов, и когда кто-либо из последних приближался к отдушине, остальные кричали:

— Не стреляйте, это умалишенный!

— Не пускайте их!—отвечали часовые.

— Их слишком много, мы не в состоянии этого сделать!

— Задушите их, иначе вы все из-за них погибнете!

И вот тут и там раздавались выстрелы по умалишенным, теснившимся у отдушин, и каждый выстрел сопровождался могильной тишиной, нарушавшейся лишь ужасным смехом умалишенных...

В подвалах Палэ-Рояля ужасы июньской катастрофы достигли высших пределов. В отличие от тюльерийских подвалов, здесь часовые не запрещали заключенным разговаривать. Несмотря на это, никто не заговаривал со своим соседом, и только слышны были всхлипывания, вздохи, стоны, крики и вопли, или смех умалишенных... Здесь, один заключенный всю ночь напролет громко молился; там, другой заключенный кричал, что он хочет и должен повеситься; словно дикий зверь, запертый в клетке, метался из стороны в сторону, протискивался сквозь группы других заключенных, каждым своим движением причиняя боль кому-нибудь из раненых, пока не нашел, наконец, места, где мог повеситься;

¹⁾ Генерал Эжен Кавеньяк, военный министр; 23 июня он был назначен военным диктатором. 28 июня, после того как он зверски подавил восстание, Национальное Собрание объявило ему благодарность отечество назначило президентом исполнительного комитета.

никто не пытался помешать ему. В другом месте находился заключенный, который беспрерывно и громко ругал стоявших на посту мобильных гвардейцев. Он кричал:

— У меня сын в мобильной гвардии; он должен меня убить. Эй, ты, убийца, что там снаружи, слышишь? Приди и сверши это чудовищное дело!

Часовой, постучав прикладом в дверь, крикнул в ответ:

— Еще одно слово и я застрелю вас!

Но эта угроза не имела никакого воздействия. В углу подвала кучей лежали раненые и, истекая кровью, чувствовали, как от них отходит жизнь. Другие раненые старались возможно дольше стоять на ногах, дабы, истощив, таким образом, свои силы, ускорить смерть... Когда заключенные слышали в галлереях звуки шагов и бряцанье оружия, они равнодушно бормотали про себя:

— Они идут теперь расстреливать нас.

Но желанное избавление не приходило...

— Воды, воды, воды!—кричали они.

Раненые не обращали внимания на отказы часового, неистово стучали в дверь и вопили:

— Воды или смерти!..

(В. Либкнехт. «48-ой год и Коммуна»).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Революция в Германии в 1848-49 г.г.

13-е МАРТА в БЕРЛИНЕ.

Когда распространилась весть об отмене цензуры и о скором созыве ландтага, народом овладел беспредельный восторг, вечером должна была состояться иллюминация—18 марта 1848 г.

Народ в своей радости хотел благодарить короля. Празднично одетая толпа около 2-х часов дня направляется ко дворцу. На всех лицах, во всех движениях восторг и удовольствие.

Вдруг из поперечного переулка выезжают драгуны и загораживают путь.

Толпа в страхе и смятении поддается назад, на нее со стороны дворца наезжают солдаты с ружьями на-перевес. Раздаются два выстрела... „Провокация! Уступки лишь ловушка! Провокация! К оружию!“ Так кричали тысячи, десятки тысяч голосов. Дикий гнев сменил восторг, толпа, пришедшая благодарить короля, рассеялась с криками ярости и с решимостью отомстить за предательство...

Борьба началась. Город покрылся баррикадами... Войска, раздраженные до крайности, убивали пленных, насильничали. Но это не устрашало борющихся, а лишь озлобляло еще больше... Военная партия увидела, что ей не выиграть игры. Король, терзаемый разнообразными чувствами, утром 19 марта, отдал приказ остановить пальбу. Ночью он собственноручно написал воззвание—„к моим дорогим берлинцам“, в котором он приглашал восстановить мир и убрать баррикады. То, что вызвало народный гнев,—это дело простого недоразумения. Все будет исполнено...

Народ чувствовал себя победителем. Он потребовал удаления войска из города. В этом ему было отказано. Но несколько часов спустя, совершенно неожиданно все войска выступили из Берлина...

Народ опять потянулся ко дворцу. Он требовал вооружения народа и добился своего... Было 2—3 часа пополудни. Что там такое? Что за странное шествие?

В безмолвной процессии шествуют черные от пороха борцы, в руках винтовки, а между ними на досках и выломанных дверях мускулистые руки несут кровавые жертвы борьбы.

Один очевидец так описывает это потрясающее зрелище:

... „Со всех сторон к дворцу стягивались баррикадные борцы, их лица были дики и возмущены, в руках смертоносное оружие, на плечах трупы павших братьев; их лица были открыты, их окровавленные головы были увиты венками из иммортелей и лавров. Все они продефилировали перед королевским дворцом... Внутренний двор замка весь уже был наполнен трупами, когда народ стал требовать выхода короля... Князь Лихновский попытался уяснить своим „добрым друзьям“, что его величество прилегло, и надо дать ему отдохнуть. Но крик: „Пусть явится король!“ раздался с удесятеренной силой... Борцы уже снова подняли трупы и намеревались нести их по лестнице в комнаты короля... Тогда на открытой галлеее показался согбенный монарх, под руку с бледной от ужаса королевой.—„Шапку долой!“ Король обнажил голову. Носильщики подняли доски с кровавыми трупами высоко над головами к лицу короля, при страшных криках мужчин и плаче женщин:

„Верни нам наших братьев! Отдай нам наших отцов, наших сыновей, наших мужей!“... Народ запел вечную память... Король оставался с непокрытой головой до окончания торжественного похоронного пения...

(В. Либкнехт.—Роберт Блюм и революция 48 г. в Германии).

ВОЗЗВАНИЕ КОРОЛЯ ФРИДРИХА-ВИЛЬГЕЛЬМА IV.

К моим возлюбленным берлинцам!

В моем сегодняшнем указе о созыве ландтага вы получите залог милостивого расположения вашего короля к вам и ко всему немецкому отечеству. Еще не умолкло ликование, с которым бесчисленные преданные сердца приветствовали меня, как кучка нарушителей порядка примешала к нему мятежные и дерзкие требования и увеличилась в своем объеме по мере того, как благонамеренные удалялись. Так как они неудержимо протискивались до самого дворцового крыльца, что давало справедливый повод опасаться дурных намерений с их стороны, и так как против моих верных и храбрых солдат раздавались оскорбления, то пришлось очистить площадь при помощи кавалерии, пущенной шагом и с саблями в ножнах; при этом у двух пехотинцев ружья выстрелили сами собой, но, благодарение господу, никто не был ранен. Шайка злонамеренных лиц, большей частью состоящая из иностранцев, скрывавшихся в течение целой недели, несмотря на розыски, извратила это обстоятельство, при помощи явной лжи, для достижения своих худших планов и вселила в разгоряченные умы моих верных и возлюбленных берлинцев мысли о мести за яко бы пролитую кровь, и, таким образом, эти люди сами сделали ужасными виновниками кровопролития. Мои войска, ваши братья и соотечественники, пустили в ход оружие только тогда, когда их к этому вынудили много-

численные выстрелы, раздавшиеся из Королевской улицы. Победоносное шествие войск вперед явилось прямым следствием этого. От вас, обитателей моего возлюбленного родного города, ныне зависит, предотвратить еще большие несчастья. Ваш король и преданнейший друг закликает вас—ради всего святого—признайте, что случившееся ничто иное, как роковое недоразумение. Возвратитесь к миру, разберите баррикады, которые еще стоят, и пошлите ко мне людей, проникнутых истинным, исконным берлинским духом, со словами, приличествующими по отношению к вашему королю, и я даю вам свое королевское слово, что все улицы и площади будут немедленно очищены от войск, и лишь важнейшие здания дворца, арсенала и немногих других, и то лишь на короткое время, останутся занятыми военной силой. Послушайте отеческого голоса вашего короля, обитатели моего верного и прекрасного Берлина, и забудьте о случившемся, как и я в душе хочу его забыть и забуду, ради великого будущего, которое под мирным благословением бога наступит для Пруссии, а благодаря Пруссии и для Германии.

Ваша любвеобильная королева и воистину верная мать и друг, которая лежит серьезно больная, присоединяет свои искренние, полные слез мольбы к моим. Писано в ночь с 18 на 19 марта 1848 г.

Фридрих-Вильгельм.

БУРЖУАЗИЯ ЗА РАБОТОЙ.

Было десять часов вечера.

В северо-западной части внутреннего города было сравнительно тихо. В этом квартале дело не дошло до вооруженного восстания; гул от выстрелов доносился туда издали.

В доме либерального банкира Германа Ицингера одна из комнат первого этажа была ярко освещена. В открытое окно видна была ослепительная люстра, спускавшаяся с потолка.

В комнате сидели либеральный банкир, знаменитый историк и несравненный доктор. Перед великолепным красным диваном стоял большой круглый стол, накрытый на десять персон.

Приборы были еще не тронуты; видно было, что к ужину ждали кого-то. Хозяин беспокойно прохаживался по комнате, профессор и доктор сидели, развалившись в мягких красных креслах.

На соседней колокольне пробило десять часов.

— Уже бьет десять часов,—вскричал несравненный доктор: — а стрельба все еще не унимается! Напротив, она как будто усиливается с минуты на минуту.

— Мы погибли! Мы погибли!—простонал профессор; по расстроенному лицу видно было, как он страшно трусил.

— Я встречал на улице каких-то чудовищ, — заметил несравненный Фиш.

— Цивилизация пойдет назад, всеобщее господство черни неизбежно—бормотал профессор.

— Борьба ведется с ожесточением,—снова заметил доктор.

— Будем надеяться, что армия выполнит свой долг — прибавил профессор.

Банкир и доктор многозначительно переглянулись...

Двери отворились и вошли господа адвокаты—доктор прав Ланг и доктор прав Курц и редактор доктор Грос.

— Что, восстание?—обратился доктор Фиш к вошедшим корифеям либеральной партии.

— Нет никакой надежды, чтобы войско восстановило порядок сегодня,—отвечал доктор Грос.

— Ошибаетесь,—возразил доктор Курц,—перед тем, как мы встретились с вами, я слышал за верное, что сволочь снова сбита с позиции.

— Это неправда! — вскричал Ицингер запальчиво, — совершенно напротив!

— Отчего же наши солдаты не исполняют своего долга? — стонал профессор.

— Наши солдаты бьются отлично!—отвечал доктор Курц.—Но подумайте, господа, им приходится сражаться с людьми, которые поставили себе целью все разграбить, а ведь такие люди бьются, как бешенные.

— Разграбить! Великий боже!—вскричал толстенький Бер. И он в ужасе остановился на минуту, потом продолжал: — Впрочем мне-то нечего бояться. Фирма моя понесла страшные потери. Я разорившийся человек.

— Вы-то разорившийся человек, господин Бер?—усмехнулся доктор Курц.—Вы-то, один из первейших богачей столицы?

— Боже мой! — Что вы говорите, господин Курц! Я не терплю таких шуток. Вам хочется подвести меня под гильотину.

— Правое дело одержит верх,—произнес торжественно несравненный доктор.

— Дай то бог!—раздалось со всех сторон.

Подали суп. Государственные мужи уселись и разговор принял серьезное направление...

— Господа!—начал профессор фон Кода.—Как только порядок будет восстановлен, мы должны, в интересах правого дела и наших собственных, заявить публично, что не имеем ничего общего с этими преступными увлечениями фанатической черни, с этими ребяческими попытками насильственного посягательства на прочно установившийся государственный строй.

Глубокое молчание последовало за этими словами профессора; оно было прервано редактором Гросом, который произнес вполголоса:

— Все будет зависеть от обстоятельств.

— А что если те,—заговорил нерешительно доктор Ланг,—которые строят баррикады, противники войска, если они одержат победу?..

— Великий боже?—вскричал профессор.—Наше место свято!

— Вы меня не поняли, — продолжал доктор, — я не высказываю своего мнения или надежды. Я только говорю, что если противники войска... Нужно быть готовыми ко всему.

Ицингер возвратился. Все взоры устремились на него.

— Господа! — вскричал он. — Нет более сомнения: победа решена в пользу мужественных борцов народного дела.

— Защитники свободы одерживают верх! Народное дело торжествует, — раздалось со всех сторон.

— Битва идет жаркая, ожесточенная, — продолжал банкир после небольшого молчания, — но наши доблестные защитники свободы...

— Благородные сыны народа... — подсказал доктор Ланг.

— Исполнят свой великий долг! — добавил доктор Курц.

— Правое дело одержит верх! — вскричал торжественным тоном несравненный Фиш.

— Очень может быть, — начал уже твердым голосом доктор Ланг, — даже весьма вероятно, что защитники свободы, что благородные борцы за прогресс, справедливость и народное благо одержат окончательную победу. Господа! Мы должны немедленно приготовиться...

Был уже первый час ночи. Стрельба совершенно прекратилась.

— Сражение, должно быть, кончилось, — заметил доктор Фиш, отыскивая глазами Ицингера; но напрасно — того уже не было в комнате.

— Сражение, должно быть, кончилось, — повторил доктор Ланг.

Никто не отвечал, все ждали.

Вдруг, где-то вдали, раздались громкие крики победы. Напряженное ожидание выражалось на всех лицах, все взоры невольно устремились на дверь.

Она распахнулась и банкир Ицингер вбежал в комнату, едва переводя дух.

— Ну, что? Что? Что? — раздалось со всех сторон.

— Господа! Вставайте! — закричал либеральный банкир, едва владея собой. — Мы победили.

Все вскочили.

— Великий боже! Мы победили! — повторил профессор, бледнея.

— Скорее! Нечего терять времени! — кричал либеральный банкир. —

Идемте в ратушу учреждать временное правительство!

Все стремительно схватились за шляпы и бежали с лестницы.

Площадь была ярко освещена; почти во всех окнах горели свечи, смоляные факелы далеко распространяли багровый свет, ночное небо пылало заревом пожара. Над площадью носился гул тысячи голосов; толпа была в сильном волнении.

Распространился слух, что в ратуше образовалось временное правительство, а между тем оно не заявляло официально о своем существовании.

Народ начинал терять терпение.

Наконец, дверь балкона растворилась и перед толпою предстал доктор-патриот.

Большая часть народа, находившаяся на площади, не знала вовсе благородного Федора Ланга, хотя его красная речь и свидетельствовала о том, что он был одним из передовых деятелей среди знаменитостей общества Прогресса и Свободы. Тем не менее, убежденные в том, что народ изберет во временное правительство только людей вполне достойных, толпа встретила его появление на балконе громкими, радостными криками. Он сделал рукой знак, что будет говорить, и на площади водворилась мертвая тишина. Оратор начал...

„Сограждане! Революция одержала славную победу на улицах этого города. Теперь нам предстоит удержать за собой все, что куплено ценою этой кровавой победы. Нам предстоит воздвигнуть на прочных основаниях здание Прогресса, Права и Свободы.

„С этой целью и для того, чтобы противопоставить подстрекающему нас деспотизму народную силу, сплоченную воедино, чтобы дать правильный исход нашей победоносной революции, учреждено временное правительство, революционный народный трибунал!“

Восторженные крики огласили обширную площадь и разнеслись по соседним улицам.

„Это правительство, учрежденное державным народом, состоит из следующих лиц: президент—Герман Ицингер, вице-президент и секретарь—доктор Фиш, доктор Бац, профессор фон Кода, доктор Ланг. И, наконец, сограждане, для того, чтобы осуществить великий принцип равенства, чтобы дать революции чисто демократические основы, членом временного правительства избран также и рабочий Лоренс Дален“.

Эти последние слова вызвали бешеный восторг в толпе, кишевшей на площади, из окон замахали платками, и долго еще после того, как на площади все стихло, из окрестных улиц доносились крики шумной радости.

„Сограждане!—продолжал оратор, перед лицом бога демократии приношу вам торжественную клятву в том, что временное правительство будет неутомимо и непоколебимо стоять на своем посту.

„Завтрашнее солнце осветит уже доблестный свободный народ, завтрашний день увидит братскую нацию.

„Предоставьте нам только сегодняшнюю ночь, и мы воздвигнем свободе несокрушимый храм. „Да здравствует демократическое государство, свобода, равенство, братство—и революция!“

Со всех сторон загрели оглушительные крики; народ на площади плакал и обнимался.

Доктор возвратился в комнату.

— Превосходно! Превосходно!—встретил его Ицингер, стоявший в дверях вместе с профессором...

В эту минуту редактор Грос доложил, что соседняя комната битком набита корифеями либеральной партии, и что все они требуют назначения на высшие государственные должности.

— Хорошо!—ответил Ицингер.

— В интересах великого дела,—продолжал редактор,—мы согласились отправлять наши обязанности безвозмездно в течение первой недели.

— Как это благородно с вашей стороны, — воскликнул Ицангер. Об'явите этим господам, что я выйду к ним через несколько времени и мы договоримся обо всем.

Редактор удалился.

— Милостивые государи! — продолжал президент революционного народного правительства. У нас на руках еще бездна работы. Прежде всего нам предстоит решить вопрос: не разумно ли будет с нашей стороны временным ограничением права сходок обуздать возбуждение умов и крайние увлечения низших сословий, так как эти увлечения, запугивая имущие классы, могут помешать мирному, правильному развитию свободы и прогресса. Одним словом, нам нужно предпринять целый ряд безотлагательных мер, чтобы к утру революция была правильным образом закончена... ¹⁾

(Ж. Швейцер—«Эмма»).

ФРАНКФУРТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ.

(Предварительное совещание).

Старый Франкфурт принял депутатов со всею восторженностью, которая соответствовала „весне народов“. Правда, старым патрициям, богатым торговцам и банкирам было не совсем по нутру присутствовать при этом деле...

Город сиял в праздничном украшении; депутатов провели под триумфальными арками и почтили пушечными залпами; улицы, по которым они проходили, были усыпаны цветами...

Под звуки радостных криков народа, при грохоте пушек парламент длинной процессией направился к церкви св. Павла. Тысячи народа расположились шпалерами и из публики указывали друг другу на известных депутатов: историка Вирта, поэта Уланда, Струве, Генриха фон-Гагерна и множество других, которые чем-нибудь отличились, или терпели гонения за свою деятельность, или за свои убеждения...

В большом помещении церкви св. Павла президент Миттермайер произнес прекрасно построенную речь, в которой он старался всем воздать должное, всем угодить... Затем фабрикант Мец из Фрейбурга выступил с ханжеской речью и произнес: „Там, где господь не помогает в созидательной работе, тщетны все усилия строителей!“ Он предложил собранию встать в знак того, что они веруют в это изречение, и они последовали его предложению.

Единственным предметом обсуждения была программа комиссии семи, которая, основанием для нового устройства Германии требовала следующего:

I. Глава союза с ответственными министрами.

II. Сенат отдельных государств.

IV. Палата, составляемая посредством народного избрания, с одним депутатом на 70,000 человек населения.

¹⁾ Роман Ж. Б. Швейцера «Эмма», — сатира на германскую буржуазию мартовских дней 1848 г.

V. Постановление о созыве учредительного национального собрания на изложенных выше основаниях производится союзными властями совместно с уполномоченными.

Этим предложением хотели соорудить конституционную надстройку над сорока германскими отечествами, во главе которой должен был стоять новый имперский монарх... С этой программой либеральная буржуазия хотела наметить границы для революционного движения, гарантировать выгодные для нее приобретения от нападения справа и слева и в то же время обеспечить себе надежную опору на тот случай, если бы движение пошло дальше того, чем ей это было желательно...

На трибуну взшел Густав Струве и изложил своим резким голосом требования своей партии. Он ясно и недвусмысленно требовал в 15 пунктах демократической организации государства, требовал уничтожения постоянного войска, уничтожения „постоянного войска чиновников“, уничтожения „постоянных и многочисленных налогов“, уничтожения всех привилегий, уничтожения зависимости церкви от государства... Он в то же время требовал свободы печати, закона о неприкосновенности личности, устранения бедственного положения рабочего класса, равенства всех перед законом и уничтожения раздробленности Германии... Последнее требование из всех 15 пунктов гласило: уничтожение наследственной монархической власти (самодержавия) и замены ее свободно избранными парламентами, во главе которых должны находиться свободно избранные президенты, все объединенные федеративной союзной конституцией по образцу Северо-Американских республик.

„Германский народ!—закончил Струве свое изложение,—это основные принципы, с помощью которых Германия может стать счастливой, уважаемой и свободной. Мы все останемся во Франкфурте-на-Майне до тех пор, пока свободно избранный парламент не возьмет в свои руки управление судьбами Германии. Мы в это время выработаем необходимые законопроекты и, при помощи свободно избранного исполнительного комитета, подготовим великое дело восстановления Германии“...

Предложение, внесенное Струве, произвело вначале страшное замешательство среди профессоров, надворных советников и большинства мещан... Открылись все потоки красноречия; республиканцы были ошеломлены потоком слов, устремившимся на них... Все говорили об „единении“, „свободе“, „народе“ и „праве“, но о проекте Струве никто и слышать не хотел. Генрих фон-Гагерн высказал убеждение, что основные принципы Струве „угрожают опасностью кредиту“... После всего этого шума и хаоса господин Дитце из Дюссельдорфа выступил с высокопарной фразой: „Я в состоянии усомниться в свете и сиянии солнца, но не сомневаюсь в том, что свобода Германии становится, наконец, действительностью!“...

3 апреля предварительный парламент закончил свои действия, а члены его предоставили франкфуртским мещанам за свои действия приветствовать себя колокольным звоном и пальбою из пушек. Все легковёрные торжествовали. Но самые решительные и горячие республиканцы собрались ночью в „Голландском отеле“ во Франкфурте. Они высказали опасе-

нис, что тактика и решения предварительного парламента затормозят все германское движение. Поэтому они решили звать народ к оружию... ¹⁾

(В. Блос. История германской революции 1848 г.).

ГЕРМАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Воззвание к немецкому народу. Борьба народа с его угнетателями началась. Даже на улицах Франкфурта, где заседает бессильное центральное правительство и словоохотливое учредительное национальное собрание, народ расстреливался из пушек. Лишь меч может спасти немецкий народ. Если во Франкфурте победит реакция, Германия будет поработана так называемым законным путем, хуже чем это бывает после кровопролитных войн.

Леррах, 21-го сентября, 1848 г.

Именем временного правительства: Густав Струве.

Комендант главного штаба: В. Б. Левенфельд.

Секретарь Карл Блинд.

Немецкая республика. Благоденствие, образование, свобода для всех! Именем немецкого народа временное правительство Германии постановляет:

§ 1. Все лежащие на земле средневековые тяготы, как и все средневековые личные повинности, десятины, оброки, барщина и т. п., отменяются немедленно без всякого возмещения. Всевозможные откупные и выкупные платежи за подобные повинности тоже прекращаются.

§ 2. Все платежи государству, церкви и дворянам-землевладельцам отныне прекращаются. Подоходный прогрессивный налог, исключаящий недостаточное население, заменяет отныне всякие подати; лишь таможенная пошлина на границах Германии остается еще на некоторое время.

§ 3. Вся земля, принадлежащая государству, церкви и приверженцам князей, конфискуется, при условии позднейшего вознаграждения, и переходит в собственность соответствующих общин.

§ 4. Для обеспечения всех выше перечисленных льгот, назначается всеобщее народное восстание. Все мужчины, способные носить оружие, в пределах 18—40-летнего возраста, берутся за оружие для защиты

¹⁾ 12 апреля в Бадене началось восстание, руководимое Геккером, Струве и несколькими другими республиканцами. Восстание было плохо организовано. К концу апреля оно было подавлено баденскими и баварскими правительственными войсками.

18 мая во Франкфурте открылся первый немецкий парламент (учредительное национальное собрание). Вследствие двухстепенных выборов, состав его в подавляющем большинстве являлся буржуазным и реакционным. Он предопределил и всю дальнейшую деятельность парламента. 18 июня 1849 г. франкфуртский парламент перенесенный в конце мая в Штуттгарт, несмотря на свою крайнюю умеренность, был разогнан вюртембергским правительством.

отечества, находящегося в опасности. С сегодняшнего дня господствуют законы военного времени, пока немецкий народ не завоюет себе свободы.

Именем временного германского правительства Густав Струве.
Секретарь Карл Блинд.

Главный штаб Леррах, в первый день немецкой республики,
21 сентября, 1848 г.¹⁾

ВОССТАНИЕ В ДРЕЗДЕНЕ.

(3—9 мая 1849 г.).

Вдруг два господина, пробравшись незаметно в редакцию по узкой, заполненной народом, лестнице, стали рассказывать об ожесточенной схватке у цейхгауза.

— Деревянные решетчатые двери были моментально продавлены... Одного офицера и стражу избили палками... Это очень серьезная вещь. Положение крайне обострилось...

Но они слишком рано покинули место происшествия и потому ничего больше сообщить не могли, отвечая торопливо и бессвязно на быстрые вопросы испуганных людей. Через несколько минут в комнату ворвался какой-то молодой человек, с изрытым оспой лицом. За ним следовал солдат гражданской гвардии, с изорванным в клочья рукавом.

— Они упали к его ногам!—громко говорил он.—Они просили его на коленях! Они поднимали руки к небу!.. Я сам видел это... собственными глазами!..

На него набросились.

— Кто?.. К чьим ногам?.. Где это было?.. Во дворце?.. Что он сказал?.. Король?.. А делегация?..

— Да! Да!—закричал он теснившимся к нему людям.—Лейпцигцы обратились к королю! А он...

— А он?..—спрашивали, с трепетом, сотни голосов.

Молодой человек с трудом перевел дыхание. Он прибежал прямо из дворца и не мог отдышаться.

— Мы пришли к нему... Мы просили... Он сказал: „Нет!“ Мы начали требовать. Он опять отвечал: „Нет!“ За нами показалась вторая, экстренная депутация... Он опять: „Нет!“ Вдруг, со стороны цейхгауза, раздался треск... ружейный залп... Он немного побледнел. Лейпцигцы,

¹⁾ 17 сентября 1848 г. население Франкфурта, возмущенное соглашательской позицией парламента по отношению к центральной власти (по вопросу о перемирии с Данией)—вышло на улицы, требуя роспуска его и новых выборов. Город покрывался баррикадами. На другой день, 18, восстание было разгромлено прусскими и австрийскими пушками.—Франкфуртские события вызвали возбуждение в народных массах. Струве, надеясь использовать момент,—с несколькими своими единомышленниками, провозгласил в Леррахе 21 сентября Германскую Республику. Гражданское ополчение Лерраха двинулось к Фрейбургу, с целью захватить город. По пути Струве был взят в плен. 24 сент. Германская Республика прекратила свое существование.

чувствуя, что началось кровопролитие, упали к его ногам и умоляли его, поднимая к небу руки...

— А он?.. А он?..

Но не успел молодой человек раскрыть рот, чтобы снова повторить пронзительным голосом королевское „нет“, как весь дом вдруг задрожал и стекла зазвенели.

С потолка и со стен посыпалась штукатурка. Висячая лампа сорвалась с крючка и разбилась вдребезги на стоявшем под нею столе, залив зловонным керосином книги и рукописи. Люди, красные и взволнованные, остолбенели от ужаса... Что это—сигнал? Начало конца? Да, ведь, это выстрел картечью среди густо населенного города...

Вагнер ¹⁾, стоявший у окна с молодым художником Кауфманом, таким же бледным и дрожащим, как и остальные, увидел, как толпа, с криками, визгом и воплями, побежала от дворца. Собравшиеся в редакции люди хотели выплунуть на улицу, как вдруг по лестнице раздался сердитый топот ног и в комнату ворвался мужчина огромного роста, неся на руках залитую кровью двенадцатилетнюю девочку. За ним проскочили несколько солдат гражданской гвардии, без шапок и оружия.

Народная кровь,—сказал великан, кладя ребенка на диван.—Вот вам передовая статья! Они стреляют картечью в детей!

Все бросились к девочке. Один побежал за водой, другой принялся разрезать носовой платок на узкие полосы. Рану обмыли и перевязали. Она оказалась несерьезной, но зато обладала огромной агитационной силой.

— Не мы начали!—закричал чей-то женский голос.—Ей-богу, не мы! Мы только хотели раздобыть оружия! Мы только требовали, чтобы нам отдавали продукты нашей работы! Это—наше право!.. А эти свиньи стали в нас стрелять из своих ружей, как в зайцев!..

— С нами были гимназисты,—вмешался кто-то.—У них были ружья. Они сразу же убили мерзавца офицера.

— Среди солдат произошло смятение,—добавил густым басом высокий человек,—и они были вынуждены отступить. Они укрылись в цейхгаузе, захватив с собой раненых, и очистили поле битвы. Это продолжалось не больше трех минут. После чего мы...

Внизу снова закричал звонкий женский голос:

— Тридцать убитых! Тридцать окоченевших трупов! На виселицу убийц!.. Тридцать погибших людей!..

Раздались крики, проклятия, смех, глупые шутки. И снова все тот же, полный жгучего интереса, вопрос: „Что дальше?“

— Что дальше?—презрительно повторил долговязый человек.—А дальше то, что мы в'ехали на телеге в ворота и заняли двор. Мы находились впереди, а гимназисты с фланга. И вот... тогда негодяи выстрелили в нас из пушки!..

— Тридцать убитых!.. Тридцать окоченевших трупов!—донеслось, как эхо, с улицы. На сей раз этот крик раскатился по всему городу, точно громовой удар. Он внезапно подействовал и на долговязого. Оставив

¹⁾ Рихард Вагнер (1813—1883)—гениальный немецкий композитор, увлеченный революционными настроениями, сделался участником Дрезденского восстания. После разгрома его прусскими войсками бежал в Швейцарию.

ребенка лежать на диване, он схватил одно из немногих ружей, которые начали понемногу сносить в редакцию и, пробежав по лестнице, гаркнул таким мощным голосом о мести, что могучий отголосок его вопля наполнил все вокруг.

— Тридцать убитых!—кричал он, повторяя только что слышанное им число. Тридцать трудолюбивых, честных и верных своему долгу граждан. Тридцать рабочих в синих блузах, которые, быть может, собственными руками изготовили дула тех ружей, что их убили! Тридцать жен в один час стали вдовами. Шестьдесят или сто детей сделались сиротами! Проклятая картечь! Мы будем мстить! Нам ответят за все! Смерть убийцам народа!..

На колокольне соседней церкви св. Анны набат начал свою революционную песнь, отбивая мерные и грозные удары. В солнечный майский день, эти глухие, фантастические звуки, разносясь в чистом воздухе, действовали угнетающим образом, словно возвещая о неизбежном роке...¹⁾.

Вагнер повернулся и пошел дальше. Мысли быстро кружились у него в голове. Что это за мир, куда он попал? Чего хотели все эти люди? Борцы за свободу и простые зрители наполняли улицы. На одну горсточку действительно воодушевленных революционеров приходился целый город равнодушных. Многие примыкали к той или иной партии лишь под давлением крайней необходимости. А не мало было и таких, которые даже в это время продолжали вести свою прежнюю жизнь, нисколько ее не изменив... Повсюду виднелись баррикады. Но было ли за ними столь желанное освобождение?

— Эй! Господин капельмейстер!

Вагнер оглянулся. Задумавшись, он давно прошел мимо Ратуши. Он стоял перед возведенным на Новом рынке примитивным укреплением, с вершины которого его позвал Бакунин.

— Мне кажется, господин капельмейстер, что вы продолжаете культивировать свою старую философию среди нашего нового мирового порядка?—спросил он.

Композитор удивленно посмотрел на говорившего. Да, это был, действительно, Бакунин. Огромный, неуклюжий и смелый, словно великан первобытного мира, он спускался по удивительной лестнице из ящиков и досок, прислоненной к баррикаде. В довершение своей оригинальной внешности и как будто для того, чтобы еще сильнее ее подчеркнуть, он был во фраке и в белом галстуке...

— Итак, Бакунин? Что вы теперь скажете? Узнаете ли вы дрезденцев, о которых вы говорили так мало хорошего? Довольны ли вы теперь?

Бакунин вынул изо рта трубку и энергично сплюнул.

¹⁾ Дрезденское восстание было вызвано отказом Саксонского короля признать имперскую конституцию, выработанную Франкфуртским парламентом. Когда 3-го мая, на улицах Дрездена появились баррикады,—король бежал. 4-го мая было избрано временное правительство.

— Дрянь! — сказал он решительным голосом, слегка дрожащим, однако, от волнения. — Глупое детское хныканье! Саксонцы или русские, мой дорогой капельмейстер, один чорт; и те и другие — малодушный сброд, который заботится лишь о сохранении своего горшка с супом.

— Горшка с супом? — повторил Вагнер.

— Да, сударь. Жалкий народ! Все это предприятие, — не более, как дешевый, бракованный товар! Разве вы не видели, что ваши славные дрезденцы, из каприза, перенесли свою масленицу на май месяц. Они играют маленькую комедию, пустив в ход некоторое количество пороха, знамена и национальную музыку. Поверьте: они с величайшей охотой снова вернутся к своим почтенным обязанностям, когда хорошенько проснутся после похмелья.

Вагнер, несколько смущенно и недоверчиво, заглянул в его большие темные глаза.

— Бакунин! Неужели вы думаете, что пробудившийся дух свободы может опять заснуть?

— Дух свободы? — Бакунин презрительно харкнул на свой сапог. — Оставьте его в покое, Вагнер! Он будет существовать до тех пор, пока у них хватит овсяной каши. А после того — ни одной минуты дольше! Чего доброго, вы, пожалуй, готовы умереть ради освобождения человечества?

Вагнер радостно на него взглянул.

— Я?.. Хоть сейчас!.. Моментально...

Бакунин громко расхохотался...

— Знаете ли вы, чем занимается в данную минуту временное правительство? Переговорами о перемирии! Речами! Воззваниями! В то время, как пруссаки продвигают сюда, один за другим, свои батальоны, добрые дрезденцы находят время для переговоров. Они хотят посредством крошечной дозы „морального давления“ перевернуть мир и заставить его отказаться от старых привычек. Даже в самой революции они ничего так не боятся, как революции! Все у них должно быть легально, все по закону, все по правилам! Будьте уверены, Вагнер, что в ближайшем будущем вы найдете в ваших книжных магазинах весьма благоразумную брошюру, под названием: „Карманное руководство для революционера“.

Бакунин засмеялся каким-то жутким смехом.

— Знаете ли вы, как выглядит революция, которая, быть может, — я говорю: быть может! — была бы в состоянии ниспровергнуть тысячелетнего Молоха капитализма и рабства? Это — длинный ряд виселиц от северного полюса до экватора! Это — пожар от Урала до Финистерского мыса. От так называемой культуры должно будет остаться не более того, что сохранится внутри самого человека. Снаружи нам не надобно ни одного гладко отполированного камня. И когда все взлетит на воздух, и от человечества уцелеет лишь испуганная, обнищавшая, несчастная кучка людей, тогда, может быть, на развалинах этой катастрофы она создаст лучший мир... ¹⁾

(Зденко фон-Крафт. — «Баррикады»).

¹⁾ М. Бакунин принимал деятельное участие в Дрезденском восстании, фактически являясь неофициальным членом временного правительства и военным комендантом города.

В ОКТЯБРЕ 1849 ГОДА.

Прогремела гроза и ушла, наконец,
 Улеглись беспокойные толки,
 И Германия—этот ребенок большой—
 Ждет веселой рождественской елки.

Только счастьем семейным живем мы теперь;
 Все, что выше его, то опасно;
 Снова ласточка мира вернулась домой,
 Где и прежде жилось ей прекрасно.

Под сиянием лунным спят реки, леса,
 Точно всех одолела дремота;
 Только грохот раздастся порой—может быть,
 Из друзей расстреляли кого-то.

Может статься, захвачен с оружием в руках
 Тот безумец несчастный... Однако,
 С поля битвы не каждый способен бежать
 По примеру Горация Флакка...

Иль тот грохот далекий есть взрыв торжества,
 Фейерверк в память Гете... При этом
 Из могилы восставшая Зонтаг поет
 Старым голосом гимны ракетам...

Истекает вся Венгрия кровью; угла
 Не найти беззащитной свободе;
 Но остался вполне невредим рыцарь Франц,
 И лежит его шпага в комодке.

Да, он жив и под старость, собравши внучат
 И своею гордяся отвагой
 В дни венгерской войны, будет им говорить:
 „Так лежал я со спрятанной шпагой“.

Только вспомню про венгров—становится мне
 Слишком узко немецкое платье,
 И под ним, словно море, бушует в груди,
 Точно трубы слышал опять я...

И теперь заключил бык с медведем союз,
 Чтоб верней нанести поражение.
 Но утешься, мадьяр! И всем нам остальным
 Посильней нанесли оскорбление.

Ты ведь все-таки в честном открытом бою
 Пал от рук благородных животных;
 А ведь мы под ярмом очутились свиной,
 И волков, и собак подворотных... ¹⁾

(Г. Гейне. Перев. Д. Д. Минаева).

¹⁾ Стихотворение написано по поводу выяснившейся к концу 1849 г. неудачи революции в Германии и разгрома венгерской революции войсками Николая I.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Революция в Австро-Венгрии в 1848—49 гг.

ВЕНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(13 марта).

Когда получились возбуждающие вести из Франции и из области германского союза, венцы разом начали себя чувствовать политическими людьми. Бюрократия страшно переменялась: в Вену хлынул поток бесчисленного множества газет, и — просто неслыханно! — венцы дерзнули читать, во всеуслышание читать их в трактирах и кафе, нисколько не обращая внимания на шпионов ненавистного обер-полицейского Седльницкого. В виду того, что курс падал, многие рантье почувствовали стрих и стали спешить к сберегательным кассам и в государственный банк с требованием обмена кредиток и бумаг на звонкие деньги. Глухое брожение стало замечаться также среди рабочих и студентов.

Австрийский ремесленный союз первый отправил императору Фердинанду I адрес, в котором требовал присоединения ко всей Германии и выражал уверенность, что и вся система в недалеком будущем будет изменена...

Раз начавшись, дело фабрикации адресов пошло вперед. Горожане составили второй адрес; отважилась также и буржуазия. Среди многочисленных подписей находились и очень видные имена, высшие чиновники, крупные капиталисты и купцы. Это произвело при дворе известное впечатление. Адрес был передан комитету сейма для внесения на обсуждение самого сейма.

В это время к движению примкнуло студенчество...

13 марта, в здании сейма собрались сословия. Скоро около здания начали собираться бюргеры; это была исключительно „чистая публика“, и плохо одетых пролетариев среди них не было ни одного...

Сейм, окруженный шумной и взволнованной толпой, не знал, что делать, точно так же, как и собравшийся во дворце государственный совет...

Венцы, собравшиеся перед зданием сейма, тоже хорошенько не знали, что им следует делать. Тогда молодой хирург Фишгоф поднялся на крышу колодца во дворе сейма и крикнул: „Да здравствует свобода!“ Толпе дан был толчок, и тотчас со всех сторон раздались возгласы: „Свобода печати!“ „Конституция!“ „Ответственность министров!“ и т. д. и т. д., все в духе низменных украшений буржуазной свободы. Обращаясь к собранию сословий, Фишгоф сказал: „Народ хочет своими действиями оказать поддержку сословиям, чтобы они представили его желания императору“. А председатель ландтага, Монтекукули, очень любезно ответил: „Желания народа суть и желания сословий“.

В таких-то невинных формах и началось все дело... Но тут одному студенту взбрело на ум прочитать присутствующим классическую речь Кошута. Возбужденная толпа превращается в бушующее море; после каждой энергичной фразы вокруг здания сейма раздается бурный ропот, слышны гневные возгласы; членам сословий начинает становиться не по себе. Речь Кошута впервые дает толпе настоящий пароль, и из тысяч грудей вырываются бешеные возгласы с требованием отставки ненавистного министра: „Долой Меттерниха!“ — „Долой иезуитов!“ — „Народное вооружение!“ — „Долой русских!“... Из помещения падает листок бумаги, на котором написано, что сословия намерены просить императора об обнародовании государственного бюджета и о созыве комитета, который должен быть составлен из представителей всех провинций. Но в одно мгновение ока сословия лишились доверия разочарованной толпы. „И только?“ — „К чорту сословия!“ — „Разорвите пустую бумажонку!“ — „Конституция!“ — „Да здравствует конституционный император Австрии!“

Толпа двинулась в дом сословий и совещающиеся господа моментально исчезли. Маршал ландтага, который порядочно струсил перед разгневанной толпой, торопливо протискивается вперед со словами: „Ничего не остается делать, нужно передать императору желания народа!“ С отрядом студентов он отправляется отсюда ко дворцу, где его принимает государственный совет. Высокомудрые советники глубокомысленно напяливают очки, принимают обычные высокомерные позы и обещают немедленно заняться вопросом и затем предложить его на разрешение императору. Но тут их обрывает грохот ружейного залпа, донесшийся от сейма сюда...

Еще с утра на ноги поднята была огромная масса войск — инфантерии, кавалерии и артиллерии...

Войска двинулись к сейму, чтобы очистить площадь, находящуюся перед зданием. Толпа, забравшаяся в здание сейма, вышла из себя и переломала там всю мебель. Обломками толпа стала швырять через окна в солдат. Когда один из обломков попал в офицера, солдаты дали залп через окно сейма...

Произошел целый ряд уличных стычек, иногда кровопролитных и, если войска рассеивали толпу на одном месте, она опять собиралась в другом. К вечеру улицы огласились сигналом тревоги; он вызвал на улицу вооруженный городской отряд, так как возбуждение охватило,

наконец, и „уважаемых“ бюргеров и даже лиц с „высоким общественным положением“. Они, вооруженные, собрались на Гласис и отправили к императору депутацию с требованием удаления войск. В то же время студенты отправили во дворец старого ректора университета, чтобы потребовать оружия для учащейся молодежи. Таким образом, во дворце оказалось целых три депутации, ибо одну депутацию послали также сословия...

В то время, как на улицах грохотали залпы и гремели вопли ярости и мести, во дворце кишели, смешавшись в кучу, толпы придворных, члены государственного совета, офицеры, лакеи и члены различных депутатий... Присутствовавшие эрцгерцоги, тайные советники и офицеры разговаривали с явившимися депутациями в весьма грубом тоне, особенно, когда речь зашла о требовании отставки Меттерниха. Депутация от гражданской гвардии хотела было уже удалиться, но ее удержали, и к ней подошел сам Меттерних. Он подошел к одному из членов депутации, Шерцеру, потрепал его по плечу и сказал: „Было бы прямо стыдно, если бы бюргеры в союзе с войском не сумели справиться с уличными бесчинствами“.

„Ваше сиятельство,—отвечал Шерцер,—это не уличные бесчинства, а—революция“¹⁾.

„Это неправда!—воскликнул Меттерних.—На самом деле народ подстрекают только жиды, поляки, итальянцы и швейцарцы“...

Одна за другой появлялись новые депутации, которые становились все настойчивее, и придворные увидели себя вынужденными согласиться на отставку Меттерниха...

Шерцер поспешил на Дворцовую площадь, взобрался на газовый фонарь и громовым голосом обратился к многочисленной толпе со словами: „Меттерних низвергнут, он смещен!“ Бурные крики радости приветствовали эти слова и облетели всю Вену; вечером город отпраздновал это торжество иллюминацией. В ту же ночь студенты вооружились и организовали знаменитый—„академический легион“...

Когда 13 марта в предместья донеслась весть о том, что в городе началось восстание, толпы рабочих, готовых к борьбе, устремились в город. Но перед ними закрыли ворота и не пустили их внутрь города. Раздраженные рабочие возвратились в предместья и, под влиянием возбуждения, в предместьях Фюнфгаузе и Зексгаузе, толпа подожгла дома фабрикантов, которые эксплуатацией заслужили ненависть рабочих, и разрушила на фабриках машины, лишившие массу рабочих последнего куска хлеба. Несколько сотен рабочих собрались толпой и разрушили машины на три мили в округе. Во всех домах, которые не были иллюминированы, толпа расшибала окна, а перед воротами устроила иллюминацию иного рода. На Гласисе и дальше до Шенбрунна толпа опрокинула газовые фонари, выворотила газопроводы и подожгла вытекающий газ; к небу взвились исполинские столбы пламени, высотой с деревья.

¹⁾ В день взятия Бастилии, 14 июля 1789 года, герцог де-Лианкур с такими же словами обратился к Людовiku XVI.

На Мариинской линии и в других местах толпа подожгла здания ненавистных таможен и мытных домов...

В бушующую толпу стреляли с валов и даже из пушек, но восстановить спокойствие все же не удалось. Правительство, в надежде увеличить пропасть между рабочими и бюргерством, предоставило городской гвардии усмирение беспорядков в предместьях. Арестовано было несколько сот рабочих...

В то время как городская гвардия и академический легион во всем вооружении маршировали со знаменами, на которых написаны были слова: „Братство народов! Порядок и Свобода! Свобода печати! Конституция!“ встречая всюду всеобщий восторг, в то время как актовъ зал университета становился центром движения, при дворе высиживались коварные замыслы, как отнять у народа сделанные ему уступки. На один момент камарилья опять восторжествовала и, хотя император Фердинанд, покинув свое убежище, повторял в семейном совете: „Я стрелять не позволю, а если вы прикажете стрелять, я уйду“,—тем не менее, 14 марта, в 3 часа пополудни, появилась прокламация, гласившая:

„В целях восстановления спокойствия, император решил возложить на фельдмаршал-лейтенанта, князя Виндишгреца, все необходимые полномочия и отдать в его распоряжение все гражданские и военные власти“...

Сначала венцы оцепенели от неожиданности; но затем из уст всего населения вырвался один гневный крик возмущения и народ стал готовиться к борьбе...

Вокруг дворца собрались многочисленные толпы народа, и время от времени к стенам неслись бурные возгласы: „Свобода печати! Конституция! Национальная гвардия!“ Во многих местах появились красные значки...

Ночью на стенах домов появился еще один плакат, об'являвший город Вену на военном положении.

Между тем, когда при дворе взвесили все возможные последствия борьбы с вооруженным народом, „осадное“ настроение опять сменилось другим. Камарилья, наконец, пришла к тому убеждению, что самое умное будет—„даровать“. Добрый Фердинанд пообещал дать конституцию и сделал прогулку по городу. Венцы повсюду встречали добросердечного императора единодушным восторгом. „Да здравствует император Фердинанд, не позволяющий стрелять!“...

Все кругом ликовало и блаженствовало, и добродушные венцы едва ли замечали в то время, что все почти приспешники Меттерниха остались на своих должностях, сохраняя свой сан, и что весь домартовский аппарат для дрессировки народов только на время отодвинут на задний план, но что он стоит наготове для применения его в позднейшее время...

(В. Блос. «История Германской революции 1848 года»).

МАНИФЕСТ АВСТРИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА.

„Мы, Фердинанд Первый, божиею милостью император австрийский и прочая и прочая, сделали в настоящее время распоряжение, которое мы признали необходимым, дабы удовлетворить желания наших верных народов.

„Нашим извещением об уничтожении цензуры, свобода печати гарантирована таким способом, как во всех государствах, где существует она.

„Национальная гвардия, построенная на основах собственности и интеллигентности, уже несет плодотворнейшую работу.

„Приняты необходимые меры к созванию, в самом непродолжительном времени, депутатов от всех провинциальных сословий и центральных конгрегаций ломбардо-венецианского королевства, с усиленным представительством гражданского сословия и соблюдением существующих провинциальных конституций, для обсуждения решенной нами конституции отечества.

„В виду этого мы с уверенностью ожидаем, что умы успокоятся, учение снова пойдет в регулярном порядке и вновь оживятся промыслы и торговля.

„Мы тем увереннее предаемся этой надежде, что сегодня, присутствуя среди вас, с умилением убедились, что вас и теперь, как искони, воодушевляют верность и преданность, каковые вы в течение столетий при всяком случае неизменно проявляли по отношению к нашим предкам, равно как и к нам“.

15 марта, 1848 г.

ВРЕМЕННЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ УСТАВ.

(11 мая 1848 г.).

§ 1. Сенат, число членов которого не может превышать 200, состоит из:

1) из принцев императорского дома, которых император по своему усмотрению назначает в члены Сената по достижении ими 24-летнего возраста;

2) из пожизненных членов, назначаемых императором, независимо от их положения и рождения;

3) из 150 членов, выбираемых значительнейшими землевладельцами из своей среды на весь срок до следующих выборов.

§ 18. Палата депутатов состоит из 383 членов. Выборы в нее основываются на численности населения и на представительстве интересов всех граждан.

§ 19. На каждые 50.000 жителей выбирается один депутат.

§ 24. Выборы депутатов производятся избранными выборщиками.

§ 31. При избрании выборщиков правом голоса и правом быть избранными пользуются: а) все австрийские граждане, без различия.

вероисповеданий, достигшие 24-летнего возраста; б) не подвергшиеся ограничению своих гражданских прав; в) проживавшие перед выборами в избирательном округе не менее шести месяцев; г) не имеющие избирательного права при выборах в члены верхней палаты. Рабочие, получающие поденную или понедельную плату, прислуга, а также лица, пользующиеся вспомоществованием в общественных благотворительных учреждениях, не могут выступать избирателями. ¹⁾

К РАБОЧИМ ВЕНЫ. ²⁾

„Несколько злонамеренных людей среди вас осмелились бесстыдными требованиями нарушить спокойствие города и тем самым нанести ущерб промыслам граждан, принесших столь тяжкие жертвы для вашей поддержки, и сделать для них невозможной заботу о ваших семьях, а тем более о вас самих. Национальная гвардия твердо решила не терпеть долее подобного бесчинства, удалять из вашей среды строптивых и подвергать их строгому наказанию. Мы ожидаем от вашей честности, что вы сами схватите таких нарушителей спокойствия и отдадите их в руки правосудия, не дожидаясь применения крайних мер, от которых на ряду с виновными могли бы пострадать и невинные. Вместе с тем надзирателям и чиновникам отдано распоряжение удалять с мест работы тех непризванных, которые выдают себя за депутатов, дают иногда самовольные обещания, которые не могут быть выполнены, а иногда пытаются возбудить недовольство. При этом мы обращаем ваше внимание на то, что всякий депутат должен иметь полномочие, снабженное печатью комитета граждан, национальной гвардии и студенческого“.

Комитет Общественной Безопасности.

16 июня, 1848 г.

¹⁾ Избирательный устав 11 мая и приказ о роспуске Центр. Комитета национальной гвардии послужил толчком к революционному выступлению в Вене в ночь с 14 на 15 мая.—16 мая правительство пошло на уступки, обещав признать учредительный рейхстаг и однопалатную систему.—В ночь с 17 на 18 мая император с семьей бежал из Вены в Инсбрук (Тироль). Мещанство, испуганное этим бегством, настояло на роспуске Ц. К. нац. гвардии. Тогда правительство, уверившись в своей победе, потребовало роспуска и академического легиона. 25 мая восстание повторилось с новой силой; построились десятки баррикад, рабочие предместий массами стекались на защиту студенчества. 26 мая правительство отменило приказ о роспуске легиона и подтвердило сделанные им 15 мая уступки. Вена оказалась в руках демократии и пролетариата, но они не воспользовались своей победой.

²⁾ Прокламация Комитета Обществен. безопасности (органа буржуазии) была выпущена по поводу волнений среди рабочих, занятых на общественных работах,—из-за низкой оплаты труда и постоянных вычетов.

СТУДЕНЧЕСТВО В РЕВОЛЮЦИИ.

(Воззвание к рабочим Вены).

„Дорогие рабочие! Со скорбью услышали мы, что некоторые из вас обратились к комитетам гражданской гвардии, национальной гвардии и студентам с неподобающими требованиями и даже с угрозами. Вы знаете, что мы всегда хорошо и честно относились к вам: мы делали все возможное, чтобы облегчить вашу участь, и жители Вены принесли значительные жертвы для вашего блага. Так как некоторые из вас вели себя таким заслуживающим порицания образом, то мы заявляем вам, что никогда не будем поддерживать несправедливых требований. Со времени майских дней вы блестяще держались, как честные и здравомыслящие люди. Поэтому мы думаем, что только отдельные лица позволили дурным, преимущественно чешским подстрекателям, совратить себя. Мы надеемся, что вы последуете нашему дружескому, но серьезному, предостережению. Мы заявляем также самым решительным образом тем из вас, которые все-таки не перестанут восставать против порядка, что мы всеми находящимися в нашем распоряжении силами будем поддерживать соединенный комитет граждан, национальной гвардии и студентов в их действиях“.

16 июня, 1848 г.

НАШ УНИВЕРСИТЕТ.

Кто там подходит бодро, ясно?
 Блестает знамя и стилет,
 А барабан гремит так властно:
 Наш университет.
 Молили света мы, как дара.
 Напрасно! Но отрадный свет
 В сердцах блеснул огнем пожара:
 Наш университет...
 С времен Иосифа на слово
 Они ковали злой запрет.
 Боец разбил его оковы—
 Наш университет.
 Взгляните в лица тех, что пали
 За луч свободы в цвете лет.
 Кто первой жертвой был? Узнали?
 Наш университет!..
 Когда-ж историю народа
 Возьмет потомство, как завет,
 Прочтет повсюду: где свобода,
 Там университет. ¹⁾

Людвиг Френкель.

¹⁾ Стихотворение было написано в первые дни революции, в марте 1848 г.— Помещаем его не в порядке хронологии, чтобы ярче сопоставить его с предыдущим воззванием.

БУРЖУАЗИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ В ВЕНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В августе наступил, наконец, взрыв.

19 августа, в час раздачи платы, Шварцер велел об'явить на всех рабочих пунктах, что с будущей недели поденная плата будет понижена для женщин до 15 крейцеров, а для детей до 10 крейцеров...

Об'явление было встречено на рабочих пунктах с ропотом... Было решено отправить в понедельник депутации ко всем регулярным и революционным властям и заявить о желательности отмены распоряжения об уменьшении платы; в случае безуспешности этого шага начать всеобщую забастовку. Таким образом, в понедельник 21-го августа, рабочие и, главным образом, работницы потянулись массами с своими партийными знаменами в центр города, прежде всего к Комитету Общественной Безопасности; как просители, они не взяли никакого оружия. Здесь с трудом их успокоили и уговорили подождать решения министра, которое принесет депутация, только что посланная к нему комитетом. Через час депутация принесла ответ: министр отказался отменить свое решение. Это вызвало бурю негодования...

Между тем в город двинулись новые толпы рабочих, чтобы в других местах добиться удовлетворения своих желаний. Одна партия направилась к университету, куда распространившийся повсюду слух о замышляемом распусшении легиона привлек громадную толпу народа, который хотел в этом случае прежде всего предложить студенческому комитету самоотверженную помощь всего рабочего населения, а затем уже жаловаться на причиненную самим рабочим великую несправедливость. Комитет предостерегал рабочих от всякого сопротивления и рекомендовал вступить на узаконенный путь петиций. Другая партия уже вступила на этот путь и отправила из своей среды депутацию к министру Шварцеру, который, однако, коротко и ясно заявил ей, что никакая сила не принудит министерство к уступке; напротив, все будет пущено в ход против непокорных. Для вящего вразумления относительно намерений правительства, министр напомнил депутации о судьбе парижского пролетариата.

Третья партия,* самая многочисленная и настойчивая, пред'явила свои требования магистрату и рабочему комитету и устроила там кошачий концерт... Около полудня вся толпа рабочих получила известие о том, что все ее посланные потерпели неудачу; однако, рабочие не расходились с площади... Вследствие этого, страх перед эксцессами так возрос, что многие лавки в посещаемых рабочими частях города были закрыты и, наконец, по всей Вене барабаны забили тревогу. По приказанию коммунального комитета была вызвана военная сила... Гвардия и гражданская милиция центральной части города с радостью из'явили готовность поосновательнее расправиться с „рабочей сволочью“. Вместе с выдвинутой пешей и конной стражей безопасности, выстроились они против рабочих, которые с достаточной непочтительностью призывали на голову „вооруженного народа“ всевозможные оскорбительные проклятия, но не обнаруживали ни малейшего желания отступить с площади. Тогда

в ход была пущена сила; толпа с воплем рассеялась, после отдельных попыток остановиться и оказать сопротивление, рабочие должны были окончательно отступить; около четырех часов пополудни внутренний город был почти очищен от пролетариата...

В среду, 23 августа, рано утром разнесся слух, что занятый на земляных работах на Пратере пролетариат намеревается устроить демонстрацию, направленную против министра общественных работ. Около полудня со стороны Пратера двинулась, как осуществление этого намерения, странная похоронная процессия. Мужчины и женщины, последние подняв кирки и лопаты, как факелы, шли за носилками, на которых лежала кукла из глины, прикрытая лохмотьями; с груди ее спускался лист с надписью: „министр за крейцер“; они рассказывали всем встречным, принимая скорбную мину, что бедняга проглотил четыре крейцера, а на пятом подавился. Участники процессии намеревались пройти через Егерцейле и внутренний город, но когда они достигли Пратера, то несколько легионеров и гвардейцев склонили их вернуться обратно, на рабочие пункты через улицу Францева моста. Поворачивая туда, они столкнулись с отрядом стражи безопасности, который хотел остановить их движение; дело началось с горячей перебранки, затем перешло в схватку; в ход было пущено оружие и инструменты.

Тем временем и во внутреннем городе ударили тревогу и, так как распространилась весть, будто рабочие разбили гвардию и уже ломаются в ворота, то население охватило панический ужас, все побежало с улиц, двери домов и лавки были закрыты. Повсюду выступила национальная гвардия, конная стража безопасности вскачь пустилась к Красноворотской башне. Навстречу ей уже в Егерцейле попались повозки, наполненные ранеными, и длинные ряды захваченных в плен пролетариев, которых конвоировали гвардейцы. Между тем битва началась снова в более широком масштабе, так как рабочие, обращенные в бегство, собрались опять и получили значительное подкрепление от своих товарищей из-за Таборской Линии.

Подходили все новые подкрепления из гвардии центральной и других частей города; прибыл также для подкрепления эскадрон кирасир; наконец, место битвы было совершенно окружено, осажденные пролетарии вполне изолированы. Легион держался вдали от бойни и ограничился тем, что занял университет и прилегающие улицы. Около 7 часов вечера гвардейцы и полицейские возвратились в центральную часть города, как с победоносного сражения, украсив шляпы цветами и зелеными ветками и с торжествующим видом размахивая значками рабочих. Их приветствовали громкими криками восторга. Сила сопротивления рабочих была сломлена. По официальным сведениям их потери достигли 282 раненых и 18 убитых, „защитники порядка“ потеряли 56 раненых и 4 убитых.

(Макс Бах.—Австрия в первую половину XIX века).

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ.

К моим народам!

Когда предерзостные деяния, совершенные в Вене 6 октября, заставили меня покинуть город, презратившийся в вертеп самых диких и презренных страстей, я еще мог предаваться надежде, что преступное помешательство части венского населения не будет продолжительным. Я мог ожидать от столь здравого и правомерного вообще смысла жителей моей столицы, что они окажут посильное содействие тому, чтобы в кратчайшее время восстановить уважение к забытым законам, подвергнуть преступников заслуженной каре и водворить в городе нарушенную безопасность для жизни и собственности. Это ожидание было обмануто. Но только потому, что зачинщикам мятежа в Вене, посредством террора, которому в истории существует лишь один равный пример, удалось укрепить свою узурпированную власть над отчасти парализованным от страха, отчасти погруженным в дикий угар, городом и, таким образом, предотвратить в стенах Вены возвращение к законности; нет, и за стенами города с возрастающим успехом распространялись зловередные проявления их анархических стремлений. С соседней провинцией, находящейся в открытом восстании, были завязаны изменнические сношения; по всем частям моего государства разсланы гонцы, дабы под лицемерным предлогом, будто бы дело идет о защите угрожаемой свободы— даже там, где порядок до сих пор не был нарушен, воздвигнуть знамя бунта и предать ужасам анархии, гражданской войны и гибели мои неизменно мирные земли, жаждущие законного развития свободы. Со дня моего восшествия на трон благо моих народов было задачей моей жизни. Сие некогда засвидетельствует история моего правления, история последних семи месяцев в особенности. Но было бы равносильно измене возложенному на меня провидением долгу, если бы я далее стал терпеть крамолу, которая ведет трон и монархию к краю гибели и, на место предоставленной мною конституционной свободы, стремится создать состояние безграничного господства насилия. Памятуя сей долг, я, с сердцем, обливающимся кровью, вижу себя вынужденным выступить, как в моей столице, так и повсюду, где проявится мятеж, бесстрашно под'емлющий теперь свою главу, и бороться с ним, пока он не будет совершенно раздавлен, пока не восстановится порядок, спокойствие и законность и пока не будут преданы в карающую руку законности убийцы моих верных слуг, графов Ламберга и Латура. Дабы достигнуть этой цели, я из различных частей монархии посылаю боевые силы против Вены, центра восстания, и возлагаю на моего фельд-маршала-лейтенанта князя фон-Виндишгреца главное командование всеми войсками во всех моих государствах... В то же время я снабжаю поименованного князя соответствующими полномочиями, дабы он, по собственному усмотрению, мог в возможно короткое время завершить дело мира в моей империи. По подавлении вооруженного восстания и восстановления спокойствия, задачей моего министерства будет, по

соглашению с членами учредительного рейхстага, урегулировать прессу, ведущую себя до сих пор с необузданным злоупотреблением, право союзов и народное ополчение и создать, таким образом, состояние, которое, не посягая на свободу, должно обеспечить закону силу и уважение. Возвещая моим народам эти постановления,—принятые мною с неуклонной решительностью в сознании моих обязанностей и моих прав, я уповаю на искреннее и энергичное содействие всех, кому дороги благо их императора, их отечества, их семей и истинная свобода, и кто увидит в моем теперешнем решении единственный путь для того, дабы предохранить монархию от распада, а самих себя от ужасов анархии и разложения всех общественных связей ¹⁾.

Фердинанд.

16 октября 1848 г.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ.

(Из письма Р. Блюма).

„Воодушевление и воинственный пыл в Вене неописуемы; каждый час переживаешь годы, когда видишь это душевное величие. Жизнью не дорожат нисколько, спокойно рассказывают на форпостах и перебрасываются пулями, точно хлебными шариками после веселого обеда... Здесь имеется теперь около 100.000 вооруженных людей; против них стоят 72.000 солдат, но там опытные воины, здесь граждане. Зато там—оплата, здесь воодушевление и энергия борьбы. Особенно достойны удивления рабочие; ради буржуазии, никогда ничего им не давшей, они готовы идти на смерть. Впрочем, это не ради буржуазии, а ради чего-то большего, потому что в Вене решается судьба Германии, а, может быть, и Европы! Если революция победит здесь, она возобновит свое победное шествие; если она будет побеждена,—надолго для Германии наступит спокойствие кладбища, хотя и тирания этим не укрепит своего положения, потому что ее солдаты могут революционизироваться раньше, чем пройдут 6 месяцев. Поляки верны, как золото, их ряды с каждым днем увеличиваются и они составляют лучший отряд. Генерал Бем, защитник Варшавы (1831 г.), командует артиллерией. Если бы только не было желудка! Базары совершенно пусты и легко себе представить, что это значит при 450.000 населения...

Вена, 20-го октября, 1848 г.

(В. Либкнехт. Р. Блюм и Революция 1848 г.).

¹⁾ Австрийское правительство, в расчете покончить с революцией, воспользовалось национальной распрей, между мадьярами и славянами. Фердинанд I издал приказ о роспуске венгерского сейма и двинул на Венгрию хорватское войско, под начальством Еллачича. Для Вены было ясно, что разгром Венгрии повлечет за собою и ее собственную гибель. 6 октября 1848 г. в Вене вспыхнула революция. 7 — Фердинанд бежал в Ольмюц, где вокруг него сконцентри-

АГОНИЯ ВЕНЫ

На крестьянском рынке мы внезапно услышали звук тревоги, производившей в высшей степени возбуждающее впечатление среди грома пушек, треска разрывающихся гранат и летящих отовсюду осколков. На Гогенмаркте мы увидели, откуда исходил этот треск. Эта площадь была пуста, как и все остальные площади и улицы в тот момент, жители попрятались в подвалах или во внутренних комнатах домов. Через большую, вымершую от людей, площадь проходил пятидесятилетний пролетарий, впереди которого шел маленький мальчик десяти лет. Мальчик нес большое черно-красно-желтое знамя, старик бил в барабан. Он не оглядывался ни направо, ни налево; бомбы летели через его голову и разрывались то впереди, то позади его. Он продолжал идти своей дорогой мерным шагом и бил генерал-марш; и он бил с такой силой, будто хотел пробудить от смертного сна вымерший мир. Мальчик со знаменем спокойно шествовал впереди, а старый шагал и бил в барабан. Мы замерли при этом зрелище, и слезы выступили у нас на глазах. „Милый друг,—сказали мы ему, наконец,—оставьте это—теперь все кончено“.—„Нет,—ответил старик—они должны выйти, они должны еще раз выйти, дело не должно погибнуть“,—говоря это он шел все вперед и бил в барабан с такой силой, что заглушал грохот пушек, а мальчик спокойно нес свое знамя, оглядываясь по сторонам, не идут ли „они“. Они не пришли!...

Вечерние сумерки уже спускались на землю, когда мы снова пришли ко рву. Пушки вдруг смолкли, наступила полная тишина. Минут через десять с Кольмаркта прошло около 30 студентов и рабочих; они быстро пробегали через ров по направлению к площади Стефана... Еще через несколько минут пришел Бехер со шпагой в руках, в сопровождении еще меньшей кучки людей. Они, повидимому, бежали от австрийцев... Не более как через две минуты после Бехера на площади Грабена появлялись австрийцы. Сначала появился маленький отряд из 12 человек с ружьями наперевес... Они пугливо озирались направо и налево на окна и, не переставая, выкрикивали; „здорово, друзья! здорово, друзья!“... Народ, внезапно окруживший их со всех сторон, держался тихо. Но тут случилось нечто поразительное. Как по данному знаку открылись сотни окон, которые в течение трех недель так закрыты и завешены были, как будто они принадлежали вымершим жилищам,—в них показались люди—сотни носовых платков замахали навстречу солдатам, со всех сторон раздалось громовое: „Да здравствует император!“ Это явилось сигналом для народа: оглушительный свист раздался в ответ на лойальные крики, даже со стороны победителей, которые как раз в то время начали, хотя и весьма

ровался весь лагерь контр-революции.—Венграм удалось сдержать натиск хорватских войск и двинуться на помощь восставшей Вене. Но бесконечные переговоры и колебания депутатов рейхстага и всеяд й движения затормозили дело. Помощь венгров опоздала. 28 октября Виппингрец начал осаду Вены. Несмотря на героическую защиту города рабочими предместий и студенческими легионами,—1 ноября Вена пала.

осторожно еще, свое победоносное шествие. А свистящая толпа сопровождала победителей до Шток-ам-Эйзенплаца. Оттуда раздалось еще несколько выстрелов. Они были сделаны Бехером. Из засады он встретил победителей залпом внутри побежденного города. Затем наступила тишина. Спустилась ночь. Над великой драмой спустился занавес и началась оргия победы.

(Гартман.—«Октябрьские дни в Вене». См. В. Блос, История Германской Революции 1948 г.).

ВЕНГЕРСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ.

(19 апреля 1849 г.).

Веря в справедливость бога и цивилизованного мира, опираясь на естественные права нашей нации и на силу, какую она обнаружила в своих испытаниях, по долгу самосохранения, присущему всем нациям, мы об'являем и решаем нижеследующее от имени нации, которую мы законно представляем.

1. Венгрия об'является свободным и независимым европейским государством, включая Трансильванию, которая с ней законно воссоединяется, и все зависимые земли, области и провинции Венгрии.

2. Дом Габсбургов Лотарингских, который собственными руками уничтожил Прагматическую санкцию ¹⁾ и нарушил все связи, существовавшие, благодаря взаимным договорам, между ним и Венгрией и притом путем измены, клевкопреступления и применения оружия против венгерской нации; дом Габсбургов, осмелившийся покуситься на расчленение страны путем отделения от Венгрии Трансильвании, Крoации, Славонии, Фиуме и Побережья, не останавливаясь даже перед помощью армии иностранного государя ²⁾ для уничтожения независимой жизни страны; названный дом Габсбургов Лотарингских настоящей декларацией от имени нации навсегда лишается власти над Венгрией, Трансильванией и над всеми зависящими от них областями и провинциями, изгоняется из страны и лишается гражданских прав.

Следовательно, в силу настоящей декларации от имени нации, он об'является низложенным, лишенным трона и изгнанным.

3. Венгерская нация, возвращаясь в европейскую семью, как свободное и независимое государство, в силу своих неоспоримых прав, об'являет в то же время, что она намерена сохранить и поддержать мир и добрососедские отношения с народами, которые некогда были подданными того же государя, что она и заключит союз со всеми другими нациями, поскольку этим не будут нарушаться ее собственные права.

¹⁾ 1723 г. Она гарантировала венграм сохранение «всех документальных и иных прав, свобод, привилегий, иммунитетов, таможен, прерогатив и законов, уже существующих и учрежденных или имеющих быть установленными настоящей и будущими палатами».

²⁾ Николай I.

4. Национальное собрание установит форму правления во всех его деталях, но пока смогут быть проведены эти мероприятия, Людвиг Кошут, единодушно избранный представителями нации президентом правительства, провозглашается правителем-президентом с поручением ему правительственной власти на всем протяжении страны через таких министров, каких он пожелает избрать, за его и их ответственностью.

Поручая правительству Венгерского государства осуществить и опубликовать наше настоящее решение, мы облакаем его властью, необходимой для этой цели, и именем нации предписываем всем гражданам повиноваться его приказаниям и указаниям ¹⁾).

Дано палатой в заседании 19 апреля 1849 года в Дебречине.

Законно созванные магнаты и представители венгерской нации.

Подписали:

Барон Сигизмунд Переньи,
второй президент палаты господ.

Павел Альмаши,
товарищ председателя палаты депутатов.
Эмерик Сацвай,
секретарь.

¹⁾ После разгрома Вены, австрийское правительство все свои силы направило на Венгрию. Тем временем Фердинанд I, под давлением придворной камарильи, отрёкся от престола, и 2 декабря 1848 г. его место занял Франц-Иосиф. Венгерский сейм не признал этого короля; династия Габсбургов была объявлена им низвергнутой. Временным диктатором был избран Кошут. Война продолжалась успешно для Венгрии, пока не вмешался «жандарм Европы» Николай I. 4 июня 1849 г. русские войска перешли границу. Венгерские инсургенты не могли устоять под натиском австро-русских сил и 13 августа 1849 г. все было кончено. Для всей Европы наступила эпоха самой черной реакции.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Революция в Италии в 1848—49 г.г.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ В НЕАПОЛЕ.

... Король сидел взаперти в своем дворце, окруженном солдатами и пушками. Министры, чтоб дать залог народу, велели в силу амнистии освободить политических арестантов из С. Эльма, кастель Дель'Ово и других мест заключения. Народ толпился у тюрем в день их освобождения. Выходя из ворот, они встретили своих друзей и либеральную часть населения; их окружили и повели торжественным шествием по улицам Толедо. В кафе „Европа“ был приготовлен для них пышный обед. Народ толпился у окон кафе. Граждане теснились, чтобы увидеть бледные, истомленные лица колодников, давно отвыкнувших от надежд, давно сдружившихся с мыслью о палаче, галерах... Им жмут руки, приветствуют, а вчера боялись произнести их имена, как будто в самом звуке уже слышалась беда, соприкосновенность к делу, пытка...

Одиннадцатого февраля, часа в три перед обедом, Санта Лучия покрылась народом, который бежал на дворцовую площадь, с криком: „Он подписал!“ Пошел и я. „Да здравствует конституционный король!“ раздалось и не умолкало минут десять, шляпы летели в воздух, народ сошел сума от радости. Король с открытой головой, в длинном зеленом пальто, кланялся народу, низко, очень низко. Толпа хлынула от дворца на Толедо. Что тут было в этот вечер, невозможно описать... Люди с восторгом в глазах, с разгоревшимся лицом, со слезами бросались друг другу в объятия... нарядные дамы ехали, стоя в колясках с факелом в руках и с криками: „Да здравствует свобода!“ Полуголые мальчишки прыгали среди улицы и распевали во всю глотку... Живость и комизм неаполитанцев не могли не отразиться на таком празднике; они с хохотом и кривляньем, бросая башмак на воздух и ловя его ногой, кричали: „Да здравствует конституция и макароны...“

Я видел, как король присягал новому уложению в соборе С. Франческо ди Паоло. Он формулу присяги прочел громко, но лицо его имело скверное выражение...

Когда он вышел из собора и стал садиться на лошадь, он потихоньку перекрестился: трус и ханжа,—как же ему не быть тираном...

(А. И Герцен.—«Письма из Франции и Италии»).

ПЯТИДНЕВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МИЛАНЕ.

(18—22 марта 1848 г.).

Все было готово к большому восстанию, когда миланцы узнали ночью с 17 на 18 марта, что в Вене вспыхнула революция.

Манифест, подписанный графом О'Доннелем, вице-президентом правительства, окончательно разъяснил жителям, что в Вене начинают понимать размеры угрожающей опасности.

„Представители правительства его императорского и королевского величества считают своим долгом довести до сведения общества содержание депеши от 15 марта, полученной из Вены по телеграфу и пришедшей в тот же день в Цппли, а вчера в Милан.

„Его величество приказал уничтожить цензуру, приказал обнародовать законы о печати, а также созвать представителей своих немецких и славянских владений и центральные конгрегации Ломбардо-венецианского королевства.

„Собрание состоится не позднее 3 июля этого года“.

Вице-президент граф О'Доннель.

Милан, 18 марта 1848 г.

Австрийское правительство само шло на уступки; венское правительство само, повидимому, просило у миланского заселения! Оно думало, что таким путем успокоит миланцев, но оно лишь подало знак к борьбе.

Как только воззвание графа О'Доннеля было расклеено по стенам города, как со всех сторон начали рядом с манифестом прибывать другой анонимный манифест.

Требования ломбардских итальянцев.

I. Уничтожение старой полиции и назначение новой полиции, непосредственно зависящей от городского управления.

II. Уничтожение кровавых законов и немедленное дарование свободы заключенным по политическим причинам.

III. Временное регентство в королевстве.

IV. Немедленное введение свободы печати.

V. Собрание городских советов для выбора депутатов в национальное собрание, которое должно быть созвано в самом скором времени.

VI. Образование национальной гвардии под начальством городского управления.

VII. Австрийским войскам в случае нейтралитета гарантируется безопасность.

В три часа в аллее Рабов!

Со всех сторон толпы народа сбегались и накинлись на дворец губернатора... Народ бросился в покои графа О'Доннеля...

Гражданин Чернуски спас австрийского губернатора, заставив его водрузить итальянские цвета и потребовав, чтобы он издал ряд распоряжений, которые городской совет тотчас же расклеил по стенам.

Милан, 18 Марта 1848 г.

Вице-президент, в виду крайней необходимости поддержать порядок, разрешает муниципальному совету вооружить национальную гвардию.

Полицейская гвардия тотчас же выдаст свое оружие муниципальной гвардии.

Подписано: граф О'Доннель.

Губернатор О'Доннель подписал все, что только велели ему подписать, он был пленником вождей восстания; но это была очень жалкая победа, так как предстояла борьба с военным губернатором, фельдмаршалом Радецким и с войсками, которыми он командовал.

Весь вечер 18 марта Радецкий употребил на то, чтобы придать мужество своим войскам и приготовиться к битве. Он поспешно занял все бастионы, отделив таким образом Милан от окружающей Кампани. Он поместил в знаменитом миланском соборе тирольских стрелков, которые поднялись под самую кровлю, устроили засаду за тысячью мраморных выступов в колоколенках храма и начали стрелять из своих нарезных ружей в дома граждан...

Миланское население приняло и даже вызвало битву с героическим восторгом; оно далеко не могло равняться силами с австрийцами; в первую ночь с 18 на 19 марта у миланцев было не более 300 или 400 ружей. В течение всей этой ночи граждане вооружались всем, что только могло служить оружием—пиками, кинжалами; все улицы и проходы были завалены баррикадами. Химики приготавливали пироксилин; многие дамы, собравшись во дворце Борромео, плавил свинец и отливали пули. Многие граждане надували шары и пускали их на воздух, прикрепив к ним записки, призывающие к восстанию загородные местности...

На другое утро военный совет приказал распространить в городе прокламацию, которая об'являла сражающимся, что вся Ломбардия следует их примеру. Это известие произвело то впечатление, какого ожидал военный совет. Народ с неудержимой силой бросился на Бролетто, который был взят приступом...

Фельдмаршал приказал удвоить пушечную пальбу. Пули и бомбы свинцовым дождем падали на город; но это была лишь демонстрация, целью которой было скрыть решение фельдмаршала отступить. Часы Радецкого были сочтены, надо было пользоваться временем для бегства, если он не желал вместе со всем гарнизоном попасться в плен. С чрезвычайным трудом после десяти часовой борьбы, полки Радецкого очутились за городом. Милан был свободен...

Когда Радецкий вышел за стены Милана, он обернулся к городу и грозно крикнул: „Мы скоро увидимся!“..

(Эли Сорэн.—«История Италии»).

КОНЕЦ МИЛАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

4 августа Радецкий во главе тридцатипяти тысячной армии был уже в виду Милана, и австрийская армия сумела уже привести себя в порядок, между тем как солдаты Карла Альберта, по обыкновению, были голодны и отвратительно распределены. В этот же день к 3 часам пьемонтская армия была разбита и бежала в Милан.

С утра этого дня народные массы требовали постройки баррикад, крича, что надо ударить в набат и созвать всех на защиту родины...

Между тем, Карл Альберт, самолично явившийся в город, созвал военный совет.

В то время, когда миланцы взламывали мостовые и стаскивали все, что можно, чтобы соорудить баррикады, раздавали оружие и готовились умереть раньше, чем сдаться,—генералы Карла Альберта единодушно и равнодушно постановили, что город защищать нельзя.

Ночью—тайно от миланцев—два генерала были посланы к Радецкому и подписали капитуляцию.

Наступил день 5 августа. Баррикады были закончены и миланцы готовились биться до последней капли крови. Вдруг разнесся слух, что король предал Милан и что пьемонтцы капитулировали.

Со всех сторон раздались проклятия и крики гнева. Большая взбешенная толпа собирается вокруг дворца, откуда в это время выезжает коляска Карла Альберта. Народ отпрягает лошадей и вдребезги разбивает экипаж. Он требует короля к себе. Бледный от страха, злополучный король появляется перед народом. Он говорит разные печальные слова: „ему де жаль жизни миланцев, он боится, что город будет сожжен, он исполняет свой долг“. Но народ кричит: „смерть или свобода“ и „король колебаний“, изменяя себе и своим генералам, заявляет: „Вы хотите сопротивляться? Хорошо, я останусь с вами и буду погребен под развалинами вашего города“.

Между тем, как толпа разбегается с известием, что сопротивление будет продолжаться, архиепископ и несколько именитых граждан отправляются уговаривать короля быть верным прежнему решению. И вот борцы баррикад узнают через час или два, что капитуляция—несмотря на помпезные обещания Карла Альберта—все же подписана... Толпа опять бросилась ко дворцу и окружила его кольцом баррикад. Раздавались крики: „Смерть королю изменнику!“ Но наступила ночь. Часовые начинают стрелять в граждан Милана. Революционеры отвечают выстрелами в окна дворца. Через задние ворота, с двумя своими сыновьями, Карл Альберт трусливо бежит из города... Вслед ему несутся проклятия и пули...

Множество миланцев не пожелало отдаться австрийцам, и вместе с голодной отступающей армией пьемонтцев шла громадная, мрачная, отступающая толпа миланцев с женами и детьми...

(А. Луначарский. «Революция 1848 г. в Италии»).

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ.

(В Неаполе).

Папа Пий очень не желал воевать. Только грозная народная волна принудила его благословить знамена волонтерской армии, во главе которой стал генерал Дурандо. Но и тут с самого начала уже Пий IX воспретил ему переходить границу до того, как положение выяснится...

Вслед за папой изменил общему делу неаполитанский король.

После самоосвобождения Ломбардии и Венеции ¹⁾ и... переворота в Неаполе... король вынужден был разрешить популярному генералу Пэпэ, бывшему карбонарию, собрать значительную армию, частью из волонтеров, частью из некоторых отрядов регулярных войск. Пэпэ выступил на помощь в Венецианскую область. Но король уже тогда, вместе с чиновниками, делал все от него зависящее, чтобы саботировать войну... Король, опытный реакционный демагог—подогревал ненависть лаццарони не только к имущим классам, но и к трудовому населению. Камарилья, офицеры, попы действовали во всю.

15 мая должен был впервые собраться парламент. Король придумал такую форму присяги, которая заранее лишала конституцию всякой силы. Парламент не соглашался. Народ волновался. Было построено несколько баррикад... Фердинанд сознательно провоцировал народный мятеж, будучи уверенным, что он подготовил для революции достаточную ловушку. Выждав момент, когда на площади против дворца собралась довольно большая толпа, король выставил против них наиболее верные части своих войск и в особенности своих наемных швейцарских телохранителей, при чем перевес на стороне короля был до того очевиден, что только безумцы при таких условиях могли решиться принять бой. Но раздраженные либералы и радикалы, неаполитанское пылкое студенчество, ремесленники и рабочие не желали отступать... Начался не столько бой, сколько избиение. Войска не давали пощады! Фердинанд, свесившись с перил своего балкона науськивал их, как собак на зайцев. Священники, с распятиями в руках, во главе больших бант, вооруженных ножами и пистолетами лаццарони, с характерным криком: „Смерть нации!“ бросились на отступавших и разбегавшихся революционеров. Видя, что в городе начинается грабеж и всюду совершаются убийства, министры потребовали от короля прекратить битву, на что король с свойственной ему наглой улыбкой отвечал: „Дело начато, надобно его кончить“. Министры обратились к дипломатическому корпусу, прося лорда Нэпира, английского посла, бывшего старшиной корпуса, вмешаться, но Нэпир умыл руки. Город загорелся со всех концов. Пьяные лаццарони, с дикими криками, бандами сновали по городу и, не разбирая либералов от мирных жителей каких угодно воззрений, просто грабили.

¹⁾ В Венеции революция началась 17 марта 1848 года—вождем ее был республиканец Малин. 23 марта провозглашена республика. 27 августа 1849 г., побежденная превосходными австрийскими силами, голодом и эпидемией холеры—Венеция пала.

Палата, как и надлежит всякой палате, „заседала“ в это время, воображая, что величаво напоминает Римский сенат своим спокойным протестом. Наконец, отряд солдат явился в зал заседаний и разогнал штыками и прикладами болтунов. Фердинанд издал прокламацию, в которой писал: „Палата будет созвана снова. Ее твердость, мудрость и благоразумие помогут мне, ибо я нуждаюсь в мудрых советах в деле полезных реформ. Население призывается вернуться к обычным занятиям“.

Разгром Неаполитанской республики Фердинандом далеко не был окончательным и, к его удивлению, палата, вновь собранная в середине июня, оказалась почти сплошь либеральной. В сентябре король решился нанести новый удар своей столице и напустить лаццарони квартала Санта-Луччия, в виде демонстрации, на палату и город. Но ремесленники и рабочие кварталов Монте-Кальварियो на этот раз сплошной стеной бросились на лаццарони, которые, конечно, разбежались. Весьма возможно, что Фердинанду отлились бы слезы Неаполя и Сицилии, но к тому времени Австрия уже одолела северную Италию и это придало неаполитанской реакции духу.

Король распустил палату и совершил окончательный черный переворот.

(А. Луначарский.—«Революция 1848 г. в Италии»).

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

(19 февраля—1-го июля 1849 г.).

Республиканский заговор рос. Затибрский квартал, населенный рабочими и ремесленниками, сделался центром республиканского движения.

Громадные толпы солдат и граждан, которые возглавлялись несколькими представителями крупной буржуазии и аристократии, произвели 18 ноября демонстрацию перед окнами папы. Пий заявил, что не желает входить в переговоры с „бунтовщиками“ и предпочитает „мученический венец“. Швейцарцы начали стрелять в толпу... Римляне ответили швейцарцам стремительной атакой. Папский двор охватил смертельный ужас. Мученический венец в последний момент не улыбался Пию и, с кротким вздохом заявив, что уступает насилию, он поручил создать министерство вождю римских радикалов Стербини.

Это решение папы толпа приветствовала громкими криками радости. Но, конечно, папа сдался только внешне. 24 ноября, в каком-то маскарадном костюме, папа выбрался из своей столицы и помчался к гостеприимному Фердинанду Бурбонскому. Там к нему приставлен был самый подлый и хитрый из кардиналов—Антонелли. Папа Пий... предал проклятию римское временное правительство и, поручив Антонелли свои светские дела, заявил, что хочет отдаться размышлению о духовных предметах...

Папа писал письма своему дорогому сыну, императору австрийскому, который обещал ему помощь; но такую же помощь сбежал ему и республиканец Кавеньяк... Папа заигрывал со всеми. Правым глазом он подмигивал австрийцам, левым французам, а Джоберти, тогдашнему министру Карла Альберта, обещал короновать его короной северной Италии.

Из Рима выехали почти все богатые люди, весь пышный двор. Народ как-то испугался этого. Примчавшийся в декабре в Рим Гарибальди был встречен холодно. Но в январе 1849 г. выяснилось уже, что Рим и римские провинции изверились в умеренных, что агитация радикалов возымела свое действие, и народ склонен к решительным мерам. 5 февраля собралось Римское Учредительное Собрание. Несмотря на то, что во время выборов лишь очень немногие выдвинули республиканскую программу, несмотря на то, что сами выборы были прокляты папой, палата пользовалась влиянием и в то же время, 120 голосами против 22-х, объявила папскую власть уничтоженной, а Рим провозгласила республикой...

Орудием коварной и подлой политики Наполеона ¹⁾ был маршал Удино. Он был направлен во главе значительных французских сил в Чивита-Веккию водворить порядок в Римской республике. Мадзини предписал во чтобы то ни стало сопротивляться высадке французов, которых так жаждали в качестве друзей и которых увидели, наконец, врагами... Удино высадил войска. Между тем, австрийцы уже приближались к границе Римской республики...

Удино начал приступ с обмана. Он объявил перемирие до 4 июня, но ночью на 3-е захватил два римских форпоста. Кардиналы умоляли Удино бомбардировать город... Характерно, что церкви, бывшие до сих пор полными в Риме, стояли теперь пустыми...

Мадзини проявлял нечеловеческую энергию... Наконец, 1 июля сам Гарибальди заявил, что держаться больше нельзя...

Клерикальная тирания вернулась в город. Мадзини никуда не скрылся, он бесстрашно ходил по улицам, пока не был схвачен. Гарибальди собрал 3.000 храбрейших и отступил от Рима куда глаза глядят. Французы и австрийцы преследовали его, крестьяне нападали на него...

(А. Луначарский. «Революция 1848 г. в Италии»).

¹⁾ Впоследствии Наполеон III, в то время президент Французской республики.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Революционное движение в Англии в 1848 г.

МАРТОВСКИЕ ДНИ.

Известие о французской революции вызвало панику среди представителей деспотизма и наполнило надеждами демократов... В Лондоне был собран большой митинг... Было решено послать парижскому народу адрес, принятый в одно и то же время комитетом национальной чартистской ассоциации, ¹⁾ демократическим братством ²⁾, советом чартистских делегатов и публичным митингом в зале Германского общества.

2 марта состоялось бурное собрание в Ламбете; присутствовала тысяча человек... Была принята резолюция, протестовавшая против вмешательства английского правительства в дела Французской республики... За этим митингом, на той же неделе, последовали другие. В закрытых помещениях больше нельзя было собираться, так как залы не могли вместить десятки тысяч народа. Огромные митинги устраивались под открытым небом, в самом Лондоне, и на них говорили обычные ораторы...

В провинциях события стали принимать угрожающий характер. В Глазго царствовала самая ужасная нищета... 6 марта произошло серьезное восстание...

Безработные... пошли по главным улицам, разбивая оружейные и колониальные лавки... Все дела остановились, лавки были заперты, и народ останавливался, крича: „Хлеба, или революции!“ Полиция оказалась бессильной и пришлось вызвать военные силы. Был прочитан акт о мятеже, но в это время другие волны народа собирались в других местах и входили в лавки, требуя хлеба...

На следующий день народ собрался в Бриджитоне, где стояла наготове вооруженная милиция. Какой-то мальчик бросил комом грязи в одного из милиционеров. Он был арестован. Народ бросился освобождать его, и тогда начальник полиции велел стрелять... В Манчестере

¹⁾ О чартизме см.: Хрестоматия. Ч. I.

²⁾ Союз братских демократов, основанный при участии Ф. Энгельса в Лондоне, в 1847 г.

народ собрался вокруг Работного дома и требовал освобождения его обитателей. Явилась в большом числе полиция, но ей удалось разогнать толпу после четырех-часовой усиленной борьбы!.. Войска держали оружие наготове...

(Р. Гаммедж. «История чартизма»).

РЕЧЬ ЭРНЕСТА ДЖОНСА. ¹⁾

(27 марта 1848 г.).

... Я верю, что народ готов на решительный бой—и последний час рабства прозвонит наконец. Я был бы преступником, если бы я говорил это, не имея твердого и обоснованного убеждения. На мне будет лежать ответственность за то зло, которое может произойти. Вдовы и сироты будут иметь право проклинать меня, но перед лицом неба говорю: я верю, что мы стоим на пороге к осуществлению своих прав. Еще один шаг и если он даже будет сделан железной стопой, мы достигнем своей цели. Я искренно верю, что народ готов требовать хартию. Поэтому я говорю: берите ее!.. Мы идем по правому пути: мы не хотим быть безрассудными и действовать сгоряча, но мы будем решительны. Мы будем уважать закон, если законодатели будут уважать нас; если же нет, то... Франция—республика?

10 АПРЕЛЯ.

Наступило вечно памятное 10 апреля. Правительство подготовилось самым деятельным образом: кроме постоянного войска, расквартированного в столице, были присланы войска из Виндзора, Гунсле, Чичестера, Чатама, Винчестера и Дувра. Матросы королевского флота в Ширнессе, Чатаме и др. правительственных городах, так же как и рабочие с доков, были вооружены. Полиция строго следила за матросами торгового флота, опасаясь, как бы они не примкнули к чартистам. Из Вувлича были перевезены тяжелые батарейные орудия и расставлены во всех местах. Морские силы были сосредоточены в адмиралтействе. Конная полиция была вооружена широкими мечами и пистолетами. Все публичные здания были на военном положении. Две тысячи ружей были перевезены в Главный почтамт для клерков и чиновников этого учреждения, вступивших в состав специальных констеблей. Чиновники других общественных учреждений были также в достаточной мере снабжены оружием... В Сити семьдесят тысяч человек вступили в специальные констебли и ими командовали офицеры. Королевские экипажи, лошади и драгоценности были удалены из дворца. Количество войск, сосредоточенных в столице, доходило до девяноста тысяч...

¹⁾ Один из вождей чартистов, поэт.

Различные корпорации чартистов, с музыкой и знаменами, сошлись в Степней-Грине, в Фипсбери-Сквере и Россель-Сквере и заполнили улицы, направляясь в Кеннингтон-Коммон... На знаменах красовались различные надписи: „Свобода, равенство и братство“, „Ирландия для ирландцев“... Конвент ¹⁾ собрался в девять часов и председателем был избран Рейнольдс... О'Коннор произнес осторожную речь; порицая правительство за те приготовления, которое оно делало, он в то же время возлагал ответственность за действия правительства на тех, кто настаивал на вооруженной демонстрации. Он говорил, что будет просить митинг: „во имя мужества, во имя справедливости и во имя бога, не устраивать процессии и не бросать великого дела в руки карманных воров и негодяев, не давать правительству повода напасть на них“. Он сказал также, что были сделаны распоряжения, чтобы стрелять из окон в руководителей движения...

Делегаты вышли из зала Конвента в десять часов утра. Во главе процессии ехала повозка, запряженная четырьмя лошадьми и украшенная знаменами. Эта повозка должна была везти Национальную петицию. За этой повозкой следовала другая, запряженная шестью лошадьми, в которой находились делегаты... Как только делегаты выехали, толпа народа образовала сзади них процессию по восьми в ряд... Процессия, в конце концов, достигла Коммона, где собрались уже различные корпорации с знаменами и музыкой и образовали густую толпу в сто пятьдесят или сто семьдесят тысяч человек.

Как только экипаж достиг места своего назначения, за О'Коннором прислали из Таверн-Борна, где жил полицейский комиссар Майль... Майль заявил, что правительство ничего не имеет против митинга, но что процессия не будет разрешена; что у правительства есть средства помешать процессии, что оно пустит в ход все средства и что на О'Коннора падет вся ответственность за все последствия. О'Коннор обещал, что процессия не состоится.

Когда он снова вернулся к экипажу, его встретили радостными криками...

— „Дети мои, начал он,—вам говорили, что я не буду среди вас сегодня, но я здесь!“—Толпа разразилась громкими криками восторга. Он сообщил, что получил сто писем, убеждавших его не являться на митинг, так как его жизни грозила опасность, но он отвечал: „Я предпочту быть пронзенным в самое сердце, чем отказаться от моего места среди детей моих... Да,—продолжал он,—вы мои дети... Я только ваш отец и ваш управляющий, но ваш честный отец и бесплатный управляющий“. Снова раздался взрыв рукоплесканий. Тогда он начал умолять их не вредить делу каким-нибудь безрассудным поступком... Он указал на петицию, заключающую в себе голоса пяти миллионов семисот тысяч соотечественников, ожидавших от них в этот день благоразумных действий... Затем, он сказал, что петицию будет сопровождать Исполнительный Комитет, и убеждал отказаться от процессии. Он просил тех, кто решил действовать разумно и осторожно для того, чтобы обеспечить быстрый

¹⁾ Конвент чартистов.

успех Хартии и добиться ее узаконения, поднять руки. Поднялся целый лес рук...

Затем он заявил, что теперь он уверен в их благоразумии, он вздохнул свободно, и боль исчезла из его груди: „Если вы хотите убить меня—жизнь моя в вашем распоряжении, но другим я не отдам ее без борьбы... Я буду идти с вами вместе спокойно, решительно и непреклонно, и сегодня вечером я представлю петицию... Если бы меня даже подвергли пытке—я буду все же бороться против насилия. Я буду идти вперед к победе до тех пор, покуда не наступит славный день и Народная Хартия не сделается законом“. Слова эти были встречены восторженными и бурными рукоплесканиями...

Когда митинг кончился, петицию положили на три повозки и Чартистский Исполнительный Комитет отправился сопровождать ее до Палаты Общин...

Мосты охранялись полицией и, уже час спустя после митинга, народ все еще не допускался туда... Толпа не захотела вступать в столкновение с полицией, и день прошел удивительно мирно...

(Р. Гамедж. «История чартизма»).

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

К пролетариату Британии и Ирландии.

Братья! Долг обязывает нас обратиться к вам с призывом взять под свою защиту наших братьев, парижских пролетариев, ставших жертвою изменников, убийц и клеветников. Парижская буржуазия сумела вызвать желанную для нее битву. Основателей республики безжалостно умерщвляли, жен и детей их не пощадили буржуа... И теперь, установив режим крови и ужаса и превратив страну в пустыню, что на их языке называется „миром“, они с торжеством об'являют подобным себе бездельникам в других странах: „Порядок царит в Париже!“

Лжецы и клеветники превзошли себя, пытаясь скрыть настоящие причины восстания 23, 24 и 25 июня. И все же причины этого героического выступления совершенно ясны для всех, кто наблюдал за ходом событий, начиная с февраля месяца. Как только было провозглашено временное правительство, оно сейчас же заявило, что революция, совершенная народом, должна быть использована для народа. За этим последовал декрет, которым каждому гражданину гарантировалось „существование посредством труда“. Но, кроме плохо организованных „национальных мастерских“, ничего не было сделано для исполнения данного народу обещания... Наконец, выяснилось, что и эти мастерские скоро будут закрыты. Обманутым рабочим оставалось только одно из двух: или поступить в армию или обречь себя на голодовку. Такой дьявольский образ действий толкал рабочих на восстание.

Три революции осветили право на сопротивление всякому гнету. Нужда среди пролетариев служила доказательством существования гнета.

Правительство нарушило гарантированное им право на „существование посредством труда“. Этим самым каждый из тех тысяч людей, для которых общественный договор перестал служить защитой, получил право защищать свои естественные права против системы, обрекающей его на голод и нужду.

Парижские рабочие увидели себя обманутыми, их надежды не оправдались, данные им обещания не были исполнены, вожжи—брошены в тюрьму, петиции осмеяны, право свободно собираться отнято гнусным законом 7 мая, а в перспективе—угроза голодной смерти; вот почему они бросились в революцию; вот почему они схватились за оружие, написав на своем знамени: „работа или смерть“. Они боролись и гибли, как то часто бывает с борцами за правду.

Клевещут те, кто утверждает, что инсургенты об‘явили войну обществу и цивилизации. Но если бы даже они это сделали, тогда что? Ведь общество ведет с ними войну, почему же им не вести войны с обществом?

Мы совершенно не думаем скрывать, что относимся без всякого почтения к обществу в его современном виде. „Цивилизация“ означает плохо оплачиваемую работу, голод, тюрьмы и Бастилию для масс. Для миллионов людей цивилизация—одна сплошная ложь, организованное ханжество. Да погибнет же такая цивилизация!—Парижские рабочие, видящие кругом себя всевозможные райские блага, сами обречены на муки ада. Словами „свобода, равенство и братство“ надругались над ними; для них „свобода“ заключается в господстве сабли, „равенство“—в праве умирать с голоду, когда бездельники утопают в роскоши; а если рабочие громогласно заявляют: „жить в труде, или умереть в борьбе“, то им гранатами, пулями и бомбами раз‘ясняют, что означает „братство“.

Знамя красной республики—знамя пролетариев всей Европы. Прошли те времена, когда масса давала усыплять себя политическими фразами и только номинальными политическими правами. Миллионы рабочих во Франции, Англии и Германии теперь прекрасно понимают, что самые лучшие бумажные конституции не могут заключать в себе не только всех человеческих прав, но даже и важнейших из них. Сорвать красное знамя в Сент-Антуанском предместье еще не значит победить. Та вера, символом которой служит это знамя, не ограничивается одним Парижем, она живет и растет во всех тех ульях, где сосредоточивается промышленность; и одно поражение, да хоть бы и пятьдесят поражений, не помешают ей в конце-концов восторжествовать“.

(Из воззвания «Союза Братских демократов»).

ПЕСНЬ НИЗШИХ КЛАССОВ.

I.

Мы ничтожны, мы знаем, это мы наполняем
 Амбары для наших господ:
 Только нашим трудом наливаясь зерном
 Золотистый колос начнет.

Мы ничтожны, мы прах у хозяев в ногах,
 Мы для них говорящий скот.
 Хоть мы сеем и жнем—
 Хлеб мы им отдаем,
 Нам же корки лендлорд дает.

II.

Нет ничтожнее нас, презираемых масс,
 Это мы в глубине рудников
 Отрываем от скал
 Драгоценный металл,
 Для венчания царских голов.

А когда для господ станет мал их доход,
 Мы наполним приходы их касс,
 Нас заставят платить
 И нельзя возразить—
 Ведь парламент не создан для нас.

III.

Мы ничтожны, мы прах, к нам презрение в глазах
 Благородных богатых господ.
 Но палаты дворцов
 И гранит городов
 Вырастают из наших работ.

Мы ничтожны, мы прах, нам не место в домах,
 Что мы строим тяжелым трудом.
 Роскошь пышных палат
 Для того, кто богат;
 Мы же—чернь: у дверей проживем.

IV.

Мы ничтожны, мы знаем: это мы одеваем
 В золотистые ткани вельмож.
 Дни и ночи мы шьем,
 Умираем с шитьем.
 Сами носим обрывки рогож.

Нет ничтожнее нас, презираемых масс—
Наш удел ничего не иметь—
Но работать всегда
Нам велят господа,
Если нет, то тюрьма или плеть.

V.

Мы ничтожнее всех, для военных потех
Служим мы у владыки страны.
Нас пошлют убивать
И пошлют умирать.
Но добычу получим не мы.
Нет ничтожнее нас, но наступит тот час,
Когда клич борьбы прогремит,
И ударом меча,
Нанесенном с плеча,
Старый мир будет в прах разбит.

(Эрнест Джонс. Перев. В. Киршов).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вторая империя во Франции.—1851 год.

ВОЗЗВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ К АРМИИ.

„Солдаты!

„Гордитесь задачей, выпавшей вам на долю; вы спасете отечество, так как я рассчитываю на вас. Ваша помощь нужна мне не для того, чтобы нарушить законы, но чтобы заставить всех преклониться перед первейшим из них, признав главенство нации, представителем которой служу я.

„Вы, как и я, уже давно страдали от препятствий, мешавших мне делать добро, а вам—выражать мне ваше расположение. Эти препятствия разрушены.

„Собрание пыталось ниспровергнуть власть, данную мне целой нацией. Его более не существует.

„Я обращаюсь к народу и армии с честным воззванием и говорю им: или дайте мне возможность обеспечить ваше благоденствие, или же изберите другого президента.

„В 1830 и в 1848 г.г. с вами поступили, как с побежденными. Ваше геройское бескорыстие было покрыто клеветой; никто не нашел нужным спросить вас о ваших склонностях и желаниях. Между тем, вы—цвет нации. Сегодня, в эту торжественную минуту, я желаю слышать мнение армии.

„Вотируйте же свободно, как граждане, но, как солдаты; не забывайте, что священный долг всякого военного, генерала и рядового, состоит в полном повиновении приказаниям главы правительства.

„Я же, ответственный за свои действия перед народом и перед потомством, должен принять меры, которые, как я полагаю, необходимы для общего блага.

„Что касается вас, будьте непоколебимо верны правилам дисциплины и чести. Внутрительным поведением помогите стране спокойно и обдуманно выразить свою волю.

„Приготовьтесь подавлять всякие попытки, направленные против свободного выражения воли народа.

„Солдаты! Я не говорю вам о воспоминаниях, которые вызывает мое имя, они начертаны в ваших сердцах. Нас соединяют неразрывные узы. Ваша история и моя—одна и та же. Между нами в прошлом стоит общность славы и несчастья.

„В нашем будущем явится единение чувств, единство желания сохранить покой и величие Франции.

„Написано в Елисейском дворце, 2-го декабря 1851 г.

Л. Н. Бонапарт“

„От имени французского народа,

„Президент республики постановляет:

„Статья 1. Национальное собрание распущено.

„Статья 2. Восстановлена всеобщая подача голосов. Закон 31 мая уничтожен.

„Статья 3. Французский народ созывается по своим комициям с 14-го декабря до 21-го декабря следующего года.

„Статья 4. В пределах первого военного округа об'явлено осадное положение.

„Статья 5. Государственный совет распущен.

„Статья 6. Исполнение настоящего постановления возложено на министра внутренних дел.

„Написано в Елисейском дворце.

Луи Наполеон Бонапарт“.

„Министр Внутренних Дел

Де-Морни“.

2-ое ДЕКАБРЯ 1851 ГОДА.

В восемь часов огромная военная сила осадила законодательный корпус. Все входы и выходы охранялись часовыми; все двери были заперты. Однако, некоторым из представителей удалось проникнуть в здание через маленькую дверку, выходящую на улицу Бургонь и называвшуюся „черной дверью“.

Скоро в зале собралось довольно значительное количество людей, принадлежавших к различным партиям Собрания...

Каждый из приходивших принимался расспрашивать де-Пана.

— Где вице-председатели?

— В тюрьме.

— А другие два квестора?

— В тюрьме же...

Все чувствовали, что каждая истекшая минута довершала переворот, каждый ощущал гнет раскаяния при мысли о своем безмолвии или бездействии. Железный обруч суживался; солдаты все прибывали и молчаливо заполняли здание. Каждую минуту у дверей, еще недавно свободных, замечались новые часовые. Однако, никто еще не коснулся группы

представителей, собравшихся в конференц-зале. Нужно было действовать, говорить, бороться, не прекращать заседания и не терять ни минуты...

Вдруг на пороге зала показались жандармы, впереди которых шел командир с обнаженной саблей. Неприкосновенность зала заседаний была нарушена. Все представители сразу поднялись со своих мест и, крикнув в один голос: „Да здравствует республика!“, снова сели.

Только представитель Моне продолжал стоять и громко, с негодованием в голосе, приказал солдатам остановиться. Жандармы повиновались и смотрели на представителей недоумевающим взглядом.

Толпа солдат наполняла только корридор левой стороны и еще не перешла на трибуну.

Представитель Моне прочитал 36, 37 и 68 статьи конституции.

36 и 37 статьями освещалась неприкосновенность представителей. Статья 68 говорила о том, что в случае измены президент должен быть смещен...

Солдаты молча слушали.

Когда Моне прочел три статьи конституции, к солдатам обратился представитель Адельсвард; он сказал:

— Солдаты, вы видите, что президент республики — изменник; он хочет превратить в изменников и вас. Вы ворвались в священную обитель народного представительства. Мы, во имя конституции, во имя законов, приказываем вам уйти!

Пока Адельсвард произносил эти слова, вошел офицер, командовавший летучими жандармами.

— Господа, — сказал он, — я получил приказание предложить вам удалиться, если же вы воспротивитесь, изгнать вас из зала...

Марк Дюфрес повернулся к летучим жандармам и крикнул им: — солдаты, самое ваше присутствие здесь — преступление. Уйдите!

Солдаты, повидимому, не знали, на что решиться. Но вот из правой двери показалась вторая колонна. Командир сделал движение рукой, и капитан крикнул:

— Вперед, сровдайте их отсюда!

Между жандармами и законодателями началась невообразимая рукопашная схватка...

Командир кричал солдатам:

— Выгребайте их, как граблями!

Вот каким образом переворот схватил шестьдесят народных представителей и прогнал их с их мест...

Пленников отвели на гауптвахту, помещавшуюся в будущем здании министерства иностранных дел, а ночью перевели их в казармы на набережной д'Орсэ. Командир, поместив арестантов между солдатами, низко поклонился им и вежливо сказал:

— Господа, ружья моих людей заряжены...

Около полудня центр Парижа начал волноваться.

Прежде всего наше воззвание к оружию появилось на площади Бурс и на улице Монмартр. Многие теснились к этим афишам и боролись с полицейскими, желавшими сорвать их. Рядом были наклеены

литографированные листки: декрет о низложении и об'явление вне закона, постановленное левой. Толпе раздавали отпечатанный на серой бумаге приговор Верховного суда, об'являвший Луи Бонапарта государственным изменником...

В кварталах, населенных народом, расклеивалась по всем углам прокламация. В ней стояло:

„К народу!

Ст. 68.—Конституция поручена охране и патриотизму французских граждан.

Луи Наполеон об'явлен вне закона.

Осадное положение уничтожено.

Восстановлена всеобщая подача голосов.

Да здравствует республика!

К оружию!

За всех членов Горы делегат

Виктор Гюго“.

Со своей стороны и злодеи, занявшие правительственные здания, отвечали угрозами. Их широкие белые, т. е. официальные, об'явления виднелись всюду. В одном из них говорилось:

„Военный министр, в виду осадного положения, постановляет:

Всякий, взятый при постройке или при защите баррикад, или застигнутый с оружием в руках, будет расстрелян.

Дивизионный генерал, военный министр

Де-Сент-Арно“.

На бульварах виднелась толпа взволнованного народа. Движение, все увеличивавшееся в центре города, мало-по-малу охватило три округа... Войска, ежеминутно получавшие новые подкрепления, мало-по-малу, занимали все стратегические пункты Парижа.

В час бывший член Учредительного Собрания и адвокат рабочих ассоциаций, Леблан, в доме которого мы совещались, привел к нам одного молодого человека... Звали его Кинг. К нам он явился делегатом от комитета рабочих ассоциаций. По его словам, рабочие ассоциации предлагали себя в распоряжение левой комитета законного восстания.

— Они могут,—говорил он,—предоставить тысяч пять-шесть решительных человек. Порох можно сфабриковать. Ружья найдутся.

Рабочие ассоциации просили нас дать им подписанный нами приказ вступить в битву. Жюль Фавр написал: „Нижеподписавшиеся представители поручают—гражданину Кингу и его друзьям с оружием в руках защищать всеобщую подачу голосов, республику, законы“. Мы все четверо подписались.

— Этого достаточно,—сказал делегат...

Через два часа нам сказали, что борьба началась.

2 декабря рисковали, 4—действовали с уверенностью...

Внезапно, по данному знаку, по выстрелу, сделанному где-то и кем-то, это безразлично, на толпу посыпался град картечи...

В одно мгновение бульвар превратился в бойню на протяжении четверти мили. Одинадцать пушек разрушали отель Саландруз. Ядра пробили насквозь двадцать восемь домов. Целый квартал Парижа наполнился криками громадной, спасавшейся бегством, толпы. Всюду являлась неожиданная смерть. Человек ничего не ждет и вдруг падает...

Убийцы входят в дома и там режут и убивают. На отвратительном жаргоне убийц это называется: „очипать“.

— Очистим все!—кричат солдаты...

Никто не мог скрыться; ружья и пистолеты стреляли в упор.

Скоро должен был наступить день нового года. Повсюду виднелись лавки игрушек; тринадцатилетний мальчик, спасаясь от выстрелов, бежал вдоль пассажа Сомон и, наконец, спрятался в одной из лавочек под грудой игрушек; его схватили и убили. Убийцы, смеясь, расширяли саблями его раны... Перед той же лавкой расстреляли четырех человек. Офицер сказал им: „Это отучит вас без толку шататься“...

Солдаты стреляли даже в подвалы через отдушины...

Целая бригада убивала всех проходивших между церковью Мадлены и зданием Оперы; другая стреляла в тех, кто показывался между зданием Оперы и театром Жимназ; третья—в проходивших между бульваром Бон-Нувель и воротами Сен-Дени.

Семьдесят пятый линейный полк взял Сен-Денисскую баррикаду; тут происходил не бой, а повальное убийство... Бежать? Зачем? Прятаться? С какой целью? Смерть бежала за жертвой и обгоняла ее. В улице Пажевен один солдат сказал прохожему: „Что вы делаете?“—„Я иду домой“. Солдат убил прохожего... Полковник Эспинас кричал: „После штыка пушка!“ Полковник Рошфор кричал: „Колите, режьте, рубите саблями!“ И прибавлял: „Так выйдет меньше пороха и будет меньше шума“. Один офицер показывал товарищу свое удивительно-меткое ружье, говоря: „Благодаря ему, я поразительно точно попадаю прямо в лицо между глаз“. Сказав это, он прицеливался в первого попавшегося прохожего, и, действительно, опыт удавался...

На углу улицы Сентье один офицер-кавалерист кричал, подняв саблю: „Это все не то! Вы ничего не понимаете! Стреляйте в женщин“. Бежала беременная женщина. Она упала. Удар прикладом заставил ее родить. Другая, в ужасе, готова была уже скрыться за углом улицы. Она несла ребенка на руках. Два солдата прицелились в нее. Один сказал:

— В женщину—и свалил ее. Ребенок скатился на мостовую.

Другой сказал:

— В ребенка—и убил малютку...

Страшное истребление, которое один очевидец, английский капитан Уильям Джесс, называл „избиением ради потехи“, продолжалось с двух часов до пяти. В течение этих трех ужасающих часов Луи Бонапарт исполнил то, что он задумал и довершил начатое им дело...

Настала ночь. В Елисейском дворце царили радость и оживление. Эти люди торжествовали. Приближенные от восторга не помнили себя. До сих пор Фиален говорил Бонапарту „ты“.

— Забудьте об этой привычке,—шепнул ему Вельяр. Действительно, благодаря произведенной бойне, Бонапарт стал императором. Он сделался величеством...

После целого ряда убийств пьянствовали целую ночь. Вино лилось на кровь. В Елисейском дворце восхищались удачей, приходили в восторг, говорили о ней с наслаждением. Какая идея явилась в голове принца! Как чинно была исполнена она!

(В. Гюго. «История одного преступления»).

ВОСПОМИНАНИЕ НОЧИ 4 ДЕКАБРЯ.

Ребенок был убит, две пули—и в — Они его убили! У окна
висок! Он здесь играл... и в бедное со-
Мы в комнату внесли малютку тело: здание,
Весь череп раскроен, рука закос- В ребенка малого—ему еще восьмой
нела, Годочек был—они стреляют!.. Что же
И в ней—бедняжка!—он держал Он сделал им, малютка бедный мой?
волчок. Как был он тих и кроток, о мой боже!..
Раздели мы с унынием немом С охотою ходил он в школу... да,
Труп окровавленный, и бабушка, И все учителя его хвалили;
старуха Он письма для меня писал всегда,—
Седая, наклонилась над ним И вот, разбойники, они его убили!
И прошептала медленно и глухо:

„Как побледнел он... посветите мне... Скажите мне: не все ль равно
О, боже! волоса в крови склеились!“ Для господина Бонапарта было
Убить меня? Я смерти жду давно.
Но он... дитя...

Ночь будто гроб темнеда. В тишине
К нам выстрелы порою доносились;
Там убивали, как убили тут!

Ребенка простынею белой
Она окутала и труп ооченелый
У печки стала греть. Напрасный
труд!

Обвеяв смерти роковым дыханьем,
Лежал малютка, холоден, как лед,
Рученки опустив,—открывши рот,
Бесчувственный к ее лобзаньям.

„Вот, посмотрите, люди добрые,—
она

Заговорила вдруг, прервав рыданье: Да здравствует республика!..“

Рыданьем задушило
Старухи грудь, и не могла она
Сказать ни слова долго... Мы стояли
Вокруг несчастной, полные печали,
И сердце надрывалось в нас...

— „Одна,
Одна останусь я теперь... что будет
Со мною старой?.. Пусть господь
рассудит
Меня с убийцами!.. За что они в
наш дом
Пустили выстрелы?.. Ведь не кричал
малютка:

	Лицом	И денег для игры и для любовниц
Она склонилась к телу. Было жутко		жадных;
Старухи горьким жалобам вынимать	Что хочет он в Сен-Клу на выходах	
Над трупом отрока окровавленным...		парадных
	Пред челядью дворцовой	роль играть,
Несчастливая! Могла-ль она понять,	Что для него привет лакеев сладок;	
Что тот, кого зовут Наполеоном,—	Что ради этого принялся он спасать	
Принц оборванец, что в душе своей	Религию, семью, общественный по-	
Он жаждет жить в чертоге золоченом,		рядок
Что надобно ему прислугу, лошадей,	И стал детей и женщин убивать!	

(В. Гюго. Пер. С. Дурова).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Интернационал.

ОСНОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

„Принимая во внимание:

„что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих; что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий, а к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

„что экономическое подчинение рабочего обладателю средств производства, т. е. источников жизни, составляет основную причину рабства во всех его видах, всякой социальной нищеты, умственного отупения и политической зависимости;

„что, поэтому, экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

„что все стремления к достижению этой великой цели оставались до сих пор безуспешными, вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

„что освобождение рабочих составляет не местную или национальную задачу, а социальную, обнимающую все страны, в коих существует новейшее общество, и могущую быть разрешенной лишь взаимным практическим и теоретическим содействием большинства передовых стран;

„что движение, которое возобновляется ныне среди рабочих наиболее промышленных стран Европы, возбуждая новые надежды, дает вместе с тем торжественное предостережение против старых ошибок и заставляет стремиться к объединению пока разрозненных усилий;

„В виду вышесказанного:

„Нижеподписавшиеся, члены Комитета, избранного собранием, состоявшимся 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-Холле в Лондоне, приняли меры для основания Международного Товарищества Рабочих.

„Они объявляют, что это Международное Товарищество, равно как и все примыкающие к нему общества или личности, будут признавать

правду, справедливость и нравственность основой своих отношений ко всем людям, независимо от расы, религии и национальности.

„Они считают долгом добиваться прав человека и гражданина не только для самих себя, но и для всякого человека, выполняющего свои обязанности. Нет обязанностей без прав, прав без обязанностей.

„В этом духе они и составили временный устав Международного Товарищества“.

(Мотивировка к статутам Интернационала, написанная К. Марксом).

ИНТЕРНАЦИОНАЛ В РАБОЧЕЙ МАССЕ.

Около сотни углекопов ожидали, сидя на скамьях... Все взоры были устремлены на приезжего из Лилля, его черное пальто удивило и смутило рабочих.

Сейчас же, по предложению Этьена, приступили к выбору бюро. Этьен называл имена, их подхватывали и одобряли поднятием рук. Плюшар был избран председателем, Маге и сам Этьен помощниками. Задвигались стулья, бюро усаживалось по местам...

— Граждане,—сказал Плюшар,—разрешите мне сказать несколько слов.

Сразу водворилось глубокое молчание. Он заговорил. Слова выходили у него с трудом, глухо и хрипло. Но он привык говорить при таких условиях... Мало-по-малу голос его прояснился, звучал сильно и горячо... Он начал с описания всех благодеяний Интернационала. Везде, где ему приходилось выступать в первый раз, он с этого начинал. Он объяснил, что цель этого международного союза,—окончательное освобождение рабочих. Потом он перешел к его устройству—в самом низу общинный союз, потом провинциальный, потом национальный и, наконец, на самой вершине, общечеловеческий. Руки его медленно двигались, как-бы воздвигая этаж за этажом величественное здание будущего человечества.

Потом он перешел к внутренней организации,—прочитал параграфы устава, говорил об общем съезде, указал на растущее значение этого дела, о постепенном расширении их программы. Сначала они задавались только целью увеличить заработок рабочих, а теперь мечтали уже о полном переустройстве общественных отношений, об уничтожении самой системы заработной платы.

— Нет более национальной розни! Рабочие всего мира, объединенные общим стремлением к справедливости, сметут гнилое буржуазное общество и оснут свободное общество людей, в котором тот, кто не работает, не будет и получать!

Голос его окреп и гремел под низкими сводами комнаты так, что бумажные цветы на потолке шевелились и шелестели.

Возбуждение охватило всех. Некоторые кричали:

— Так, так!.. Это нам и нужно!.. Мы тоже хотим пристать!

А он все продолжал.

— Через три года весь мир будет завоеван.

И он перечислял страны, приставшие к ним. Заявления о присоединении сыпались на них градом. Никогда еще новая религия не находила столько приверженцев. А когда они станут господами, они будут сами предписывать законы хозяевам. Тогда они возьмут их за горло.

— Да! да! — кричали слушатели. — Пускай тогда они лезут под землю!

Он жестом требовал молчания.

Теперь он перешел к вопросу о стачках. По существу он был против них. Это слишком медленное средство и оно еще увеличивает страдания рабочего. Но, за неимением лучшего, когда они неизбежны, приходится решаться на них; они все-таки сильно подрывают капиталистов. В этом случае, по его словам, Интернационал является истинным провидением стачечников. Он приводил примеры. Во время стачки бронзовщиков в Париже хозяева сразу уступили во всем, как только до них дошел слух, что Интернационал присылает свою помощь. В Лондоне он спас углекопов, вернув на свой счет в Бельгию партию рабочих, которых выписали хозяева. Как только рабочие вступают в международный союз, хозяев охватывает страх; они знают, что теперь их работники составляют часть великой трудовой армии, где все готовы скорее положить жизнь друг за друга, чем остаться рабами капитала.

Его прервали рукоплескания... Он хотел заговорить снова, но аплодисменты не давали ему...

— Граждане! — крикнул он, покрывая общий гул голосов. — Вот членские билеты. Пусть подойдут сюда ваши депутаты, я их отдам им, а они распределят... Об остальном поговорим потом...

Вдруг открылась маленькая дверь и через нее с трудом просунулась громадная фигура вдовы Дезир.

— Замолчите вы, бога ради! — крикнула она громовым голосом. — Жандармы идут!

Действительно, к дому приближался окружной комиссар, чтобы составить протокол и распустить собрание. Он только немного опоздал. Следом за ним шли четыре жандарма.

Вдова задержала их у дверей, не пуская войги, объясняя им, что она у себя дома, и что всякий волен принимать друзей. Но с ней не стали долго церемониться, ее попросту оттолкнули и вошли в трактир. Тогда она побежала кругом предупредить своих ребят.

— Бегите здесь, — говорила она. — Во дворе стоит тоже мерзкий жандарм. Но это ничего, вы можете пройти через кухню в деревянной сарай. А оттуда есть калитка в переулок... Только поторапливайтесь!

Комиссар уже стучал кулаками в дверь. Ему не отворяли, и он начал грозить, что высадит дверь...

В зале суматоха еще увеличилась. Нельзя же было разбежаться так просто, даже не решив вопроса, вступают ли они в члены международного союза и будут ли продолжать стачку. Все говорили в голос, стараясь перекричать один другого. Наконец, председатель предложил решить вопрос поднятием рук. Множество рук поднялось над головами.

Депутаты поспешно заявили, что они присоединяются от имени отсутствующих товарищей.

Таким образом, десять тысяч рабочих Монсу стали членами Интернационала.

(Э. Золя.—«Углекопы»).

РЕЧЬ ВАРЛЕНА ПЕРЕД СУДОМ.

Хотя перед законом, господа, вы—судьи, а мы обвиняемые, но на самом деле мы с вами представляем две борющиеся партии: вы отстаиваете во что-бы-то ни стало настоящий порядок, защищаете то, что есть,—мы хотим изменить этот порядок; мы—представители социалистической партии. Рассмотрим же добросовестно, хорош ли теперешний порядок, и виноваты ли мы, что хотим изменить его? Несмотря на обьявление прав человека, на минутное торжество народа, и теперь еще несколько человек могут, когда захотят, заставить литься целыми потоками в братоубийственной войне народную кровь, хотя народ везде одинаково страдает и везде желает одного и того же. Все наслаждения достаются небольшому числу людей, которому приходится придумывать, что бы такое еще купить на свои богатства; а миллионы трудящихся страдают в нужде и невежестве, терпят беспощадное угнетение и остаются при старых предрассудках, закрепляющих их рабство.

Если мы перейдем к частностям, то увидим, что в промышленности на необходимое не хватает рук, а дорогих и бесполезных вещей производится слишком много, миллионам детей бедняков не во что одеться, а в магазинах выставлены баснословно дорогие шали, на которые потрачено по десяти тысяч рабочих дней. Платы рабочего не хватает на самое необходимое, а вокруг него ничего не делающие люди проживают огромные деньги. Рабство погубило древний мир. Современное общество тоже погибнет, если не прекратит страданий большинства, если будет продолжать думать, что все должны трудиться и терпеть лишения, чтобы содержать в роскоши несколько человек... Среди этой роскоши и нищеты, угнетения и рабства, невежества и разврата, нас одно только и утешает: мы знаем из истории, как непрочен тот порядок, при котором люди могут умирать с голоду у порогов дворцов, переполненных всеми благами мира.

Присмотритесь и вы увидите глухую ненависть между богатым классом, охраняющим теперешнее положение, и рабочим, который хочет завоевать себе лучшее будущее. Богатый класс вернулся к предрассудкам, исчезнувшим сто лет тому назад, среди него развился самый бешеный разврат, всякий его член думает только о себе. Все это—признаки близкого надения; земля уходит из-под ваших ног, берегитесь!

Класс, который до сих пор появлялся в истории лишь во время восстаний для того, чтобы уничтожить какую-нибудь великую несправедливость; класс, который угнетали всегда и все,—рабочий класс—узнал,

наконец, что именно нужно сделать, чтобы уничтожить все зло и все страдания. С вашей стороны было бы очень благоразумно—не мешать его справедливому делу... Буржуазия не может ничего противопоставить рабочим, кроме насилий и жестокостей... Но насилия только ускоряют взрыв. Если бы буржуазия не хотела быть бесполезно жестокой, ей следовало бы уступить место людям, верящим в лучшее будущее и трудящимся над подготовлением справедливого общественного порядка ¹⁾.

¹⁾ В мае 1868 г., во Франции состоялся первый судебный процесс против членов Интернационала. «За участие в недозволенном сообществе» было предано суду девять человек,—среди них главное место занимал переплетчик Варлен, один из деятельнейших участников «Международного Товарищества Рабочих», впоследствии—член правительства Парижской Коммуны, расстрелянный версальцами, в дни ее разгрома.—Приводимая здесь речь Варлена показывает, какое значение придавал пролетариат Интернационалу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Парижская Коммуна 1871 г.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ ВО ФРАНЦИИ.

(4 сентября 1870 г.).

В этот день разнесся слух о Седанском погроме... Волнение, сильное с самого об'явления войны и первых поражений, все увеличивалось.

Между 9—10 часами густая толпа прошла по Монмартскому бульвару, направляясь к Бастилии... Толпа эта состояла из лиц всех классов и возрастов... Были там буржуа и рабочие, женщины и дети, старики, запасные и много национальных гвардейцев в мундирах...

Из толпы несся один крик: „Лишить их власти!“

Толпа благополучно дошла до возвышенности Жимназ. Вдруг толпа стала, крики смолкли, началось поспешное отступление, перешедшее в страшное бегство. Это произвели атаку постовые городовые с бульвара Бон-Нуфель.

Я был опрокинут бегущими под стоявшую у тротуара карету и когда поднялся с другой стороны, то очутился один среди шайки полицейских с пашками на-голо, как свора собак преследующих растерявшуюся толпу, которая была уже далеко... В этот момент полицейский схватил меня за руку и тихонько сказал: „Уйдите отсюда, если не хотите быть убитым“.

Откровенное слово разоблало отданные приказы, умирающая империя еще мечтала об убийствах. Чтобы проделать снова 2-ое декабря, не хватало только солдат. Приблизительно через час, высокий, безусый человек с бакенбардами, в виде котлет, вошел в кафе де Мадрит, попросил минутку внимания и сообщил следующее:

— Господа, я брат Жюль Фавра. Я пришел от его имени и от имени всей левой, чтобы сообщить вам, что Законодательное Собрание соберется сегодня ночью. Депутаты левой, также требуют низложения. Идите же все к Законодательному Собранию, постарайтесь привести с собой, по возможности больше народу. Нужно, чтобы народ присутствовал и поддержал своих представителей.

Поступок и речь этого господина были положительно смешны. Не в 11 часов вечера и не в бульварном ресторане призывают народ к революционной борьбе...

Более разумное предложение облетело полупустые в это время бульвары. Назначено было свидание на завтра к полудню у Законодательного Собрания, в форме национальной гвардии...

На другой день все добросовестно собрались. Вооруженная национальная гвардия наводнила бурбонский дворец и провозгласила республику. Было воскресенье. Сияло солнце. Многочисленная радостная толпа разряженных женщин и детей наполняла улицы, бульвары, сады и скверы. Люди совершенно незнакомые жали друг другу руки и обнимались. Лавочники, приставив лестницы, топорами срызали с наружных стен лавок золотых орлов и гипсовые медали, с изображением бюста Наполеона Третьего, которыми они некогда украшали свои вывески.

Это не была революция, это было народное празднество. Были слышны только слова надежды, героические обеты, клятвы верности. Толпа взывала к республике как к талисману, который должен был спасти ее от всех опасностей, дать ей энергию и могущество, чтобы разрушить все препятствия...

Двойная цепь полицейской и муниципальной стражи преграждала доступ к Законодательному корпусу. Она была прорвана очень оригинальным способом. Первый батальон, встретивший это препятствие, имел во главе старшего барабанщика прекрасного роста. Батальон колебался; барабанщик, не смущаясь, повернулся лицом к барабанам, спиной к врагам и, подняв дирижескую палочку вверх, идя задом, прорвал препятствие, сопровождаемый своими барабанщиками. Проход был открыт...

Вследствие разрозненности и отсутствия какой-либо организации, день 4 сентября был потерян для революционной социалистической партии. На всех пунктах ее предупредила левая парламентская партия, политически организованная и готовая принять наследство империи. Кератри явился в префектуру полиции и спокойно остался там. Трошю, Симоны, Фавры и их соучастники преспокойно отправились в думу и, не встретя там никого, распорядились по своему. Предоставленный самому себе и не возбуждаемый борьбой, парижский народ проявил обычное великодушие. Враги были у его ног... Он имел республику... Империя исчезла. Он не обращал внимания на то, что только что проходил через непрятельскую армию, которая за его спиной потихоньку собиралась с силами...

Городская полиция тщательно сохранена и преобразована. Парижская гвардия названа гвардией республиканской; генералы Бонапарта остались во главе армии: этим все сказано! 4 сентября вечером Париж, не подозревая того, потеряв свободу, снова очутился в руках своих злейших врагов... Делеклюз, которого я встретил еще 4 сентября на улице Риволи, после утверждения правительства, сказал мне с отчаянием:

— Мы погибли!..

(Артур Арну. «Народная история Парижской Коммуны»).

„РАБОЧИЕ НЕ ИМЕЮТ ОТЕЧЕСТВА“.

„После двадцатилетнего позорного существования второй империи, французский народ восстал и взял в свои руки свою судьбу.

Приветствуйте французскую республику!

Долг германского народа установить почетный мир с французской республикой. Трудящиеся Германии должны заявить, что в интересах Франции и Германии они решили не допустить никакой обиды по отношению к французскому народу, после того, как он навеки избавился от бесчестного безумца, нарушившего мир. ¹⁾

Дадим друг другу клятву честно бороться и работать вместе с нашими братьями рабочими всех культурных стран ради общего дела пролетариата“.

Центральный Комитет Германской Социал-
демократической Рабочей партии.

5 сентября 1870 г.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ.

Ла-Кордери, 6 сентября 1870 г.

Сегодня, после обеда, у народа было свое заседание.

Старая политика должна погибнуть у подножья ложа, на котором Франция истекает кровью в родах; она не может нам дать ни облегчения, ни спасения.

Теперь все дело в том, чтобы нам не валяться в этом человеческом навозе, не позволить колыбели третьей республики сгнить в нем, а обратить ее в колыбель первой революции...

Это революция сидит здесь на скамьях, стоит прислонившись к стенам, оперлась локтями на эту трибуну: революция в блузе рабочего! Здесь происходят заседания Международного Общества Рабочих и здесь собирается Федерация рабочих союзов.

Это стоит всех античных форумов! Через эти окна могут быть брошены слова, которые зажгут народные массы не хуже тех, какими Дантон, громающий и гневный, кричал из окон суда народу, обезумевшему от любви к Робеспьеру.

Жесты не так ужасны, как некогда, и за углом не слышно дробы барабана Сантерра ²⁾. Нет больше таинственности заговорщиков, которые клялись с повязкой на глазах, под лезвием кинжала.

Это сам Труд, с засученными рукавами рубашки, простой и сильный, с руками, как у кузнеца; Труд, чьи инструменты сверкают в полутьме. Он кричит:

¹⁾ Наполеона III-го.

²⁾ Сантерр — начальник национальной гвардии в го-лы Великой Французской Революции, командовал отрядом национальных гвардейцев на площади, во время казни Людовика XVI.

— Вам не убить меня! Не убить! Я хочу иметь слово!

И он говорит.

Здесь собрались члены Интернационала, социалисты, все те, кто в представлении толпы тесно связан с именем Толэна.¹⁾

И вот, после четырех часов споров и обсуждений, только что возникла новая сила: комитет двадцати округов.

Эта секция, округ, как в великие дни 1793 года,—свободный союз граждан, которые сами наметили друг друга и объединились по группам.

Каждый округ представлен четырьмя делегатами и их только что назначило собрание. Я один из этих избранных для защиты прав предместья против буржуазной думы.

Мы отправляемся раскинуть по всему городу сеть нашей федерации, которая послужит совсем другому, чем федерация Марсового поля... несмотря на весь шум, который она подняла в истории.

Это восемьдесят бедняков вылезли из восьмидесяти лачуг и отправляются говорить и действовать,—драться, если это понадобится,—от имени всех улиц Парижа, тесно связанных нищетой и желанием борьбы.

31 октября.

Опять новости, еще более ужасные!

Базен изменил!

Правительство обороны знало это и покрывало его.

— В думу!—несется клич из квартала в квартал...

— Идем занимать мэрию Ла-Виллет!

Сверх моей синей матроски я накинул плащ, потертый и поношенный, ставший из синего зеленым, зато у меня сабля на поясе. Я обнажаю ее. И под дождем, который падает с грустного туманного неба, шлепая по лужам грязи, веду свои тридцать человек на улицу Фландр...

— Стой!.. Вечное „стой“! встречает меня у всех дверей, с тех пор, как я появился на свет.

Но промокшие до нитки, идущие за мной, выстраиваются в боевой порядок...

— Дорогу народу, обладателю власти!

Решотка опускается и нас пропускают. С мгновенье, как дума в наших руках. На дворе, битком набитом солдатами и оцегинившимися штыками,—страшный шум.

— Шарф! Шарф!

Два или три офицера бросаются ко мне и опоясывают меня.

— Во имя революции, мы назначаем вас мэром округа...—говорят они, затягивая мне пояс...—А теперь за работу...

С лестницы до меня доносится невообразимый шум и крик. Это Ришар, прежний мэр, только что явился из думы, куда бегал получить приказания от господ. Он пробрался через батальон, занявший двор и здание.

¹⁾ Толэн, парижский рабочий,—один из первых участников французской секции Интернационала.

Он кидается на шарф, в который меня затанули.

— Отдайте мне его! Вы нарушаете закон. Я велю вас завтра расстрелять!..

Он вцепился мне в живот и старается сорвать трехцветный пояс, завязанный затяжным узлом... Отчаянного мэра заставили меня бросить и, в свою очередь, сдавили его немного сильно...

— Вы можете меня пытать, но я повторяю, что завтра вы получите возмездие!

— Никто и не собирается пытать вас, но, чтобы вы не смущали народ, мы засадим вас в какой-нибудь ящик.

Я велел оттащить его в шкаф, громадный стеной шкаф, где ему, право, очень удобно... Никто не мешает ему прекрасно выспаться, если он пожелает свернуться посреди пола, как охотничья собака.

Революция идет своим путем...

Час ночи.

... Из думы прибывают мрачные новости. Повидимому, правительство снова нашло силы, готовые его спасти: один батальон вступил в полном порядке с Ферри во главе и двигается против восставших...

— Что бы там ни было, на ноги, товарищи! Нужно идти навстречу этому батальону...

Донесят, что 193-й подходит и собирается взять нас приступом.

— Они уже у решетки,—говорит мне капитан.

— Через эту самую решетку снимите-ка их авангард! Пли!

— Но ведь начнется резня!

— Нас, все равно, отправят на тот свет, если они решат, что мы боимся. Идите и скажите, что мы откроем огонь, если они двинутся с места!

Они остались на расстоянии... Все равно! Я посылаю за патронами на пост вольных стрелков. Им командует один лейтенант, мой товарищ по жизни в нищете, с кем мы вместе терпели и голод и холод. В нем, по крайней мере, я уверен: он не откажет в боевых припасах.

Чорт возьми! Он отказал в них. С тех пор, как наделил себе эполеты, он стал благонамеренным! Он, может быть, дожидается крестика или патента на офицерский чин...

Приходится ожидать конца драмы с мусульманским спокойствием...

1 ноября.

Отправившиеся за новостями не вернулись. Попались ли они в плен, или просто не захотели возвращаться в эту волчью яму, уже отмеченную гневом буржуазных батальонов? И нас осталось только несколько человек, в полном неведении о том, что делается в Париже.

Только что прибыла депеша: „Г. мэру XX-го округа“.

Это я—мэр, потому что на мне шарф. Вскрываю и читаю: „Порядок восстановлен без пролития крови“.

Значит, пора наострять лыжи. Я еле держусь на ногах от голода... Подавленный, усталый, сонный я вхожу в ресторан... Я застаю здесь всех, кто не явился ночью, боясь меня или ожидая конца, чтобы на что-нибудь решиться...

23 февраля 1871 г.

Оказывается, я ошибался, когда думал что господа из ратуши не осмелятся нас преследовать! Они осмелились. Тридцать первое октября должно пройти перед солдатским судом! Офицеры взятой в плен армии будут судить свободных людей! Перед ними предстанут Лефрансэ, Тибальди, Верморель..., а может быть и еще кто-нибудь, кого сумеют захватить...

Это еще не все. Полиции будет работа на этой неделе, а прокурору республики останется только поспевать составлять обвинительные акты. Они намерены еще привлечь к суду кусок бумаги. Зовется он Красным Воззванием. Оно появилось на стенах в тот момент, когда уже не хватало хлеба, и когда снаряды сыпались дождем. Сколько волнений стоило нам это воззвание... Вальяну, Левердэ, Тридону и мне! Ла-Кордери на своем собрании 5 января поручила нам стать выразителями общей мысли. Было решено, что на другой день к десяти часам мы доставим прокламацию. Если собрание примет ее, то она получит честь быть расклеенной в ту же ночь по всем предместьям Парижа... И вот четверо литераторов, запершись в маленькой комнатке на улице Сен-Жак, ломали себе головы над каждой строчкой, выходившей из-под их перьев, боясь впасть в декламацию... Наконец три четверти дела окончены. Пять часов утра...

Нас поразил гром пушек, какого раньше не слышали. Это началась бомбардировка. И наш манифест не двигался с места: он остолбенел, как мы!.. Мы боялись, что окажемся недостойными поручения... Не доставало одной только фразы, но такой, в которой трепетала бы душа Парижа... Мы поплелись к Ла-Кордери, не придумав конца, не заботясь об опасности, скорее с тайным желанием быть убитыми по дороге. Но вот, после одного особенно сильного залпа, Тридон встряхнулся и, глядя на небо, хмурия брови, заставил прозвучать в мерзлом воздухе одно слово, одну фразу. Он нашел!

Прокламация, прочитанная среди благоговейного молчания, была покрыта аплодисментами. Она кончалась так:

„Дорогу Народу! Место Коммуне!“...

Подписавшие ее были арестованы, но явилась толпа с барабанами впереди и открыла двери Мазаской тюрьмы. И вот теперь судебный пристав из Шерш-Миди их приглашает. В ратуше не забыли об этом воззвании! Хотя за это время много воды утекло, утекло, не смыв грязи капитуляции и крови 22 января... ¹⁾

Но и они тоже говорят о 22 января! Они хотят из него сделать преступление. Но кто же преступники?.. 22 января сколько убито не-

¹⁾ Неудавшаяся попытка восстания.

винных! Те, у кого не было сил бежать, прятались за кучами песка, вытягивались вдоль сваленных фонарей и оставались там, сидя на колючках..

8 марта.

Суд над 31 октября свершился.

Трибунал из солдат оправдал большую часть тех, кто в силу договора, заключенного в эту ночь с мрачной развязкой, никогда не должен был бы быть ни арестован, ни преследуем... На скамье подсудимых остались лишь Гуиниль, я и еще несколько лиц, привлеченных к ответственности за деяния, которые не подходили под принятое соглашение..

11 марта.

Великодушное всеноего суда было одним притворством: по делу 31 октября только что вынесен смертный приговор. Близки и Флуаис приговорены к смерти. Тем лучше!.. Они вне пределов досягаемости...

Я чувствую, как собирается гроза, как заволакивается горизонт. Пусть только они заставят потерять терпение этот народ и пусть разразится первый громовой удар!..

(Ж. Валлес.—«Инсургент»).

ПРОКЛАМАЦИЯ ТЬЕРА К ЖИТЕЛЯМ ПАРИЖА.

Жители Парижа!

Мы еще раз обращаемся к вам, к вашему разуму и патриотизму, и мы надеемся, что вы выслушаете нас.

Ваш великий город, для жизни которого необходим порядок, стал свидетелем возмущения в некоторых кварталах... Оно препятствует возвращению к труду и благосостоянию.

С некоторого времени злоумышленники, под предлогом борьбы с пруссаками, которых уже нет в наших стенах, овладели частью города, воздвигли там укрепления и держат там стражу, принуждая и вас принимать в этой страже участие; и все это по приказу тайного комитета, который желает самостоятельно командовать частью национальной гвардии и не признает власти генерала д'Орелль, по справедливости занимающего пост вашего главы; этот комитет хочет образовать, в противовес законному правительству, установленному всеобщей подачей голосов, свое правительство.

Эти люди, причинившие вам так много зла,—те самые, которых вы разогнали 31 октября, делают вид, что они защищают вас от пруссаков; но пруссаки только появились в ваших стенах и эти беспорядки лишь задерживают их окончательный уход... Наконец, они не защищают, а компрометируют республику, потому что в глазах Франции республика делается неизбежно спутницей беспорядков, республика погибнет. Не верьте им и выслушайте истинную правду...

Пока длится такое положение вещей, торговля стоит, ваши лавки пусты; заказы, которые могли бы поступать со всех сторон, откладываются, вам приходится оставаться праздым, кредит не восстанавливается; капиталы, необходимые правительству для того, чтобы освободить территорию от врага, не поступают в казначейство. В ваших интересах, в интересах города, а также в интересах всей Франции, правительство решило действовать. Преступники, желающие установить свое правительство, будут преданы, с соблюдением установленных правил, в руки правосудия. Пушки, похищенные у государства, будут возвращены в арсеналы. Для выполнения этого необходимого, справедливого и разумного дела, правительство рассчитывает на вашу помощь. Пусть добрые граждане отвернутся от дурных; они должны помогать законной власти, а не противодействовать ей...

Парижане, мы обращаемся к вам с этой речью, так как уважаем ваш здравый смысл, ваше благоразумие и ваш патриотизм; но после этого предупреждения, вы дадите нам право прибегнуть к силе, ибо необходимо во что бы то ни стало, без малейшей проволочки, немедленно же восстановить полный и незабываемый порядок, необходимое условие вашего благополучия.

Тьер, председатель совета, глава исполнительной власти республики.

Париж, 17 марта 1871 г.

18 МАРТА 1871 г.

Правительство готовило удар против национальной гвардии...

Для ареста Центрального Комитета у него не было сил. В его распоряжении было не более 40.000 солдат... Впоследствии сам Тьер рассказывал, что его осаждали биржевые спекулянты, требуя покончить с революционным Парижем... Они говорили: „Не следует упускать такой момент; стоит пожертвовать какими-нибудь пятьюдесятью тысячами человек,—и горизонт прояснится, дела поправятся“...

17 марта Тьер решил действовать: генералы в течение ночи должны были собрать войска и на рассвете двинуться на Монмартр и Бельвиль, чтобы внезапным нападением овладеть орудиями национальной гвардии и увести их.

К утру 18 марта на улицах Парижа была расклеена прокламация за подписями Тьера и министров. Прокламация первым делом указывала, как на главного виновника всей разрухи, на Центральный Комитет национальной гвардии.

Указав на застой в делах, прокламация говорила, что они не ожились, пока „люди беспорядка“ будут удерживать у себя „орудия, похищенные у государства“—в действительности, отлитые за счет доброволь-

ных сборов среди парижан, в особенности среди рабочих и ремесленников и увезенные от наступающих пруссаков...

Ранним утром наскоро набранные отряды солдат—без ранцев, без припасов—направились во все стороны, где были расположены назначенные к захвату орудия. Никто не ожидал нападения. Слабые караулы гвардейцев были расставлены в немногих пунктах. Солдаты и жандармы, разогнав и частью перебив их, кое-где уже приступили к увозу орудий. Но второпях ничего не было подготовлено, пришлось посылать за лошадьми и упряжками. Время уходило.

Перед лавками уже собирались женщины и вытягивались в очереди. Они принимали самое горячее участие еще в увозе пушек от пруссаков. Теперь, как и тогда, они бросились к солдатам и начали их усовещивать. Все напирало на растерянных солдат, совершенно сбитых с толку, не видевших смысла всего этого дела. По звукам тревоги национальная гвардия высыпала на улицу. Натиск произвел свое действие; сначала в одном месте, а потом и в других, солдаты повернули ружья прикладами вверх... и арестовали своих офицеров, не успевших бежать. Так был задержан и генерал Леконт, командовавший операцией на Монмартре и возбуждавший страстную ненависть в солдатах своими угрозами...

Кроме Леконта, толпа захватила генерала Клемана-Тома... Этого июньского (1848 г.) убийцу узнали, когда он осматривал одну из баррикад, к постройке которых приступили предместья... Обоих пленников отвели на улицу Розье и заперли в помещении комитета этой улицы. Ожесточенная толпа, в особенности солдаты, добивались немедленной расправы... Раздались выстрелы. Кто застрелил генералов, так и осталось неизвестным. Всего вероятнее, что солдаты...

Орель де-Паладин сделал попытку пробить сбор в центральных кварталах и пригласить буржуа присоединиться к войскам для „восстановления порядка и спасения республики от анархии“. Тьер, в свою очередь, обратился с прокламацией к национальной гвардии. „Распространяются нелепые слухи, говорится в прокламации,—будто правительство prepares переворот. Оно хотело и хочет только одного: покончить с мятежным комитетом, члены которого являются поборниками коммунистических идей, и хотят предать Париж грабежу и уготовить Франции могилу“.

Желанных результатов не получилось... Буржуа вообще предпочитают, чтобы за них дрались другие... Правительству оставалось только как можно скорее бежать из столицы...

К ночи 18 марта министры бежали; никому не пришла в голову мысль помешать их уходу, задержать их. Единственной властью в Париже сделался Центральный Комитет...

(И. Степанов.—«Парижская Коммуна 1871 г.»).

НАЧАЛО КОММУНЫ.

18 марта.

— Стук-стук!

— Кто там?

Это один из трех друзей, знающих мой тайник; он бледен и задыхается.

— Что случилось?

— Один полк перешел на сторону народа!

— Значит, идет битва!?

— Нет, но Париж на стороне Центрального Комитета. Утром шашпо пробил головы двум генералам.

— Да?.. Как?

Один отдал приказ стрелять в толпу. Солдаты смешались с народом, а его потащили и убили; первым выстрелил какой-то унтер-офицер, в пехотной форме. Другой, это—Клеман-Тома, он было явился пошпионить, кто-то из старых июньских его узнал. К стене и его!.. Их трупы, продырявленные, как решето, валяются в саду, на улице Розьер, там наверху, на Монмартре.

Он умолк.

Ну, что же? Это революция!

Где же Центральный Комитет? Комитет?.. Он пустил корни в этой комнате. Один пишет, другой дремлет; тот разговаривает, полусидя на столе, этот рассказывает какую-то историю, над ней хохочут соседи, чистя револьвер, у которого что-то застряло в глотке.

Я не знаю ни одного. Мне назвали их имена: я их слышу в первый раз. Это все делегаты батальонов, популярные только в своих кварталах. Они выдвинулись, как ораторы и как решительные люди на собраниях, нередко носивших грозный характер; из них-то и вышла федеральная организация. Я ни разу не присутствовал на их заседаниях, так как был вынужден скрываться до и после моего осуждения.

Сейчас их не больше шести или семи в этой громадной зале, где еще так недавно танцевала империя в золоченых мундирах и бальных туалетах.

Под потолком с лилиями, в медальонах, сегодня заседает, как правительство, с полдюжины парней, в грубых сапогах, в темных кэпи, в солдатских плащах или матросках; ни одного эполета, ни одного аксельбанта!

Они почти и не заметили, что явился посторонний. И только потолковавшись минут пять, я решился подойти к тому, кто был занят чисткой своего револьвера. Он уже, moreover, не смеялся и говорил твердым голосом только-что пришедшему:

— Ну, нет! Вам все еще хочется обморочить революцию! Я предпочту скорей, чтобы мне разможили башку, чем согласиться... Я не согласен!

Заметив меня, он резко спросил:

— И вы тоже делегат от какой-нибудь мэрии?

Я главный редактор „Крика Народа“.

— И вы молчите?! Остаетесь там, как последний пришедший?!

Да, я, действительно, пришел последним. Я не принимал участия в расстрелах утром, я не был вчера вечером на баррикадах.

Я признаюсь ему в своих колебаниях, рассказываю, отчего я занял оборонительное положение.

— Я понимаю, — говорит он, — наша неизвестность вызывает подозрения! Но за нами полмиллиона неизвестных с оружием в руках и они пойдут за нами!

— Вы в этом уверены?—вмешивается оставленный им ради меня собеседник, Бонвале, мэр III округа, маленький толстяк; повидному, он очень взволнован и говорит приподнятым тоном, точно парламентар, диктующий условия или передающий вызов.—Вы уверены, что население пойдет за вами, как вы говорите?.. Мы, Лига прав Парижа, являемся предложить вам передать на время власть в наши руки (только на время), чтобы иметь возможность посмотреть, что делать дальше!

— Товарищи мои поступят так, как им угодно! Что-же касается меня, то я вернусь в свой округ, займу ваше гнездо и не пущу вас на порог... Вот!..

— Без нас вы будете ничто!..

— Да вы-то сами, что такое? Вы думаете, что все ваши муниципалы и депутаты значат теперь хоть что-нибудь?.. Будь они во главе движения, они обокрали бы нас, посадили в лужу! Они бы потопили нас! Нас, социалистов. Если бы дело попало в руки избранных города... прощай, Коммуна!

Он снова начал смеяться и прибавил:

— Отправляйтесь, мой милый, и скажите вашим господам, что мы здесь по воле людей, никому неизвестных, и что лишь картечью можно нас выбить отсюда.

— Это ваше последнее слово?

— Поговорите с другими, если вам угодно! Но я вам лишь повторяю, слово в слово то, что мы говорили этой ночью... все, как один!

В этот самый момент вошла кучка людей без оружия. Одни, совсем измученные, зезали; другие, сверкая глазами, махали какими-то исписанными листами, хлопали по бумаге, сравнивали текст.

Это—ядро Комитета, которое явилось узнать новости и решить ответ депутатам.

— Война или мир?—спросил Бонвале.

— Это зависит от вас самих. Будет мир, если вы не будете значить и задира́ть голову, если представители народа пожелают обратиться к народу. Мы согласны залезть в тиски ваших традиций, только не виляйте хвостом, не кривите душой и не предательствуйте! Вы же, повидному, только на это и способны!.. Ну, а теперь оставьте нас в

покое; нам придется порыться в наших карманах. Нужен миллион франков для наших 300.000 членов... А у меня всего десять франков!

— Так, что же! Стоит только взломать кассы!

— Чтобы нас обвинили в краже, в грабеже!..

Движение нерешительности. Восклицания ужаса. Эти бедняки, почти нищие,—боятся. Их грубые и черные руки до сих пор дотрагивались лишь до трудовых денег в вечер полочки и теперь содрогаются, не хотят трогать кучи банковых билетов и мешки золота, спрятанные под замком!

— А, между тем, ведь необходимо выдать жалованье национальным гвардейцам, сохранить им их тридцать су! А затем, что скажут женщины? Если хозяйки обратятся против нас, движение затормозится, и Революция погубла.

— Верно!

— А хуже всего то, и этого нужно особенно бояться, что люди без дисциплины отправятся толпами добывать себе хлеб, который им необходим, и вина, больше, чем им нужно. Они взломают двери, чтобы утолить свой голод или жажду, чтобы дать выход своему гневу... Ведь достаточно трех сотен каналов или лоботрясов, чтобы представить коммунаров скопищем трехсот тысяч мерзавцев!

— А если в этих несчастных сундуках не найдется чем расплатиться и за два дня?

— Пусть хватит только на двадцать четыре часа, и это время надо выиграть! Все падет на нашу голову... Впрочем, наши головы и так едва держатся у нас на плечах... Что касается меня, то я готов начать первым. А что скажешь ты, Варлен?

— Нужно поискать лом!

Бездна разверзлась окончательно, как под ударом лопаты могильщика. Треск разламываемых замков наложит на Комитет такую же ответственность, как и расстрел генералов. Все, у кого есть хотя четыре су, „честные люди“ всех классов и всех стран, будут готовы направить на это гнездо грабителей свои проклятия, пули, ядра...

АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

К народу.

Граждане:

Парижский народ свергнул ярмо, которое пытались наложить на него.

Спокойный, невозмутимый в своей силе, он без страха и без вызова ждал лишь того момента, когда наглые безумцы осмелятся посягнуть на нашу святыню—республику.

На этот раз наши братья, солдаты армии, отказались поднять руку на святыню нашей свободы. Мы выражаем нашу благодарность всем; пусть теперь Париж, а с ним и вся Франция, создаст прочный фундамент для истинной республики, единственного правительства, которое

навсегда положит конец эпохе вражеских нашествий и гражданских войн.

Осадное положение снято.

Население Парижа приглашается явиться в свои секции для производства коммунальных выборов.

Безопасность граждан обеспечена, благодаря содействию национальной гвардии.

Городская ратуша Парижа, 19 марта 1871.

Центральный Комитет национальной гвардии.

(Следуют подписи).

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Граждане!

Коммуна учреждена.

Голосование 26 марта санкционировало победу революции.

Подлая власть напала на вас, схватив вас за горло; в законной самозащите вы прогнали от ваших стен правительство, желавшее обеспечить вас и навязать вам короля.

Вы не захотели преследовать преступников; теперь они злоупотребляют вашим великодушием и организывают у самых ворот города очаг монархической конспирации. Они призывают к гражданской войне, прибегают к подкупу, устраивают заговоры, они осмеливаются даже кланчить помощи у неприятеля.

За эти гнусные происки призываем их к суду Франции и всего мира.

Граждане, вы только что создали учреждения, которые сумеют бороться с этими покушениями.

Вы сами располагаете своей судьбой. Созданное вами правительство, сильное вашей поддержкой, исправит весь ущерб, причиненный городу отжившим правительством; подавленная промышленность, оставившийся труд, парализованная торговля получают новый, сильный импульс.

На первой очереди стоит вопрос о наемной плате за квартиры; затем вопрос о сроках платежей; восстановление и упрощение всех общественных учреждений; немедленная реорганизация национальной гвардии, отныне единственной вооруженной силы города.

Таковы будут наши первые шаги.

Народные избранники просят своих избирателей поддержать их своим доверием в деле упрочения торжества республики.

Со своей стороны они исполнят свой долг.

Городская ратуша, 29 марта 1871.

Парижская Коммуна.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА ПОСТАНОВЛЯЕТ:

§ 1. Рекрутский набор отменяется.

§ 2. В пределах Парижа не может быть учреждена и в город не может быть введена никакая военная сила, кроме национальной гвардии.

§ 3. Все способные к военной службе граждане вступают в ряды национальной гвардии.

Городская ратуша, 29 марта 1871 г.

Парижская Коммуна.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Принимая во внимание, что основным принципом французской республики является свобода;

что из всех видов свободы—главный есть свобода совести;

что государственный бюджет церкви противоречит этому принципу, так как насилует убеждение граждан;

что в действительности духовенство было соучастником в преступлениях монархии против свободы,

постановляет:

§ 1. Церковь отделяется от государства.

§ 2. Церковный бюджет упраздняется.

§ 3. Так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как движимые, так и недвижимые, объявляются национальной собственностью.

§ 4. Назначается немедленное расследование по поводу этих имуществ, с целью выяснить их характер и передать их в распоряжение нации.

11 апреля 1871.

Воззвание к парижским гражданам.

Париж подвергнут блокаде; Париж бомбардируется.

Гражданки, где же наши дети, наши братья и мужья?.. Слышите вы рев пушки и призывный звон набата?

К оружию! Отечество в опасности.

Что это, или чужеземец опять хочет покорить Францию? Или союз европейских тиранов шлет свои легионы, чтобы уничтожить наших братьев, до основания разрушить наш город, истребив даже память о бессмертных победах, купленных целым столетием крови; победах, имя которым—свобода, равенство и братство?

Нет, эти враги, эти убийцы народа и свободы—французы!

Это братоубийственное безумие, овладевшее вдруг Францией, эта смертельная борьба—финал вечного антагонизма между правом и силой, трудом и эксплуатацией, народом и его палачами.

Наши враги — это привилегированные существующего социального строя, те, которые жили нашим потом и жирели нашей нуждой...

На их глазах народ восстал, провозглашая: „нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей... Мы хотим работы, но мы хотим сами пользоваться ее плодами... Не надо эксплуататоров, не надо хозяев... Пусть работа будет для всех источником благосостояния, — пусть народ сам будет правительством—Коммуной, будем жить и работать свободными или умрем, сражаясь“...

И страх предстать перед народным трибуналом толкнул наших врагов на величайшее вероломство—на гражданскую войну.

Гражданки Парижа, потомки женщин Великой Революции, которые во имя народа и справедливости отправались в Версаль и привели пленного Людовика XVI; мы, матери, жены и сестры французского народа, допустим ли мы, чтобы нужда и невежество сделали врагов из наших детей, чтобы отец восстал на сына, брат на брата, чтобы они убивали друг друга на наших глазах по прихоти наших притеснителей, сперва предавших Париж пруссакам, а теперь желающих уничтожить его.

Гражданки, настал решительный час. Нато покончить со старым миром. Мы хотим свободы. Взгляните, не одна только Франция поднимается, глаза всего цивилизованного мира направлены на Париж, все ждут нашей победы, чтобы освободиться в свою очередь. Даже Германия, та самая Германия, королевские армии которой опустошали нашу родину, обрекая на смерть наши демократические и социалистические принципы, даже она взволнована и потрясена дыханием революции. Уже шесть месяцев она объявлена в осадном положении, а представители ее рабочих заключены в тюрьму. Даже в России правительство уничтожает защитников свободы, а на смену им появляется новое поколение, также готовое на смерть биться за республику и обновление социального строя.

Ирландия и Польша умирают, чтобы возродиться с новой энергией; Испания и Италия вновь нашли утраченную мощь и присоединились к интернациональной борьбе народов; в Англии, вся пролетарская, живущая одним заработком масса, уже в силу своего социального положения, переходит на сторону революции; в Австрии правительство принуждено подавлять одновременно и восстание целой страны и славянских княжеств; не указывает ли это вечное столкновение между правящими классами и народом, что дерево свободы, целые века удобряемое потоками крови, принесло наконец плоды?

Гражданки, перчатка брошена, мы должны умереть или победить...

Гражданки, решимся! Соединимся, чтобы помочь нашему делу! Будем готовы защищать и мстить за наших братьев. В ворота Парижа, на баррикады, в предместья, все равно куда; будем готовы в нужный момент присоединить наши усилия; если негодяи, расстреливающие наших пленных и убивающие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин, тем лучше. Крик ужаса и негодования всей Франции и всего мира завершит то, что мы начали. Если все оружие и штыки разобраны нашими братьями, то на нашу долю остаются уличные булыжники, чтобы поразить изменников.

Группа гражданок.

13 апреля 1871.

Принимая во внимание, что императорская колонна на площади Вандом является памятником варварства, символом грубой силы и ложной славы, утверждением милитаризма, отрицанием международного права, вечным оскорбительным вызовом победителей побежденным, постоянным покушением на один из трех великих принципов французской республики—братство,

Парижская Коммуна постановляет:

Вандомская колонна должна быть снесена.

Граждане!

Революция не может быть и не будет побеждена.

Но мы должны показать монархистам, что Коммуна не остановится ни перед чем и не позволит разорвать свое красное знамя; народ должен знать, что только от него, от его энергии, бдительности и единодушия зависит окончательный успех нашего дела.

Сегодня попытка реакции не удалась, но завтра она опять повторит ее.

Наблюдайте все за ее действиями.

Будьте готовы безжалостно поразить предателей. Соединим в последнем усилии все живые силы революции и тогда успех обеспечен.

Городская ратуша, 12 мая 1871.

Комитет общественного спасения.

(следуют подписи).

Граждане!

Ворота Сен - Клу, осаждаемые одновременно с четырех сторон, с горы Валериан, с холма Монмартра, с Мулино и с форта Исси, изменой преданного версальцам, взяты штурмом, и неприятель распространился по части парижской территории.

Эта неудача не должна лишать нас бодрости; напротив она должна усилить нашу энергию. Народ, низлагающий королей, разрушающий Бастилии, народ 89 и 93 года, народ революции не может потерять в один день все плоды эмансипации 18 марта.

Парижане! Никто не должен уклоняться от участия в этой борьбе; ибо это — борьба будущего с прошлым, свободы с деспотизмом, равенства с монополиями, братства с рабством, единства народов с эгоизмом их притеснителей.

К оружию!

Итак, к оружию! Пусть Париж покроется баррикадами, пусть из-за этих импровизированных прикрытий он бросит врагам свой вызывающий, гордый военный клич, — клич победы, ибо ничто не может покорить Париж с его баррикадами.

С улиц должны быть сняты все мостовые, во-первых, неприятельские снаряды менее опасны, если падают прямо на землю; во-вторых, обломки этих мостовых могут служить, в свою очередь, оружием защиты;

они должны быть собраны в разных местах на балконах верхних этажей.

Пусть Революционный Париж, Париж великих дней, исполнит свой долг; Коммуна и Комитет общественного спасения исполнят свой долг. Городская ратуша, 2 приэриала 79 года. ¹⁾

Комитет общественного спасения.

(Следуют подписи).

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОММУНЫ.

Резня началась среди глубокой тишины. Асси, ²⁾ возвращаясь с Ламюэтт проезжал по улице Бетховена: здесь он увидел людей, которые лежали на земле и, казалось, спали. Ночь была ясная: Асси признал федералистов и хотел под'ехать к ним поближе, чтобы разбудить их. Но лошадь его подскользнулась в луже крови. Спящие люди оказались трупами; весь пост был перебит версальцами...

Отчаянно раздается набат, барабаны бьют тревогу.

С окраин города федералисты стягиваются к центру; слух о вступлении версальцев принимается с явным недоверием. Обсерватория Триумфальной арки решительно его опровергает; тем не менее, мысль о защите Парижа овладевает умами...

Готовясь к последнему бою, федералисты заперлись в Пер Лашэз, но ядра версальцев пробили бреши в воротах кладбища.

Боевые запасы федералистов подходят к концу; но они готовы сражаться до последнего патрона.

Горсть храбрецов сражается на кладбище против целой армии; бой идет среди могил, в ямах и склепах; бьются саблями, штыками, ружейными прикладами; более многочисленные, лучше вооруженные, сбегавшие свои силы для Парижа,—версальцы беспощадно истребляют храбрецов.

Последние из этой кучки героев были немедленно расстреляны у высокой белой стены, которая выходит на улицу дю Репо. Они падают с криками: „да здравствует Коммуна!“

Как и везде, последние залпы покончили с теми, кто уцелел от первых. Некоторые испустили дух свой под грудами тел или даже в земле.

Остается еще горсть последних защитников Коммуны, в своих красных шарфах, они отступают к баррикаде на улице Фонтэн-о-Руа. К ним присоединяются с других улиц члены коммуны и центрального комитета: в этот смертный час большинство и меньшинство протягивают друг другу руки.

¹⁾ 1871 г.,—год Парижской Коммуны был 79-м годом от начала Великой Французской Революции.

²⁾ Адольф Асси—офицер, Член Парижской Коммуны.

Над баррикадой развевается огромное красное знамя. Тут оба Ферре,—Теофил и Ипполит, Ж. Б. Клеман, Камбон, какой-то гарибальдиец, Варлэн, Верморель, Шампи. ¹⁾

Вот замолкла баррикада на улице Сен-Мор; но на Фонтэн-о-Руа все еще не хотят сдаться, и баррикада этой улицы изрыгает огонь в кровавое лицо версальцев.

Чу—уже приближается стая бешеных волков. В руках Коммуны остается ничтожная часть Парижа—от улицы предместья Тампль до бульвара Бельвиль.

На баррикаде улицы Рампоно остается всего один защитник; и, однако, на короткое время он останавливает наступление версальцев.

В этот момент замолкает канонада на Пер-Лашэз. Кто еще держится? Одни герои баррикады на Фонтэн-о-Руа.

Не надолго им хватит снарядов. А пушки версальцев уже громят баррикаду.

Спустя несколько минут с потрясающим грохотом баррикада извергает свои последние снаряды и замолкает вслед за этим ужасным залпом...

Коммуна умерла. Под ее развалинами были погребены тысячи героев, которые остались неизвестными.

Как страшен был этот последний—потрясающий и глухой залп из пушек с двойным зарядом! Мы сразу почувствовали, что то был конец; но упорные, как часто бывает с побежденными, мы не хотели в том сознаться.

Я стала уверять, что слышала еще несколько выстрелов... Присутствующий при этом офицер из версальцев весь побледнел от ярости. Быть может, впрочем, он был не столько раздражен моим упорством, сколько боялся, как бы я не оказалась права.

В то же воскресенье, 28-го мая, маршал Мак Магон приказал расклеить по безлюдному Парижу следующее об'явление:

„Жители Парижа!

Французская армия явилась спасти вас. Париж освобожден; в 4 часа последние позиции инсургентов перешли в руки наших войск. Ныне борьба окончена; порядок, труд и безопасность вступают в свои права.

Маршал Франции, главнокомандующий
Мак Магон, герцог Маджентский.“

В этот же день был арестован Варлэн ²⁾ близ улицы Лафайет: ему связали руки и, так как он назвал себя, вскоре его окружила целая толпа, привлеченная его именем. То была характерная толпа черных дней.

¹⁾ Члены Коммуны.

²⁾ См. «Речь Варлэна перед судом», стр. 88.

К арестованному приставили целый взвод солдат, чтобы отвести его на холм; там было место казни.

Толпа становилась все больше и больше. То была не та толпа, которую мы знали—волнующаяся, впечатлительная, великодушная; то была чернь, которая после поражения приветствует победителей и ругается над побежденными...

Коммуна была повержена и эта чернь помогла докавать ее.

Сначала хотели было расстрелять Варлэна около стены у подножия холма, но кто-то крикнул: „Пусть его прогуляется“. Другие подхватили: „Пойдем на улицу де-Розье.“

Солдаты и офицеры повиновались. Варлэн, все еще со связанными руками, стал взбираться на холм, сопровождаемый воплями, осыпаемый градом ругательств и ударов. Толпа увеличилась уже до двух тысяч. Варлэн шел бодро, с высоко поднятой головой. Какой-то солдат выстрелил в него, не дожидаясь команды, и положил конец его мученьям; за первым выстрелом последовали другие. Солдаты бросились было прикончить Варлэна: он был уже мертв.

Поглядеть на труп Варлэна ходил весь Париж,—Париж реакционеров и зевак,—Париж обывателей, которые прячутся в минуту опасности и выходят на свет, когда им нечего бояться...

Весь Париж был полон трупов; зловоние, распространяемое этой страшной гекатомбой, привлекло в мертвый город целые тучи трупных мух. Это заставило версальцев прекратить убийства из опасения чумы.

Однако, смерть продолжала косить свои жертвы. Пленные в огромных массах были скучены в дворцовой оранжерее, подвалах, в Версали, Сатори; у раненых не было белья; всех кормили хуже, чем животных, и горячка уносила истощенных людей десятками.

Некоторые из заключенных, увидев сквозь решетки жену или детей, тут же сходили с ума.

Возле общих могил бродили женщины, дети и старики, стараясь узнать своих среди трупов, непрерывно подвозимых телегами.

Тут же, понутив голову, с воем бродили тощие собаки; с бедными животными расправлялись несколькими ударами сабли. Если же какая-нибудь женщина или старик слишком громко выражали свое горе, их немедленно арестовывали.

В первое время после победы, правительство обещало награду в 500 франков за указание места, где скрывается член Коммуны или Центрального Комитета.

Это объявление было распространено по всей Франции и даже за границей. Оно вызывало всех желающих продать голову злополучного изгнанника.

Прямо перед нами, на насыпи, возвышался столб, приготовленный для казни.

К нам подошел комендант. Он обратился ко мне, указывая на языки пламени, прорывавшиеся сквозь дым.

— Вот дело ваших рук,—сказал он.

— Да,—ответила я:—мы не из таких, которые сдаются. Париж погибнет!

Привели какого-то высокого молодого человека с курчавой головой; он слегка походил на Межи; за это его и арестовали.

Мы стали кричать: „Это не Межи! Это другой!“... Юноша покачал головой: „не все ли равно!“

Его расстреляли на насыпи. Он умер, как истинный герой. Никто из нас не знал его.

Мы ждали своей очереди.

Перед нами в один или два ряда выстроились солдаты с заряженными ружьями. Они тоже ждали.

Наступил вечер; кое-где сгустились черные тени, кое-где зажглись фонари. Один из них бросал тусклый свет на носилки, поставленные в углу: на них покоилось тело казненного юноши.

Среди арестованных оказалось двое коммерсантов с Монмартра; бедняги вышли из дома просто ради любопытства, „чтобы посмотреть“; их забрали вместе с другими.—„Мы за себя не боимся“, говорили они— „мы были скорей против Коммуны и ни в чем не замешаны. Мы объясним, в чем дело, и нас выпустят“... Но нам казалось, что им грозит то же самое, что и нам.

Вдруг на бастион прискакала группа блестящих офицеров. Тот, кто был, повидимому, начальником, был человек довольно полный, с правильными чертами лица; но его свирепые глаза, казалось, выкатывались из орбит. Лицо его было багрово; точно вся кровь, пролитая в эти дни, выступила на нем, чтобы отметить его печатью Каина; великолепная лошадь стояла неподвижно, словно бронзовое изваяние.

Выпрямившись на своем коне и надменно подбоченившись, он обратился к арестованным.

„Я—Галлифе!¹⁾ Вы считаете меня жестоким, господа с Монмартра; ну, я более жесток, чем вы думаете.“

В этом тоне он говорил несколько минут; из его речи ничего нельзя было понять, кроме бессвязных угроз.

Все мы поняли, что обречены на смерть и стали, по возможности, приводить в порядок свою внешность, чтобы достойно умереть. Нас было несколько сот; мы не знали, придется ли нам выходить на насыпь или же нас расстреляют всех вместе... Я уже говорила, что все мы, люди 71-го года, гордились своим пренебрежительным отношением к смерти; к тому же фраза: я—Галлифе! показалась нам ужасно смешной; она напомнила старую-старую песенку из какой-то буколической оперы:

„Я Лендер, пастух этого стада“...

Вот так пастух! Вот так стадо! Первые слова этой песенки, пришедшие мне в голову неизвестно как и откуда, вызвали среди нас смех.

¹⁾ Галлифе,—маркиз, генерал, один из самых жестоких палачей Коммуны. В 1899—1900 г. был военным министром.

„Стреляйте в эту шайку!“, загредел взбешенный Галлифе. Но солдаты, пресытившиеся кровью, уставшие убивать, не двигались и смотрели на него тупо, словно в полусне.

Наши бедные коммерсанты в ужасе заметались во все стороны, толкая арестованных и солдат и стараясь пробиться вперед.

Вся ярость Галлифе обрушилась на них; он приказал взять их и расстрелять... Как бились, как кричали несчастные, не желая умирать! Они умоляли нас позаботиться о их детях — как будто были уверены, что мы останемся в живых; но оба так растерялись, что даже не указали своего адреса.

Напрасно мы кричали: „Да ведь они из ваших! Мы их не знаем! Они против Коммуны“...

Один из них был расстрелян не у столба, а на бегу по насыпи, как дичь; другой рвался, привязанный к столбу: так трудно было ему расстаться с жизнью...

Скоро Галлифе уехал. Нас выстроили в длинную колонну; конные солдаты стали с двух сторон и мы тронулись неизвестно куда. Мы шли под мерный, усыпляющий топот лошадей; от времени до времени красноватый огонь рассеивал ночную темноту, слышался грохот обвала, гремел пушечный выстрел... Все это было смутно, неведомо, словно в тумане сна и, однако, ни одна мелочь не ускользала от внимания.

Вдруг, мы стали спускаться в лощину: мы поняли, что приближаемся к ла-Мюэтт.

Мы думали, что здесь нам суждено умереть.

Трудно представить себе более прекрасную и вместе страшную картину.

Ночь не была темна; но она была и не настолько светла, чтобы можно было различить все очертания предметов; все формы расплывались, и это удивительно гармонировало с настроением минуты. Дрожащие блики луны, прорываясь между ног лошадей, ложились на узкую дорогу, по которой мы спускались. При свете факелов тени всадников черной бахромой обрисовывались на земле. Красные повязки на разорванных мундирах федералистов казались кровью, которая алыми струями покрывала солдат.

Длинная вереница пленных змеей уходила в даль, становясь к хвосту все тоньше и тоньше...

Мы слышали шелканье ружейных курков; потом все стихло; кругом царило молчание и мрак...

Мы шли в Версаль.

Действительно, мы пришли туда. Там нас окружила целая туча хлыщей; они были, как стая волков; иные даже стреляли в нас, так что у соседа моего челюсть оказалась перебитой...

Версаль остается позади. Мы все еще идем. Наконец, перед нами под'ем, увенчанный зубчатой стеной. Это Сатори.

Проходили дни. Коммуна погибла уже давно. Еще в воскресенье, 28-го мая, до нас донесся ее последний пушечный залп; то была агония. Прибыла новая партия женщин и детей; но в Сатори все уже было переполнено; и вновь приведенных отправляли в Версаль. С нами оста-

лось только несколько женщин из этой партии; то были „наиболее опасные“—маркитантки Коммуны.

Ночь в Сатори... Трудно представить себе что-либо более ужасное. В камере нашей было окно, смотреть в которое запрещалось под страхом смерти; но стоило ли этим стесняться! В это окно мы видели необычайные вещи.

Под проливным дождем, иногда—при тусклом свете фонаря—рисовались тела людей, лежащих прямо в грязи. Они казались грядями черной земли: когда же поверхность воды, заливавшей двор, начинала колебаться, они походили на застывшие волны. Слышался сухой треск взводимых курков, сверкал огонь, и пули градом вшивались в толпу, убивая, кого попало.

Иногда вызывали людей по именам. Они вставали и шли вслед за фонарем, которым освещали дорогу. Осужденные несли на плечах лопаты и кирки, которыми должны были сами вырыть себе могилу; за ними двигались солдаты экзекуционного отряда.

Печальный кортеж проходил. Затем слышались залпы. Все кончено...

(Луиза Мишель—«Коммуна»).

НА БАРРИКАДЕ.

На баррикаде, кровью залитой,
Ребенка лет двенадцати с толпой
Других бойцов солдаты захватили.

— „И ты был с ними?“ — „Да, мы
вместе были“.

— „Ну, так тебя мы расстрелять
должны.“

Жди свой черед“.

Стволы поднялись рядом,
Сверкнул огонь, и пали у стены
Товарищи его по баррикадам.

— „Позвольте мне,—сказал он,
обратясь
К начальнику,—пойти домой, про-
ститься

С своею матерью: я ворочусь сейчас“.

— „А кто тебя заставит воротиться?
Ты хочешь улизнуть?“ — „Нет,
капитан“.

— „А где живешь ты?“ — „Там вон,
у фонтана“.

— „Ну, хорошо, ступай“...

„Эх, капитана

Надул мальчишка, — ловок на
обман!...“

Смеялись солдаты меж собою,
И смешивался этот грубый смех
С предсмертным стоном и хрипеньем
тех,

Кто умирал, валяясь пред стеною...

Вдруг шутки смолкли. Весь отряд
Глядит, не веря: к ним назад
Ребенок осужденный смело

Идет, приблизился и стал
К стене и гордо им сказал:

„Вот я, стреляйте!“...

(В. Гюго).

РАСПРАВА.

(Версальские солдаты).

Первый. Ты где был?

Второй. Э, я пришел к самому концу, мы были в резерве с генералом. Нас повели за Инвалидов, но я видел пожары. А ты?

Первый. Я был на Шомонском валу за Лавилетт. У нас было жарко. Когда это кончилось, мы разом приклеили к стене сто пятьдесят человек. Стреляли прямо в толпу. Чорт побери! Даже борода курилась.

Второй. Вот так суматоха.

Первый. Там был какой-то старый чорт, который при всяком залпе поднимался и кричал: Да здравствует Коммуна! Ему задали комму, но его было не так то легко перекувырнуть.

Второй. Кожа была толста?

Первый. Нет, но он взбесился, потому что вместе с ним взяли его жену и дочь. Вот вопил!

Второй. Что-же, это все были национальные гвардейцы?

Первый. Забирали всех, кто попадался.

Второй. Порядочно набралось?

Первый. Еще бы. Мы стреляли в пятнадцати шагах. Тепло от их тел поднималось к самому лицу. И все время приходилось отступать, а то кровь заливала за каблуки.

Второй. Ничего, все-таки они были порядочные каналы.

(Парижская Коммуна.—Акты и документы).

(Парижская буржуазия).

— Что вам хочется смотреть, дети,—говорит мать своим дочерям,—развалины или трупы?

— О, и то и другое, маменька, и то и другое!

— Ну, так вот что мы сделаем: мы поедем сначала смотреть на мертвых... только позавтракать придется как попало.

— Ничего, маменька: мы возьмем с собой по кусочку хлеба!

— Хорошо. И если я не слишком устану, мы пойдем смотреть пожары, вместо десерта.

И девочки захлопали в ладоши...

(«Парижский журнал», 5 июля 1871 г.).

СТАТИСТИКА УБИЙСТВ.

— Известно число убитых?—спросил Марциал.

Тэдена ответил:

— Его никогда не узнают. Генерал Анпер¹ по секрету сообщил нашему бывшему мэру Вапуро, что федералистов пало в бою 17 тысяч. К этому нужно прибавить 67 тысяч убитых вне Парижа... не считая 12-ти тысяч, наполняющих еще госпитали.

Наступило красноречивое молчание.

Тэдена продолжал:

— Реакция 71 года убила в одну неделю в два раза больше людей, чем революция в два года.

— Что вы?—вырвалось у Марциала.

— Положительно,—повторил историк и стал приводить доказательства.—По печатным источникам, приводящим числа, имена, профессии казненных с 26 августа 1792 года по 19 июля 1794 г., в Париже всего было отрублено 2.049 голов, при чем большею частью погибали не дворяне, а люди со скромным положением. Прибавим к этой цифре сентябрьское избиение, жертвы Лиона, Тулона, Оранжа, Арра... Мы получаем солидную, бесспорно, цифру в 10 — 12 тысяч. Сравните ее с нынешней.

— А потери армии известны?—спросил опять Марциал.

— По отчету Мак-Магона, как сообщило мне одно очень осведомленное лицо, армия за все время операций потеряла 82 офицера и 794 нижних чина.

— Как вы сказали?—удивился Понсэ, пораженный разницей.

— Да, я не ошибся. Всего 876 человек. Число раненых, к сожалению, много значительней, доходит приблизительно до шести с половиною тысяч... Благодаря медленности маневрирования, обходным движениям удалось достичь таких сравнительно незначительных потерь. Да и то потери были бы еще куда меньше, было бы пролито гораздо меньше драгоценной крови, если бы воспользовались внезапностью вступления и сразу двинулись бы вперед. Федералисты не успели бы построить свои баррикады, поджечь здания и расстрелять заложников.

Страсти не так бы разгорелись. Париж не был бы усеян, как выразился Тьер, трупами, мы не переживали бы теперешнего террора и в Версали не было бы столько пленных.

— Говорят о баснословных цифрах,—заметил Понсэ.

— Да, больше сорока пяти тысяч. Сорок пять тысяч ждут теперь и будут, может-быть, ждать в продолжение многих лет решения своей участи, приговора или оправдания...

Около тысячи уже освободили по ходатайству реакционеров, доказывавших, что они были схвачены по ошибке... Знаете вы, сколько было сделано доносов с 24-го мая по 13 июня? Триста семьдесят девять тысяч восемьсот двадцать восемь! Это официальная справка полицейской префектуры... За подписями имелось не больше двадцатой доли... На некоторых доносили по 17 раз...

(П. и В. Маргерит.—«Коммуна»).

„И Н Т Е Р Н А Ц И О Н А Л“.

(Гражданину Лефрансе, члену Коммуны). ¹⁾

1.

Восстань, народ порабощенный! Сметем уклад многовековый!
 Вперед, колодники нужды! Рабы! Возьмитесь за ружье!
 Кипит наш разум возмущенный, Изменит мир свои основы:
 И близок страшный взрыв вражды. Мы в нем—ничто, а будем—все!

Мы под знаменем алым
 Победим, и тогда
 Интернационалом
 Весь будет мир труда!

2.

Никто не даст нам полной воли. Чтоб легче свергнуть гнет позорный,
 Ни бог, ни царь и ни герой,— Чтоб не склониться пред мечом,—
 Мы сами мощью нашей воли Дружнее куйте, ладя горны,
 Воздвигнем новый, светлый строй. Пока железо горячо!

Мы под знаменем алым и т. д.

3.

Нас давит власть и лгут законы, Мы под опекой жили долго,—
 Налог навис над беднотой, Пора! Закон равенства прав,—
 Богач сгребает миллионы, Он говорит: „Нет прав без долга.
 Права рабочих—звук пустой. Равно и долга нет без прав!“

Мы под знаменем алым и т. д.

4.

Гнусны при всей кичливой славе У них наш труд лежит по кассам,
 Владыки фабрик, шахт и руд: Залитый в золото хитро,
 Твердят о долге и о праве, Пускай вернут рабочим массам
 А сами жадно грабят труд. Назад народное добро!.

Мы под знаменем алым и т. д.

¹⁾ «Интернационал» написан членом Парижской Коммуны поэтом Эженом Потье в июне 1871 г. в Париже (где он скрывался от версальцев), и посвящен коммунару Лефрансе.

В 1899 г. на объединительном Конгрессе французских социалистических организаций «Интернационал» был принят всеми присутствовавшими делегатами как международный гимн.

Общераспространенный в России текст его является не полным переводом с подлинника, в нем отсутствуют 3, 4 и 5 строфы; поэтому мы приводим здесь один из новых переводов, воспроизводящих текст полностью.

5.

Цари нам голову дурманят,	И пусть посмеют патриоты
Мы—мирный труд. Война—царям!	В нас пыл разжечь для их атак,—
Пусть стачка армий грозно грянет	Мы сразу наши пулеметы
Из строя прочь и—по домам!	Направим в собственных вояк.

Мы под знаменем алым и т. д.

6.

Лишь мы, трудом об'единенный	Довольно хищникам кормиться!—
Союз рабочих и крестьян,—	И если черная орда
Земли хозяин прирожденный,	При свете утра разлетится,
А не бездельники всех стран!	То солнце с нами навсегда!

Мы под знаменем алым
Победим, и тогда
Интернационалом
Весь будет мир труда!

(Э. Потье. Перев. А. Зарницына).

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

...После Троищина дня 1871 г. не может быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Хотя железная рука наемной солдатчины на время и может придавить оба эти класса, но борьба их снова загорится и неизбежно будет все сильнее разгораться, и не может быть никакого сомнения в том, кто в конце-концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. Французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства подавлением Парижа показывают на деле международный характер классового господства, и сами же они вопят в то же время на весь мир, что главной причиной этого несчастья является международная контр-организация труда против всемирного заговора капитала... Буржуазный рассудок, пропитанный полициейной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого, от времени до времени, назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Международное Товарищество Рабочих есть лишь международный союз, об'единяющий передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, при каких бы условиях она ни происходила, каково бы ни было ее содержание, везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Международного Товарищества Рабочих. Та почва, на которой выросло это Товарищество, есть самое современное общество. Это Товарищество не может быть ис-

коренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить, прежде всего, принудительное господство капитала над трудом, т. е. искоренить условия своего существования.

Париж рабочих со своей Коммуной всегда будет чествуем, как славный предвестник нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого никто не в силах будет их оторвать.

(Из Воззвания Генерального Совета Международного Общества Рабочих по поводу гражданской войны во Франции 1871 г., написанного К. Марксом).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Революция в Германии 1918—19 г.г.

ВОЗЗВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА.

Рабочие, солдаты и товарищи!

Наступил решительный момент. Мы стоим лицом к лицу с задачей исторической важности.

В то время как в приморских центрах ¹⁾ рабочие и солдатские Советы взяли власть в свои руки, здесь происходят безудержные аресты. Арестованы Деймиг и Либкнехт.

Это начало военной диктатуры, начало бесполезной бойни.

Мы требуем не только отречения одного лица, мы требуем республики.

Социалистической Республики!

Поднимайтесь на борьбу за мир, свободу и хлеб!

Выходите из фабрик!

Выходите из казарм!

Протяните друг другу руки!

Да здравствует республика!

Исполнительный Комитет Рабочего и Солдатского Совета:

Барт, Брюль, Эккерт, Франке, Гаазе, Ледебур, Либкнехт, Пикк, Вегман. ²⁾

9 ноября 1918 г.

9 НОЯБРЯ В БЕРЛИНЕ.

... „Как? Как?“ воскликнул генерал, едва шагнув за порог ресторана.

„Как?“

¹⁾ Революция в Германии началась с восстания матросов в Киле 3 ноября; 5 ноября присоединились матросы Гамбурга и Любека.

²⁾ Прокламация Революционного Комитета, сформированного независимыми, социалистами, имевшего своих представителей почти на всех больших фабриках Берлина.

„Да разве это возможно!“.

Люди, видимо, прямо с‘ума сошли.

Действительно, он отчетливо почувствовал, как почва колебалась под его ногами.

„Да разве возможно что-либо подобное? В Берлине, на Унтерден-линден?“

Краска залила лицо.

На противоположной стороне, высоко на крыше, весело развевался в посвежевшем воздухе, как нечто само собой разумеющееся, кроваво-красный, кроваво-сверкающий флаг.¹⁾

Он привлекал к себе взоры решительно всех. Представьте себе: красный флаг в городе, где даже красный галстук являлся вызовом, грозившим опасностью жизни, где красному цвету просто запрещено было появляться самостоятельно! Где пашка полицейского автоматически изрубил бы каждого, кто осмелился бы вынуть красный платок, чтобы вытереть нос. А здесь, как самая естественная вещь на свете,—красный флаг, сияющий красный штандарт, водруженный на настоящем шесту на крыше. Прохожие вытягивали шеи, застывали на месте, не верили глазам... моргали...

Далеко виднелся красный флаг и возвещал победу русского народа над самодержцем виселиц, секихвосткой и свинцовыми рудниками,—над бесконечным морем берлинских домов сияло, развевалось красное знамя...

„Что они там, напротив, совершенно сошли с‘ума?“

Он подразумевал Вильгельмштрассе. Мрачное раздумье озадало генералом, пока его автомобиль мчался стрелглав по улице.

Это знамя пропитано кровью коронованных голов и высоких сановников...

Чу!.. Шаги!.. Призывы!..

Кулаки стучат в ворота мрачных казарм.

Откройте, товарищи!

Откройте, это мы!..

И ворота казарм открываются: бежит злой дух мрачных зданий. Убитый лежит тихо на тротуаре, покрытый шинелью.

Утреннее солнце заливает улицы. Сияя восходит солнце 9-го ноября над Берлином...

— Дорогу!

— Дорогу!

Несутся автомобили.

Широкие, серые шинели, солдатские шинели, спешат, развеваются по улицам. Тут, там, повсюду. Их сотни, тысячи. В глине, в пыли, в известке Шампаньи, в иле Фландрии, в крови, изорванные гранатами, побеленные газами... Широко, веют шинели, заливают город.

Автомобили бешено мчатся, увешанные гроздьями потных солдат. Они сидят на подножках, на крышах моторов, на запасных шинах, с

¹⁾ Красный флаг на здании делегаций Р. С. Ф. С. Р., прибывшей в Берлин после заключения Брестского мира.

ружьями, гранатами. Щелкают красные флаги... они мчатся вперед...

— Дорогу!—Молодые, новые лица, отважные, полные воли...

Улицы переполнены людьми. Разрушены плотины и по городу хлещет поток. Из предместий, из фабрик, которые ночью... — сколько бесконечно долгих ночей — так ярко блестели, — пришли они сюда. — Желтые лица, руки изъедены плохим маслом машин, глаза воспалены от колючего пламени электрических ламп. Пришли бледные, увядшие, годами не видевшие дневного света. Пришли те, что питались свеклой и картошкой, в то время как кельнеры в ресторане Штифтера шептали гостям свои лакомые тайны. Пришли и те, что еще верили лжи и обману тогда, как посвященные давно уже знали истину. Пришли и те, что жертвовали свои тонкие, истершиеся обручальные кольца в то время, как во дворцах на столах стояли тяжелые золотые и серебряные подсвечники. Пришли и те несчастные у кого и рубашки не было на теле...

Оттуда!.. Оттуда!..

Пришли и женщины, что, не торгуясь, отдали своих детей генералам. Пришли и женщины, чьи мужья давно сгнили в общих могилах, пришли и матери, те, что видели, как умирали младенцы у их иссохшей груди...

Пришли и Смелые, и Отважные, те, что и в самые страшные годы не теряли веры в победу их дела...

Мостовые и тротуары переполнены. Повсюду ораторы, на автомобилях, телегах, тачках, скамьях. Немой, кого десятки лет, столетия держали немым, заговорил теперь...

Кипят улицы людьми... Красными знаменами... Люди Ноября несутся на автомобилях...

(Г. Келлерман. «9 ноября»).

Большой грузовик с трудом прокладывал себе дорогу в толпе. Раздались бурные крики восторга.

— Либкнехт! Да здравствует Либкнехт!..

Партийный вождь стоял под большим красным флагом. Он кланялся толпе, приветствовавшей его, и что-то говорил, но расслышать можно было только отдельные слова: „Принудили к миру“... „Господство Гогенцоллернов миновало“... „Привет—нашим русским братьям“. Восторженные крики народа нарушали связность речи, но никто не придавал этому значения...

Автомобиль исчез в воротах замка, стража пропустила его. Через несколько минут Либкнехт снова появился на том самом раззолоченном балконе, на котором некогда стоял король Фридрих Вильгельм IV, вынужденный преклонить голову перед трупами убитых во время Мартовской революции, и с которого Вильгельм II провозгласил недавно: „Я не знаю больше никаких партий“. Но это было прошлое. Теперь жило лишь настоящее. Ярко-красный ковер свешивался с балкона, выделяясь сияющим пятном на сером выветрившемся камне.

„Товарищи,—воскликнул он.—Я провозглашаю свободную социалистическую республику Германии. Через ворота этого замка выйдет новая социалистическая свобода. Она пойдет к солдатам и рабочим. Пусть на том месте, где некогда развевался императорский штандарт, теперь развевается красное знамя республики!“

Он поднял руку.

Замковая стража на крыше замачала в воздухе касками, и на флагштоке, вместо императорского штандарта, взвился красный флаг.

— Да здравствует свобода, счастье и мир!

Вдруг—трах!—Точно гром прогремел залп. И тотчас же раздался треск пулеметов. Откуда? С площади? Из-за собора? С боковой улицы? Нет, ближе, совсем близко. С конюшен! С конюшен! Все бросились бежать. Скорее! Скорее!..

— Они стреляют! Они стреляют!

Раздались крики, поднялась страшная сумятица. Толпа бежала в диком ужасе. Кто не мог бежать сам, того подталкивали другие бежавшие, но кто падал, тот уже не мог подняться. Люди напирали, спотыкались, падали и через упавших бежали другие. Слышен был только нескончаемый, бешеный топот бесчисленных ног и громкое дыхание бегущих, наполняющих все улицы в ширину и длину.

(К. Фибих.—«Красное море»)

МАНИФЕСТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

К германскому народу.

Правительство, выдвинутое революцией, чисто социалистическое по политическому направлению, считает своей задачей проведение социалистической программы. А пока вводит в законную силу следующие постановления:

1. Осадное положение отменяется.
2. Право собраний и союзов свободно и никаким ограничениям не подлежит, даже для служащих и рабочих государственных учреждений.
3. Цензура всякого рода, в том числе и театральная, отменяется.
4. Допускается полная свобода выявления мнений в печати и устно.
5. Обеспечивается полная свобода религиозного культа, но принуждаться к выполнению религиозных обязанностей никто не будет.
6. Объявляется амнистия всем политическим заключенным и прекращаются судебные следствия, возбужденные по такого рода делам.
7. Отменяется также закон о батраках и все исключительные законы о сельских рабочих.
8. Снова вводятся в действие настоящим постановлением, отмененные в начале войны, нормы охраны труда рабочих.

Дальнейшие социально-политические мероприятия будут опубликованы в ближайшее время. С 1 января 1919 года вступит в законную силу закон о 8-ми часовом рабочем дне, как максимальном.

Правительство приложит все усилия, чтобы обеспечить работой всех желающих, с соответствующей помощью—безработным.

Расходы по помощи безработным лягут на кассу государства, союзных государств и общин. При страховании от болезни норма обязательного страхования будет повышена сверх 2.500 марок.

Энергичная борьба будет вестись с жилищной нуждой и нуждающимся будут предоставляться жилища.

Все необходимые меры будут приняты также для того, чтобы обеспечить регулярное снабжение населения продовольствием.

Вместе с тем правительство будет поддерживать уже налаженное производство, охранять собственность от покушения на нее со стороны частных лиц, охранять личную свободу и безопасность граждан.

Выборы во все публичные учреждения на будущее время должны происходить на основе равного, тайного, прямого и всеобщего для всех граждан, достигших 20 лет, без различия полов, избирательного права, по пропорциональной системе выборов.

Это же избирательное право применяется и к выборам в Учредительное Собрание, о чем в дальнейшем будет опубликовано подробнее.

Берлин, 12 ноября 1918 года.

Эберт, Гаазе, Шейдеман, Ландсберг, Диттман, Барт.

СОЦИАЛ-ПРЕДАТЕЛИ.

... Вдруг, неизвестно откуда, со свистом промчался мотор. Никто его раньше не заметил. Его увидели только тогда, когда он, с легкостью птицы, обогнул толпу, причем никто не пострадал, и это было чудо. В нем сидело четверо рабочих. Смелые мужественные лица, словно высеченные из гранита. Среди них был один, с глубоко сидевшими и сверкавшими, как раскаленные уголья, глазами. Мотор остановился у трактира. Сидевшие в нем еще не успели как следует протереть глаза, как их уже скорее вынесли, чем высадили из мотора. Множество рук протянулось к ним навстречу, и все они двигались так, как будто бережно ставили на место какие-то драгоценные предметы. Вновь прибывших хлопали по плечу и засыпали вопросами. Это была настоящая пролетарская встреча. Не было никакой возможности отвечать, как следует, на вопросы. Рабочие смеялись и кричали все разом, перебивая друг друга...

Всем хотелось, прежде всего, выяснить, как пойдет работа при новых условиях. Все заранее радовались. Теперь будет совсем не то. В глубине души каждый считал, что вернется на свое прежнее место и начнет работать так, что чертям станет тошно. От своего дела уж не отстанешь. Каждый знает, в конце-концов, только свое ремесло. А будет весело! Уж они покажут тогда, как надо работать! Слава богу, кости еще крепкие. „Если наши получают власть,—говорили они,—то они уж о нас позаботятся“...

Приехавшие в моторе привезли с собой план действий. Были приготовлены площадки для пулеметов и вырыты рвы направо и налево от моста. Налегли здорово. А когда вспоминали, что совсем недавно солдаты стояли в поселке, то все мускулы начинали дрожать от радости, и приходилось сдерживаться, чтобы не прыгать от счастья...

.....

Вечером всех позвали в зал трактира. Там должен был говорить оратор из партии. Совещания делегатов от города с рабочим советом ограничились вопросами чисто стратегическими: где должны стоять вооруженные отряды, как организовать оборону, связь с городом и т. п.

Собрание тянулось долго. Никто не хотел уходить. Один за другим выступали вперед рабочие и высказывали простыми словами свою веру, свои заветные желания...

Те, которые прилегли ночью часа на два, были к утру снова на ногах. Большинство, впрочем, и не ложилось. Работа по организации обороны была в полном разгаре. Все шло в отличном порядке; все, без слов, понимали, что надо делать; каждый имел свое дело, для которого он, казалось, был создан. Солнце светило во-всю...

С передовых постов, за лесом, прибежал рабочий. Лицо его было в крови; он раза два упал по дороге.

— Идут, идут!—закричал он.

— Тише! Соблюдайте порядок!—командовал кто-то на улице.—Кто не назначен в отряды,—по домам! Еще ничего не случилось!

Опять разорвалась проклятая шрапнель.

— Но что же это такое? Откуда они взялись? Да еще со стороны города?—раздавались то там, то тут взволнованные вопросы.

Большинство осталось на улице. Некоторые пустились бежать к сторожевому посту, что на мосту...

В поселок не поступало никаких известий. Все столпились вокруг трактира, забрались в комнаты целыми кучами. Вдруг пронесся 75-миллиметровый снаряд и ударил в кусты, взметнув на воздух облако пыли. Потом еще один. Выбежали посмотреть.

— Следующий попадает в трактир!—крикнул один...

Одним взмахом все было уничтожено и сметено. Тишина. Затем странное спокойствие. Теперь солдаты напирали из лесу. Броневики с грохотом проехали в поселок. На все это ушло, вероятно, не больше десяти минут.

Все произошло, к сожалению, очень просто.

Выяснилось, что правительственный кризис быстро разрешился, и что еще в течение вчерашнего дня новая власть всюду силою восстанавливала порядок. В городе и в гавани попытку рабочего восстания подавили в самом корне. Два-три залпа, — и баррикады разлетались вдребезги. При этом пострадало несколько домов... Ну, да черт с ними! В телеграмме нового правительства, которое только-что спасли сами же рабочие, было ясно сказано: действовать беспощадно. Вечером было решено произвести основательную чистку рабочих поселений в окрестностях. Ночью же воинские части двинулись в поход. Они не предвидели, что наткнутся на сопротивление и задержались на несколько минут, пока не доставили орудий.

Штаб карательного отряда расположился перед трактиром. Все мужское население согнали в находившийся за ним сад. Патрули обыскали все дома и приволокли всех, кто мог двигаться. Гомана даже стащили с кровати.

— Что, болен? Знаем мы эти штучки!

Залегшие в окопах рабочие подняли руки вверх, когда на них напали сзади. Затем всех арестованных разделили на группы по десять человек в каждой. Рабочие относились ко всему безучастно. Они не говорили ни слова. Большинство глядело в землю. Только немногие упорно смотрели вперед. Но никто не волновался. Никто ничего не спрашивал. Все происходило в полном безмолвии. Войск было около трехсот человек. Пленных насчитывалось от ста до ста двадцати... В саду поставили пулемет. Улицу загородили, а женщинам было запрещено выходить из домов. Группу главарей отделили и повели к сараю. Выстроили всех в ряд, лицом к стене. Раздалась команда. Прошло еще несколько минут. Выступил взвод солдат и дал по осужденным ружейный залп.

Все упали. Некоторые вскрикнули, но не все. Подошел офицер и сосчитал сраженных людей. Потом разрядил в двоих свой браунинг. Затем отдельные воинские части тронулись дальше. В деревне остался сильный гарнизон.

Под конец—один вопрос. Послушайте! Где это случилось?

На это трудно ответить. В Германии почти не найдется места, где этого бы не было.

(Франц Юнг. «Красная Неделя»).

ВОССТАНИЕ СПАРТАКОВЦЕВ.

(6—13 января 1919 г.).

Уличные бои происходили, главным образом, в четырех местах города: „газетном квартале“, у Полицей-Президиума, у Бранденбургских ворот и подле Императорской канцелярии. Восставшие имели в своем распоряжении большое число пулеметов и другого оружия; забаррикадировавшись в здании газет и в других домах, они стреляли из окон, обстреливали улицы с крыш...

Еще 10 января правительство не было уверено в исходе борьбы. Несколько раз к Носке обращались с требованием ввести в город собранные войска...

11 января, в 12 часов дня, Носке действительно вступил в Берлин во главе двух тысяч солдат...

В ночь на этот самый день штурмом было взято здание „Форвертса“. Здание это, представляющее собою собственно пять пятиэтажных домов, вместе связанных, с четырьмя внутренними дворами, имело вид крепости. Помещение „Форвертса“ выходит на третий и четвертый дворы и, прежде чем туда проникнуть, надо миновать корпуса, в которых засели осажденные, вооруженные пулеметами крупного калибра. Решающую роль сыграли орудия в 10,5 сант., подвезенные войсками. После двухчасового обстрела, осажденные пытались начать переговоры и выслали парламентеров. Но войска потребовали безусловной сдачи и, не получив ответа, пошли в атаку...

При взятии здания „Форвертса“ захвачено было в плен до 300 человек. Солдаты и часть публики дали волю своему озлоблению и грубо

издевались над ними, а несколько человек... были на месте расстреляны. Это те семь человек, которые выходили в качестве парламентариев,—в их числе были сотрудник „Красного Форвертса“ Вольфганг Ференбах, поэт Верчер Маллер и пять неизвестных, из коих один русский. Все они были отведены в одну из ближайших казарм и там, после жестокого избиения,—расстреляны...

После взятия „Форвертса“ на очереди было здание Полицей-Президиума. Оставленное „Полицией безопасности“ и Эйхгорном, оно было затем занято спартаковцами, в числе нескольких сот человек, под предводительством Брауна...

Штурмом здания Полицей-Президиума руководил прапорщик Шульце. 12 января на рассвете он стянул в ближайшие улицы отряды из солдат разных полков, взвод пулеметчиков и несколько орудий...

В 4½ час. утра начался обстрел здания Полицей-Президиума, ответный пулеметный огонь был настолько силен, что у одного орудия тотчас была перебита вся прислуга...

Шульце подробно описал весь ход боя. Орудийным огнем руководил прапорщик Вестфаль. Он дал один за другим 50 выстрелов, чтобы противник не мог опомниться ¹⁾...

(Эд. Бернштейн.—«Германская революция»).

НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО.

(Последняя статья К. Либкнехта).

Генеральный штурм „Спартака“... „Долой спартаковцев!“ Этот вой раздается на улицах. „Лови их, бей, коли, стреляй, режь, топчи их ногами, рви их на куски!“... Творятся мерзости, перед которыми бледнеет то, что творили германские солдаты в Бельгии...

„Спартаковцы разбиты“. Сабли, револьверы и карабины вновь призванной старой германской полиции, а также разоружение революционных рабочих закрепят это поражение. „Спартаковцы разбиты“. Под штыками полковника Рейнгарда, под пулеметами и пушками генерала Лютвица должны произойти выборы в Национальное Собрание, плебисцит за Наполеона—Эберта.

„Спартаковцы разбиты“.

Да. Разбиты революционные рабочие Берлина.

Да. Зарубили сотни лучших из нас. Да. Сотни преданнейших брошены в тюрьму...

¹⁾ В своих «Записках о Германской революции» Носке рассказывает следующее: «Я высказался за то, что настал момент действовать с оружием в руках и мне никто не возражал... Время шло. На улицах наши люди требовали оружия, а мы, возбужденные, находились в рабочем кабинете Эберта. Я потребовал принять какое-нибудь решение. Кто-то спросил меня: «Не возьмешься ли ты за это дело? На это я коротко ответил: «Отчего же! Кто-нибудь из нас должен же, наконец, взять на себя роль кровавого усмирителя; я не боюсь ответственности»... Был отдан приказ о предоставлении мне самых широких полномочий для водворения в Берлине порядка... Таким образом, состоялось мое назначение главнокомандующим»...

И Эберты, Шейдеманы и Носке победили. Они победили, ибо с ними были генералы, бюрократы, помещики, попы и толстосумы, с ними было все, что есть у нас узколобого, ограниченного и отсталого. Для них же они победили картечью, газовыми бомбами и минометами.

Но бывают поражения, которые равносильны победам, и бывают победы более роковые, чем поражения.

Побежденные в кровавой январской неделе, они славно постояли за великое дело. Они сражались за благороднейшую цель страждущего человечества, за духовное и материальное освобождение поработенных масс, за святое дело они проливали свою кровь, которая сама этим освятилась. И из каждой капли этой крови восстанут мстители за погибших, из каждой растерзанной фибры восстанут новые борцы за великое дело, которое так же вечно, как вечен свод небесный...

Разбитые сегодня, они завтра станут победителями, ибо поражение есть их наука...

А сегодняшние победители?

За злодейское дело они творят свою злодейскую, кровавую работу. За власть прошлого, за смертельных врагов пролетариата.

И они уже сегодня побеждены. Ибо они уже сегодня очутились в плену у тех, кого они мечтали использовать, как орудие, и чьим орудием они сами уже давно стали...

Французская буржуазия принуждена была искать палачей в июне 1848 г. и в мае 1871 г. в своих собственных рядах. Германская буржуазия не должна себя этим утруждать—„социал-демократы“ выполняют эту грязную, презренную, кровавую, трусливую работу: ее Кавеньяк, ее Галлифе—это Носке, „германский рабочий“.

Звон колоколов призывал к резне; музыка и размахивание платками, победное ликование спасенных от „большевистского ужаса“ капиталистов чествуют всеспасающую солдатчину. Еще дымится порох, еще лежат убитые, еще стонут раненые пролетарии, а они уже устраивают парад войскам-убийцам, полные гордостью победителей, эти Эберты, Шейдеманы и Носке...

„Спартакowцы разбиты“.

О, оставьте,—мы не бежали, мы не разбиты. И если они закуют нас в кандалы, мы все же—здесь и мы здесь останемся. И наша будет победа!

Ибо „спартакowец“—это огонь и дух; это душа и сердце, это воля и действие пролетарской революции. Ибо „спартакowец“—это нужда и жажда счастья, это воплощение боевой решимости сознательного пролетариата. Ибо „спартакowец“—это социализм и мировая революция...

Высоко поднимаются волны событий и нам не впервые случалось падать с высоты вершины в самую глубь. Но наш корабль держит решительно и гордо свой курс на конечную свою цель, на победу.

Будем ли мы еще живы, или нет, когда будет достигнута эта победа, но наша программа будет жива: она овладеет всем миром освобожденного человечества, несмотря ни на что.

Ныне спящие еще массы пролетариата проснутся от грозных раскатов приближающегося экономического крушения, как от трубных зву-

ков страшного суда. Тогда воскреснут трупы убитых борцов и потребуют отчета от проклятых убийц. Сегодня раздастся лишь подземный гул вулкана, но завтра вулкан разразится огнем и под потоками своей горячей лавы он всех их убийц похоронит.

Карл Либкнехт.

„В БЕРЛИНЕ ВСЕ СПОКОЙНО“.

(Последняя статья Розы Люксембург).

„В Берлине все спокойно“—оповещает торжествующая буржуазная печать, оповещают Эберт и Носке, оповещают офицеры „победоносной армии“, которых буржуазная толпа радостно приветствует на улицах Берлина, развевающимися платками и криками „ура“ Слава и честь германского оружия перед мировой историей спасена. Разбитые на полях Фландрии и в Аргоннах восстановили свою репутацию, одержав блестящую победу над 300 спартаковцами в помещении „Форвертса“. Времена первого славного вступления германских войск в Бельгию, времена генерала фон-Эммиха, покорителя Льежа, бледнеют перед героическими действиями Рейнгарда и К^о на улицах Берлина. Убитые парламентареры, пожелавшие вести переговоры о сдаче „Форвертса“ и изученные до неузнаваемости прикладами, настолько изученные, что невозможно определить, чей это труп; пленные, расстрелянные такими приемами, что стены забрызганы мозгами, — при виде таких славных деяний станет ли кто вспоминать о позорных поражениях, понесенных в войне с французами, англичанами и американцами? „Спартак“—тот враг, и Берлин то место, где наши офицеры умеют побеждать; „рабочий“ Носке—тот генерал, который умеет одерживать победы там, где оказался неспособным генерал Людендорф.

Кому не вспоминаются опьянения победой тех, кто восстанавливал порядок в Париже, кому не вспоминается вакханалия буржуазии на трупах борцов за Коммуну, той самой буржуазии, которая только что позорно капитулировала перед Пруссией и отдала столицу внешнему врагу. Но зато какое пламенное мужество охватило буржуазных сынков, золотую молодежь, господ офицеров против плохо вооруженных, голодных парижских пролетариев, против их беззащитных жен и детей!..

„В Варшаве все спокойно“. „В Париже все спокойно“. „В Берлине все спокойно“. Таковы сообщения „блюстителей порядка“, переходящие через каждые полвека из одного центра мировой борьбы в другой. И торжествующие „победители“ не замечают, что „порядок“, поддерживаемый периодически кровавой резней, безостановочно идет к своей исторической судьбе, к полной гибели...

„В Берлине все спокойно“. Вы, тупые лакеи! Ваше „спокойствие“ зиждется на песке. Революция уже завтра снова поднимется в вышину и трубными звуками она к вашему ужасу оповестит:

Я была, Я есмь, Я буду!“

Роза Люксембург.

УБИЙСТВО К. ЛИБКНЕХТА И Р. ЛЮКСЕМБУРГ.

После подавления восстания спартаковцев, 13-го января,—К. Либкнехт и Роза Люксембург скрывались в Берлине. Когда распространился слух, что они бежали в Голландию, К. Либкнехт написал опровержение в „Роте Фане“, 15 января.—На другой день, 16 января, и он и Роза Люксембург были арестованы в предместьи Вильмерсдорф, в квартире одного знакомого. Арестовавшая их Вильмерсдорфская гражданская гвардия (буржуазная) передала их в распоряжение штаба стрелковой кавалерийской дивизии, помещавшейся в здании гостиницы „Эден“... Отсюда решено было, после допроса, порознь отправить арестованных в подследственную тюрьму „Моабит“.—Дальнейший ход событий, как показало следствие, был таков: когда Либкнехта вывели на крыльцо, стоявший у входа часовой Отто Рунге несколько раз ударил его прикладом по голове; обливаясь кровью, Либкнехт кое-как добрался до автомобиля; по дороге, в Тиргартене, ему предложено было выйти, чтобы продолжать путь пешком, так как мотор будто бы испортился. Тут Либкнехт, говорят сделал попытку бежать, ввиду чего конвойные открыли стрельбу и уложили его на месте... Тело его, по приказанию лейтенанта Пфлуга Гартунга, было доставлено на станцию „Скорой медицинской помощи“, близ Зоологического сада ¹⁾... Роза Люксембург была выведена из „Эдена“ через четверть часа после Либкнехта, и тот же Отто Рунге нанес ей такие сильные удары по голове, что в автомобиль ее положили полумертвой; дорогой она была добита выстрелом из револьвера, произведенным, повидимому, обер-лейтенантом Куртом Фогель. На него же падает вина и за то, что тело ее не было никуда доставлено, а с связанной к нему тяжестью сброшено в реку под мостом Корнелиус—там его и нашли несколько месяцев спустя...

Опубликованное правительством в тот же день вечером, на основании поступивших к нему донесений, сообщение изображало случившееся в совершенно превратном виде. Удары, мол, были нанесены озлобленной толпой, окружавшей яко-бы „Эден“; выстрел в Розу Люксембург произведен каким-то неизвестным... Труп ее похищен толпой, остановившей автомобиль.

Уже на следующий день беглое расследование, произведенное Центральным Советом, Берлинским Исполнительным Комитетом, а также родными и друзьями покойных, при помощи свидетельских показаний, установило, что в этом сообщении факты совершенно искажены: у „Эдена“ не было никакой толпы, никто автомобиля, в котором везли Розу Люксембург, не останавливал, и т. д. Напротив, некоторые свидетели показали, что у „Эдена“ раздавались голоса военных, что необхо-

¹⁾ В стделе происшествий одной из берлинских буржуазных газет, была помещена заметка: «На станцию скорой помощи № 7 берлинского магистрата в Зоологическом саду, вчера, после 10½ час. вечера, был доставлен труп неизвестного мужчины, с огнестрельной раной в спине. Убитый был арестованный, пытавшийся бежать из автомобиля, в котором его перевозили. Во время погони он и был смертельно ранен. Документов при нем не оказалось и потому его личность не могла быть точно установлена. Труп был отнесен затем в покойницкую».

димо сразу покончить с вдохновителями восстания. Тогда правительство постановило произвести тщательное расследование, о чем и об'явило...

Расследование было возложено на военный суд кавалерийской дивизии, во главе которого стоял ее командир—генерал фон-Гофман. Ведение следствия поручено было судебному следователю полковнику Иернсу.

Следствие, производимое военными, не внушало доверия широким массам рабочих, и без того крайне взволнованным. Они требовали образования специальной комиссии, составленной исключительно или преимущественно из представителей социалистических партий. В этом было отказано, хотя ничего невыполнимого, с точки зрения правовых норм, такое требование в себе не заключало.

Несмотря на настойчивость обвинения, суд вынес оправдательный приговор... Как на смягчающее вину обстоятельство, суд указал на возбуждение, которое было направлено, главным образом, против Либкнехта за агитацию, вызвавшую восстание..

(Эд. Бернштейн.—«Германская революция»).

КРОВАВАЯ БАНЯ, УСТРОЕННАЯ НОСКЕ БЕЗРАБОТНЫМ.

На невооруженных безработных нападают войска Носке и убивают их. Безработные, голодающие пролетарии! Вы являетесь немим укором капитализму, который не терпит никаких жалоб и обвинений. Эберт—Шейдеман, его рабы, занесли над вами бич, с целью принудить вас к работам. Они грозят отнять у вас средства к жизни—заставить вас умереть от голода.

Но голод действует не так скоро, как они хотят, и потому им на помощь явились пулеметы. Ценою вашей смерти капитализм в лице правительства Эберт—Шейдемана желает купить свое существование.

Рабочие на фабриках и заводах! Безработные на улицах! Кровопийцы Эберт—Носке думают, что они могут себе все позволить. Но они горько ошибутся в этом. Рабочий класс не может и не должен оставить без ответа нападение на него.

Солдаты правительственных войск! Вы видите, на что вас употребляют! Хотите ли вы и впредь стрелять в ваших безоружных товарищей? Задумайтесь над тем, что если вы сегодня сделаете рабами ваших товарищей, вы завтра же будете такими же рабами. Долой убийц-офицеров! Долой Эберт-Шейдеман-Носке!

Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов ¹⁾.

(Из газеты «Красное Знамя», органа Спартаковцев).

¹⁾ «В Берлине имели место случаи нападения на солдат демонстрирующими безработными. К сожалению, при этом пришлось пустить в ход огнестрельное оружие. Это обстоятельство дало повод «Красному Знамени» обрушиться на нас следующей статьей — пишет Г. Носке в своих «Записках о Германской революции», по поводу вышеприведенного воззвания.—Эти убийства рабочих на улицах Берлина происходили в начале февраля 1919 г., после подавления восстания в Бремене тем же Носке, с января месяца назначенным главнокомандующим, а затем и «министром обороны».

ВОЗЗВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

(7 февраля 1919 г.).

Измена Эберт—Шейдемана делу пролетариата становится с каждым днем очевиднее. Кровь, пролитая ими в течение этих недель, упадет на их голову.

Пролетариат пробуждается и начинает понимать ту ложь, которою его окутывают. Даже их собственные единомышленники покидают их.

Рабочие, соберитесь немедленно в своих мастерских!

Изберите немедленно новые советы!

В эти советы не должен попасть ни один изменник, ни один единомышленник Эберт—Шейдемана. На их руках кровь рабочих! Советы должны опять взять в свои руки власть, отнятую у них 9 ноября.

Советы, соединитесь вместе и действуйте сообща!

Выступите немедленно соединенными силами на защиту страны. Центральный совет предал вас национальному собранию. Создайте новую центральную инстанцию!

Господа Эберт—Шейдеман хотели стереть вас в порошок, они хотели бросить национальное собрание камнем на гроб революции.

Восстаньте с удвоенными силами! Пролетарская революция должна победить!

Долой национальное собрание!

Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!

ВОЗЗВАНИЕ ФРАКЦИИ НЕЗАВИСИМЫХ.

(11 февраля 1919 г.).

В ноябрьской революции 1918 года рабочие и солдаты овладели государственной властью, чтобы ввести в стране социалистический порядок управления. Теперь, три месяца спустя, мы находимся от этой цели дальше, чем тогда. Пролетариатом овладевает поэтому все сильнее и сильнее негодование и возмущение.

Эта фальсификация революции стала возможной только потому, что вожди правых социалистов никогда не обладали мужеством, необходимым для истинной социалистической политики. Они оказывали сопротивление надвигающейся революции до последнего дня. Когда же провал старой системы стал неизбежен и грозил и их похоронить под своими обломками, они ловко отскочили в сторону и примкнули к революционному движению. Но они вели и ведут правительство по директивам своих буржуазных друзей военного времени, которые с каждым днем настойчивее указывают им путь политической тактики...

Первым требованием революции было полное уничтожение милитаризма, но правые социалисты отказались от него и отнеслись с прене-

брежением к постановлениям конгрессов рабочих и солдатских советов об уничтожении власти прежних командиров и о социализации рабочих предприятий. Подобно прежнему правительству Эберт, Шейдеман, Носке и Ландсберг опираются и в „социалистической народной республике“ на силу оружия. Единственным средством, которым они располагают, чтобы подавить бастующих рабочих и борющихся защитников революции, является насилие. Во имя „порядка, спокойствия и безопасности“ они отказывались вступить в переговоры и добиваться мирного разрешения вопросов, вооружали офицеров, студентов и буржуазию против рабочих и провоцировали в Берлине и Бремене ужасную брато-убийственную бойню...

Милитаризм и капитализм опять торжествуют. Кто надеялся, что основы социализации промышленных предприятий будут выработаны еще до открытия Национального Собрания, тот горько ошибся: укрепление капитализма—вот задача буржуазии, велениям которой и здесь послушны вожди правых социалистических течений. Они замыслили трудовое закабаление рабочего класса под знаменем капитализма ¹⁾.

ВОЗЗВАНИЕ

(подписанное всеми коммунистическими организациями, от
3 марта 1919 г.).

Рабочие, пролетарии!

Снова пришел час! Опять встают из своих гробов мертвые! Г.г. Эберт-Шейдеманн захотели совсем иначе доканать вас, чем сделал это безумный Гогенцоллерн во время выборов в 1907 году. Он думал задушить вас голосами выборных, а они решили заковать вас в цепи, разыграв комедию с выборами в Национальное Собрание. Они полагали загипнотизировать вас бесконечной болтовней Национального Собрания; они думали, что немецкий пролетарий позволит отнять у себя плоды революции, пустив в ход парламентские прения и политическое шахермахерство партий.

А кто не захочет позволить обмануть себя, тот должен быть сброшен на землю ударом железного кулака. „Рабочий“ Носке нагромоздил целые горы трупов немецких рабочих. Он по неделям торчит, как варвар, со своими бандами в тех местностях, где живут рабочие. Те преступления, которые совершили Гинденбург и Люндендорф в Бельгии и северной Франции, в Польше и Финляндии, убивая тысячи пролетариев этих стран; преступления, за которые их проклинает целый свет и за которые позор ложится на их современников и потомков,—эти преступления повторяет Носке над немецкими рабочими. „Социалистическое“ правительство Эберт-Шейдеманн-Носке стало палачом немецкого пролетариата.

Они только выжидают подходящего случая, чтобы броситься „наводить порядок“. Где только шевелится рабочий, туда немедленно посылают они свои вооруженные банды. Берлин, Бремен, Вильгельмсгафен, Куксгафен,

¹⁾ Независимые с.-д. вышли из состава правительства в конце декабря 1918 г.

Вестфален, Гота, Эрфурт, Галле, Дюссельдорф — вот кровавые этапы крестового похода, совершенного Носке против немецкого пролетариата.

Тысячи ваших братьев избиты, заключены в тюрьмы, опозорены, коварно зарезаны, застрелены, как бешенные собаки.

Подумайте! Господа Эберт-Шейдеман-Носке самые злые смертельные враги революции. Из-за министерских кресел они предали вас буржуазии. Они изменили и продали вас с первого дня, убивая вас каждый день.

Рабочие-товарищи!

Будьте сознательными! Революция может идти вперед, только лишь переступив через трупы этих „социалистов“. Долой Эберта, Шейдемана, Носке! Долой изменников и предателей!

Долой Национальное Собрание!

Ваши братья бастуют!

Капиталисты шатаются.

Оставьте ваши работы! Останьтесь пока на своих местах, в мастерских на фабриках и заводах, чтобы они не были отняты у вас! Собирайтесь вместе, просвещайте малосознательных и отсталых! Не начинайте бесцельных перестрелок, которых только и ждет Носке, чтобы снова начать проливать кровь!

Останьтесь на своих местах, чтобы каждую минуту быть готовыми к выступлению!

Строжайшая дисциплина!

Величайшее спокойствие!

Железная воля!

Вперед на борьбу!

На всеобщую забастовку!

Долой Эберта, Шейдемана, Носке, этих убийц и предателей!

Долой Национальное Собрание!

Вся власть советам рабочих!

ПРИКАЗ НОСКЕ.

Согласно приказа прусского министерства от 3-го марта 1919 г. о введении осадного положения в городе Шпандау, в Тельтове и Нидерберлине с округами, высшая власть переходит ко мне. На основании сего я приказываю:

§ 1. Гражданские и общественные учреждения продолжают функционировать, следуя, где это окажется необходимым, моим особым указаниям и предписаниям.

§ 2. Воспрещаются всякие собрания на открытом воздухе; для общественных собраний в закрытых помещениях требуется каждый раз мое особое разрешение.

Воспрещаются всякие выступления в общественных местах, равно и всякие сборища на улицах и площадях.

§ 3. Для выпуска новых газет требуется мое разрешение.

§ 4. В случаях неподчинения и сопротивления означенным правилам будет применено оружие; помимо сего виновные будут привлекаться к ответственности, согласно § 9 закона об осадном положении.

§ 5. В местах введения осадного положения открываются чрезвычайные военные суды, которые начинают функционировать на третий день после опубликования настоящих правил.

Берлин, 3-го марта 1919 года.

Главнокомандующий

Носке, министр обороны.

ВОЗЗВАНИЕ ЗАБАСТОВОЧНОГО КОМИТЕТА

(организованного коммунистами и независимыми).

13 января 1920 г.

Сегодня днем собралось Национальное Собрание ¹⁾. Оно должно провести новый закон для рабочих советов, в котором ложь соединена с подлостью. Вам обещают создать при его помощи хозяйственную демократию. В действительности же вас хотят опять крепко приковать к капиталистическому ярму, хотят советы сделать орудиями в руках капиталистического предпринимательства.

Не позволяйте провести этот закон. Покажите Национальному Собранию, что вы не дадите превратить себя в жалкие объекты такого законодательства.

Покиньте сегодня в 12 часов дня все мастерские!

Демонстрируйте массами перед рейхстагом!

Докажите правительству и обществу, что вы не позволите отнять у вас последнее завоевание революции, революционные рабочие советы!

К протесту! Долой новый рабочий закон!

Вперед на борьбу за право свободного голосования и контролирования, за систему революционных советов! ²⁾

¹⁾ Результаты выборов в Национальное Собрание выразились в следующих цифрах:

	Число голосов.	Число мест.
Германская национальная партия	3.121.000	42
Германская народная партия	1.346.900	21
Всего монархистов	4.467.000	63
Христианская народная партия (центр)	5.980.000	88
Германская демократическая партия	5.642.000	75
Всего буржуазно-республ. партии	11.622.000	16
Социалисты большинства	11.510.000	163
Независимые социалисты	2.317.000	22
Всего социалистов	13.827.000	185
Мелкие группы	485.000	10
Итого	30.401.000	421

²⁾ О дне 13-го января в Берлине Носке говорит следующее в своих «Записках о Германской революции»: «Днем назначено было заседание кабинета в

* * *

Громче ударь, барабан!—Трубы трубите, трубите:
В окна и двери ворвитесь—с неумолимою силою,
В храм во время обедни—пусть все уйдут из церкви,
В школу, где учится юноша, силою звуков ворвитесь,
Жениху не давайте покоя--не время теперь быть с невестой.
Возмутите мирного пахаря, который пашет и жнет,
Гремите сильней, барабаны—громче, сильнее ударьте,
Резкие трубы трубите—звучи нам призывный рог!

Громче ударь, барабан!—Трубы трубите, трубите!
Над суетой городов—над уличным шумом и грохотом.
Постели готовы для спящих, чтоб спать эту ночь в домах?
Не надо, не нужно, чтоб спящие спали в постелях своих.
Торговцы торгуют. Не надо, не нужно теперь торгашей.
Оратор еще не умолк? Певец будет петь, пожалуй?
В суде адвокат защищает дело свое пред судьей?
Скорей же, скорей, барабаны—рассыпьтеесь гремящею дробью,
Пронзительно, трубы трубите—звучи нам призывный рог!

Громче ударь, барабан!—Трубы трубите, трубите!
Переговоров не надо—разубеждения прочь,
О боязливом не думать—о слезах и молениях не думать,
О старике, умоляющем юношу, помыслы прочь!
Голос ребенка да смолкнет, зов материнский да смолкнет!
Ждущие похорон трупы,—пусть даже вздрогнут они!
Страшную весть известите боем своим барабаны,
С воплем трубите нам, трубы,—звучи нам призывный рог!
(Уот Уитмэн).

канцелярии рейхстага. Улицы стали наполняться народом, который двигался по направлению к рейхстагу... Я предвидел, что или не состоится заседание, или снова произойдет кровопролитие... Народная масса стояла часа два на Королевской площади без всякого движения. Не видно и не слышно было никаких ораторов. Вдруг толпа напала на полицию и затем бросилась штурмовать здание рейхстага. Пришлось пустить в ход пулеметы и 42 человека было убито и 105 ранено... В связи с угрожающим положением страны я предложил тут же в заседании кабинета ряд крупных мер, которые были приняты почти без дебатов. Во всем государстве, кроме Баварии, Вюртемберга и Бадена, было введено осадное положение. Высшая власть в стране была вручена мне. Я строго воспретил словом или делом призывать к забастовкам важные для жизни производства... Я одним ударом придушил печать независимых и коммунистов в Берлине и во всей стране велел арестовать множество их вожаков. Под живым впечатлением событий, разыгравшихся на площади перед рейхстагом и под сильным нажимом правительства, железнодорожные забастовки прекратились, требование шестичасового рабочего дня в рейнско-вестфальском угольно-промышленном районе отпало... Оптимисты думали, что Германия благополучно миновала пропасть»...

ЗАЧИНАТЕЛИ.

... Все, что было, да не будет!
По неведомым тропинам,
По долинам, по равнинам, чрез пучины чуждых вод,
Побеждая и хватая, мы, смеясь, идем вперед.
Мы бросаемся по скалам,
Мы вздымаем новь степную, мы взрываем рудники,
Реки грудью побеждаем, дровосеки, моряки!
Мир почившим и усталым!
Завтра милые могилы мы цветами уберем,
А сегодня по могилам с ликованием пойдем.
Дальше сжатыми рядами,
К бою, к смерти, к пораженью, только, только не назад—
Если мертвыми падете—вас живые заместят...

(Уот Уитмэн).

УКАЗАТЕЛЬ КНИГ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ ¹⁾.

I. Великая Французская Революция.

а) Художественная литература.

Л. Браун: «Письма маркизы».

Ф. Гра: «Марсельцы».

А. Франс: «Боги жаждут».

Эркман-Шатриан: «История одного крестьянина».

б) Исторические сочинения.

В. Блос: «История Французской революции».

Ж. Жорес: «История Конвента».

П. Кропоткин: «Великая Французская революция 1789—1793 г.г.»

Н. Лукин, (Н. Антонов): «Максимилиан Робеспьер».

Марат: «Письма».

II. Революционная Франция 30-х г.г.

а) Художественная литература.

В. Гюго: «Отверженные».

Г. Жоффруа: «Бланки» (Монография).

III. Революция 1848 г.

а) Художественная литература.

Зденко фон-Крафт: «Баррикады».

И. С. Тургенев: «Наши послали».

Швейцер: «Эмма».

Эркман-Шатриан: «Воспоминания пролетария».

б) Воспоминания.

А. И. Герцен: «Былое и Думы». Ч. V.

» «Письма из Франции и Италии».

» «С того берега».

в) Исторические сочинения.

М. Бах: «Австрия в первую половину XIX века» (Новое изд. под заглавием: «Австрийская революция»).

¹⁾ Для учащихся школ рекомендуются книги по художественной литературе и воспоминания. Перечни книг, обозначенные под заголовком, — «Исторические сочинения» — для лиц, не имеющих школьного руководства.

- В. Блос: «История Германской революции 1848 г.»
 К. Маркс: «Классовая борьба во Франции от 1848 г. до 1850 г.»
 «К 75-летию революции 48 года» (Сборн. статей. Изд. «Красн. Новь»
 1923 г.).
 Ю. Стеклов: «Революция 1848 г. во Франции».
 Ф. Энгельс: «Революция и контр-революция в Германии».

IV. Парижская Коммуна.

а) Художественная литература и воспоминания.

- Ж. Валлес: «Инсургент».
 Л. Мишель: «Коммуна».

б) Исторические сочинения.

- Л. Дюбрейль: «Коммуна 1871 г.».
 В. Либкнехт: «48 год и Коммуна».
 К. Маркс: «Гражданская война во Франции 1870—71 г.г.».
 «Парижская Коммуна» (Сборн. статей. Изд. Коминтерна).
 И. Степанов: «Парижская Коммуна 1871 г.».

V. Революция в Германии 1918—19 г.г.

Художественная литература.

- Г. Келлерман: «9 ноября».
 Ф. Юнг: «Красная неделя».
-

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Арну, А.:** Народная История Парижской Коммуны.
- Бабеф, Г.:** Содержание доктрины Гракха Бабефа.
- Бах, М.:** Австрия в первую половину XIX века.
- Бернштейн, Э.:** Германская революция.
- Блан, Луи:** Программа.
- Бланки, Л. С.:** Прокламация (О красном знамени, 25 февр. 1848 г.).
- Блос, В.:** История Германской революции 1848 г.
- Блюм, Р.:** Из писем (Об Октябрьск. днях в Вене).
- Браун, Л.:** Письма маркизы.
- Валлес, Ж.:** Инсургент.
- Варлен:** Речь на суде.
- Воззвание Германской Соц.-Дем. Рабоч. партии (5 сент. 1870 г.).**
- Воззвание Забастовочного Комитета (13 янв. 1920 г.).**
- Воззвание Комитета Обществен. безопасности к рабочим Вены (16 июня 1848 г.).**
- Воззвание Коммунистических организаций (3 марта 1919 г.).**
- Воззвание Студентского Комитета к рабочим Вены (16 июля 1848 г.).**
- Воззвание фракции Независимых (11 февраля 1919 г.).**
- Воззвание Центральн. Совета Коммунистическ. партии (7 февр. 1919 г.).**
- Гаммедж, Р.:** История чартизма.
- Гартман:** Октябрьские дни в Вене.
- Гейне, Г.:** В октябре 1849 г. (Стихотв.).
- Тоже:** Французские дела.
- Герцен, А. И.:** Письма из Франции и Италии.
- Гра, Ф.:** Марсельцы.
- Тоже:** Террор.
- Гюго, В.:** Воспоминания о ночи 4 декабря (Стихотв.).
- Тоже:** Девяносто третий год.
- Тоже:** История одного преступления.
- Тоже:** Отверженные.
- Декларация независимости (Венгерская 1849 г.).**
- Декларация прав человека и гражданина (1789 г.).**
- Декларация прав человека и гражданина (1793 г.).**
- Декрет Временного Правительства (Франции, 25 февр. 1848 г.).**
- Декрет об учреждении национальных мастерских.**
- Джонс, С.:** Речь (27 марта 1848 г.).
- Тоже:** Песнь низших классов (Стихотв.).
- Диккенс, Ч.:** Повесть о двух городах.
- Жоффруа, Г. С.:** Бланки.
- Жирондистские адреса-протесты.**
- Золя, Э.:** Углекопы.
- Избирательный устав (временный) (Вена, 11 мая 1848 г.).**
- Кавеньяк, Е.:** Воззвание к национальной гвардии.
- Карманьола.**
- Келлерман, Г.:** 9 ноября.
- Крафт, Зденко:** Баррикады.
- Кровавая баня, статья из «Роте Фане».**
- Кропоткин, П. А.:** История Великой Французской революции.
- Лермонтов, М. Ю.:** 30 июня 1830. Париж (Стихотв.).
- Либкнехт, В.:** Р. Блюм и революция 48 г. в Германии.
- Тоже:** 48 год и Коммуна.
- Либкнехт, К.:** Несмотря ни на что.
- Луначарский, А.:** Революция 1848 г. в Италии.
- Люксембург, Р.:** В Берлине все спокойно.
- Манифест Временного Правительства (Германия, 12 ноября 1918 г.).**
- Манифест Равных.**
- Марат:** Письма.
- Тоже:** Статья в «Друге Народа».
- Маркс, К.:** Введение к статуту Интернационала.

- Тоже:** Воззвание Ген. Совета Межд. Об-ва Рабоч. по поводу гражданской войны во Франции 1870—71 г.г.
- Тоже:** Манифест коммунистической партии.
- Маргерит, П. и В.:** Коммуна.
- Марсельеза.**
- Мишель, Л.:** Коммуна.
- Мориссон:** Речь (На процессе Людовика XVI).
- Наполеон III:** Воззвание к армии.
- Нодье, III:** Воспоминания о революции.
- Носке, Г.:** Приказ (Об осадном положении в Берлине, 3 марта 1919 г.).
- Общество прав человека и гражданина** (Введение к уставу 1833 г.).
- Парижская Коммуна 1871 г.—Акты и документы.**
- Потье, Е.:** Интернационал (Международный гимн).
- Прокламация Революционного Комитета** (9 ноября 1918 г.).
- Прокламация повстанцев VIII округа** (Июньские дни 1848 г.).
- Робеспьер, М.:** Речь о собственности.
- Сен-Жюст:** Речь (на процессе Людовика XVI).
- Сорен, Э.:** История Италии.
- Союз Братских Демократов** (Воззвание к рабочим Британии и Ирландии 1848 г.).
- Степанов, И.:** Парижская Коммуна 1871 г.
- Стерн, Д.:** История революции 1848 г.
- Струве, Г.:** Воззвание к немецкому народу (21 сент. 1848 г.).
- Тургенев, И. С.:** Наши послали.
- Тьер:** Прокламация к жителям Парижа (17 марта 1871 г.).
- Уитмэн, У.:** Громче ударь, барабан... (Стихотв.).
- Тоже:** Зачинатели (Стихотв.).
- Фердинанд I:** Манифест (15 марта 1848 г.).
- Тоже:** Манифест (16 октября 1849 г.).
- Фибиш, К.:** Красное море.
- Флобер, Г.:** Воспитание чувства.
- Франс, А.:** Боги жаждут.
- Френкель, Л.:** Наш университет (Стихотв.).
- Фридрих-Вильгельм IV.:** Воззвание «К моим любезным берлинцам» (18 марта 1848 г.).
- Швейцер, Ж.:** Эмма.
- Эркман-Шатриан:** Воспоминания пролетария.
- Тоже:** История одного крестьянина
- Юнг, Ф.:** Красная неделя.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	стр.
Предисловие	3
Глава I. Великая Французская Революция (1789—1799)	5
1) Канун революции (Л. Браун. Письма маркизы)	—
2) Взятие Бастилии (Ч. Диккенс. Повесть о двух городах)	9
3) Декларация прав человека и гражданина 1789 г.	11
4) Основательные требования (Марат. Письма)	13
5) Низшие и высшие классы в революции (из статьи Марата)	15
6) Марсельеза	17
7) Взятие Тюльери (Ф. Гра. «Марсельцы»)	18
8) Процесс Людовика XVI.—(Речи Мориссона и Сен-Жюста) (К. Беркова. «Процесс Людовика XVI»)	22
9) Жирондисты (Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой Французской революции)	25
10) Казнь Людовика XVI (Ф. Гра. Террор)	26
11) Карманьола	27
12) Антирелигиозные настроения масс (Ф. Гра. Террор)	28
13) Речь Робеспьера о собственности	29
14) Декларация прав человека и гражданина (29 мая 1793 г.)	31
15) Восстание парижских секций (П. Кропоткин. Великая Французская революция)	33
16) Вандея (В. Гюго. Девяносто третий год)	34
17) Дантон, Марат и Робеспьер (В. Гюго. Девяносто третий год)	37
18) Марат (А. Франс. Боги жаждут)	40
19) Падение Робеспьера (А. Франс. Боги жаждут)	41
20) Реакция (Эркман-Шатриан. История одного крестьянина)	45
21) Манифест равных	46
22) Содержание доктрины Бабефа	48
23) Суд над Бабефом (Ш. Нодье. Воспоминания о революции)	50
24) 18 брюмера Наполеона Бонапарта (Эркман-Шатриан. История одного крестьянина)	—
Глава II. Революционная Франция 30-х г.г.	56
25) Июльская революция 1830 г. (Г. Жоффруа. Бланки)	—
26) «30 июля 1830 г. Париж» (М. Ю. Лермонтов)	58
27) Революционная вспышка в Париже в 1832 г. (В. Гюго. Отверженные)	—
28) На другой день после восстания (Г. Гейне. Французские дела)	62
29) Общество прав человека и гражданина (Введение к статуту Об-ва)	63
30) Бланкизм (Восстание в Париже в 1839 г.) (Г. Жоффруа. Бланки)	65
Глава III. 1848 год и коммунизм	68
31) Манифест Коммунистической партии	—
Глава IV. Революция во Франции в 1848 г.	74
32) Программа Луи Блана	—
33) Падение монархии (Г. Флобер. Воспитание чувства)	75

	стр.
34) Предательство буржуазии (Эркман-Шатриан. Воспоминания пролетария)	76
35) Красное знамя (Прокламация Бланки)	78
36) «Право на труд» (Д. Стерн. История революции 1848 г.)	—
37) Декрет Временного правительства «о праве на труд»	80
38) Декрет об учреждении национальных мастерских	—
39) Изнанка декрета об учреждении национальных мастерских (Бесседа Э. Тома с Мари)	81
40) Начало июньских дней (Д. Стерн. История революции 1848 г.)	82
41) «В память июньских дней» (Стихотворение)	84
42) Призыв к восстанию (Прокламация повстанцев 8 округа)	85
43) «Наши послали» (И. С. Тургенев. Наши послали)	86
44) Воззвание Е. Кавеньяка к армии	88
45) Мечь буржуазии (В. Либкнехт. 48 год и Коммуна)	89
Глава V. Революция в Германии в 1848—49 г.г.	91
46) 18 марта в Берлине (В. Либкнехт. Р. Блюм)	—
47) Воззвание короля Фридриха-Вильгельма IV	92
48) Буржуазия за работой (Ж. Швейцер. Эмма)	93
49) Франкфуртский парламент (В. Блос. История Германской революции 1848 г.)	97
50) Германская республика (Воззвание Г. Струве)	99
51) Восстание в Дрездене (Зденко фон-Крафт. Баррикады)	100
52) «В октябре 1849 г.» (Г. Гейне)	104
Глава VI. Революция в Австро-Венгрии в 1848—49 г.г.	105
53) Венская революция (В. Блос. История Германской революции 1848 г.)	—
54) Манифест австрийского императора	109
55) Временный избирательный устав (11 мая 1848 г.)	—
56) К рабочим Вены (Прокламация Комитета Общественной безопасности)	110
57) Студенчество в революции (Воззвание к рабочим Вены)	111
58) «Наш университет» (Л. Френкель)	—
59) Буржуазия и пролетариат в Венской революции (М. Бах. Австрия в первую половину XIX века)	112
60) Контр-революция (Манифест Фердинанда I)	114
61) Октябрьские дни (Из письма Р. Блюма)	115
62) Агония Вены (Гартман. Октябрьские дни в Вене)	116
63) Венгерская декларация независимости	117
Глава VII. Революция в Италии в 1848—49 г.г.	119
64) Провозглашение конституции в Неаполе (А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии)	—
65) Пятидневная революция в Милане (Э. Сорен. История Италии)	120
66) Конец Миланской революции (А. Луначарский. Революция 1848 г. в Италии)	122
67) Контр-революция в Неаполе (А. Луначарский. Революция 1848 г. в Италии)	123
68) Римская республика (А. Луначарский. Революция 1848 г. в Италии)	124
Глава VIII. Революционное движение в Англии в 1848 г.	126
69) Мартовские дни (Р. Гаммедж. История чартизма)	—
70) Речь Эрнеста Джонса	127
71) 10 апреля (Р. Гаммедж. История чартизма)	—
72) Пролетарская позиция в революции 1848 г. (Воззвание Союза Братских Демократов)	129
73) «Песнь низших классов» (Э. Джонс)	131
Глава IX. Вторая империя во Франции.—1851 г.	133
74) Воззвание президента республики к армии	—
75) 2 декабря 1851 г. (В. Гюго. История одного преступления)	134
76) «Воспоминание ночи 4 декабря» (В. Гюго)	138

	стр.
Глава X. Интернационал	140
77) Основание Интернационала (Мотивировка К. Маркса к статутам Интернационала)	—
78) Интернационал в рабочей массе (Э. Золя. Углекопы)	141
79) Речь Варлена перед судом	143
Глава XI. Парижская Коммуна 1871 г.	145
80) Падение империи во Франции (А. Арну. Народная история Парижской Коммуны)	—
81) «Рабочие не имеют отечества» (Воззвание Ц. К. Германск. С.-Д. Рабочей партии)	147
82) Начало революции (Ж. Валлес. Инсургент)	—
83) Прокламация Тьера к жителям Парижа (17 марта 1871 г.)	151
84) 18 марта 1871 г. (И. Степанов. Парижская Коммуна 1871 г.)	152
85) Начало Коммуны (Ж. Валлес. Инсургент)	154
86) Воззвание Центр. Комитета Национальной гвардии. 19 марта	156
87) Воззвание Парижской Коммуны 29 марта	157
88) Декрет Парижской Коммуны об отделении церкви от государства	158
89) Воззвание к парижским гражданам 11 апр.	—
90) Декрет Парижской Коммуны о свержении Вандомской колонны 13 апреля	160
91) Воззвание Комитета Общественного Спасения 12 мая	—
92) Воззвание Комитета Общественного Спасения 2 приэриала 79 г.	—
93) Последние дни Коммуны (Л. Мишель. Коммуна)	161
94) «На баррикаде» (В. Гюго)	166
95) Расправа (Версальские солдаты. Парижская буржуазия)	167
96) Статистика убийств (П. и В. Маргерит. Коммуна)	168
97) «Интернационал» (Э. Потье)	169
98) Парижская коммуна и Интернационал (К. Маркс. Воззвание Генералн. Совета Международн. Об-ва Рабоч. по поводу гражданской войны во Франции 1871 г.)	170
Глава XII. Революция в Германии 1918—19 г.г.	172
99) Прокламация революционного комитета	—
100) 9 ноября в Берлине (Г. Келлерман. 9 ноября)	—
101) » » (К. Фибих. Красное море)	174
102) Манифест Временного Правительства	175
103) Социал-предатели (Ф. Юнг. Красная неделя)	176
104) Восстание Спартаковцев (Э. Бернштейн. «Германская революция»)	178
105) «Несмотря ни на что» (К. Либкнехт)	179
106) «В Берлине все спокойно» (Р. Люксембург)	181
107) Убийство К. Либкнехта и Розы Люксембург (Эд. Бернштейн. «Германская революция»)	182
108) Кровавая баня (Статья из газ. «Красное Знамя»	183
109) Воззвание Центрального Совета Коммунистической партии	184
110) Воззвание фракции Независимых	—
111) Воззвание Коммунистических организаций	185
112) Приказ Носке	186
113) Воззвание забастовочного комитета	187
114) «Громче ударь, барабан...» (Уот Уитмэн)	188
115) «Зачинатели» (Уот Уитмэн)	189
Указатель книг для самостоятельного чтения	190
Алфавитный указатель	192
Оглавление	194

Цена 70 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Ленинград: Просп. 25 Октября 52, магазин „Книжные
Новинки“, Тел. 5-45-77.

Москва: Московское отделение, издательство „ПРИБОЙ“
Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09.